

6. —

Dr. K. O. O'Connell

1966 г.

35. II P

V

1933к
654

Из книг

А.Н. Островского

ед. № 316

А. Н. Остроумов

Копия Франко — Байрон
Костюма 2д. — Тондана

1555 K
654.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

МАРИНО ФАЛЬЕРО.

ТРАГЕДІЯ БАЙРОНА.

ПЕРЕВОДЪ

Е. Ф. Зарина.

17608

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

- Марино Фальеро, венеціанскій дожъ.
 Бергуччіо Фальеро, племянникъ дожа.
 Люци, патрицій и сенаторъ.
 Бенинтендъ, президентъ Совѣта Десяти.
 Микель Стено, молодой патрицій, членъ Совѣта Сорока.
 Изразль Бергуччіо, начальникъ арсенала.
 Филиппо Календаро
 Даголино } Заговорщики.
 Бертрамъ }
 Синьоръ Ночи—«Signore de Notte» — офицеръ высшей полиціи.
 Первый }
 Второй } Горожане.
 Третій }
 Винченцо }
 Пиетро } Офицеры при дворѣ дожа.
 Баттиста }
 Секретарь—Совѣта Десяти.
 Анджіолина, жена дожа.
 Маріанна, ея статсъ-дама.

Дѣйствіе въ Венеціи, въ 1355 году.

АКТЪ ПЕРВЫЙ.

СЦЕНА I.

Передняя [во дворѣ дожа.

Пиетро и Баттиста.

Пиетро (*входя*). Посла все нѣтъ?

Баттиста.

Все нѣтъ. Я продолжаю

Справляться поминутно, какъ ты мнѣ

Наказывалъ; но осужденье Стено

Еще не состоялось: Совѣтъ

Съ нимъ долго не кончается.

Пиетро.

Слишкомъ долго—

Такъ думаетъ по крайней мѣрѣ дождь.

Баттиста. А какъ себя онъ держитъ въ ожиданьи

Рѣшенія?

Пиетро. Не очень терпѣливо.

Надъ грудой государственныхъ бумагъ—

Трактатовъ, просьбъ, рапортовъ, увольненій,

Судебныхъ приговоровъ и депешъ,

Онъ кажется весь погруженнымъ въ дѣло

За дожескимъ столомъ своимъ; но чуть

Дверь заскрипитъ, иль стукъ какой раздастся,

Иль шумъ шаговъ, иль говоръ гдѣ нибудь,

Онъ тотчасъ подымаетъ быстрый взоръ,

Привстанеть—достоитъ—опять садится,

И снова на какой-нибудь эдиктъ

Уставитъ взоръ: однако я замѣтилъ,

Что передъ нимъ лежитъ, примѣрно, съ часъ
Одинъ и тотъ же листъ.

Баттиста. Онъ очень тронуть,
Какъ говорятъ; да и по правдѣ, Стено
Куда какъ нагло поступилъ.

Пиетро. Конечно,
Когда бъ онъ былъ бѣднякъ какой; но Стено
Самъ дворянинъ; онъ молодъ, гордъ, повѣса
И весельчакъ.

Баттиста. Ты думаешь, его
Не слишкомъ покарають?

Пиетро. Хорошо,
Когда бы покарали справедливо.
Не намъ съ тобой однако упреждать
Рѣшенье Сорока.

Баттиста. Вотъ и оно.
Что новаго, Винченцо?

Винченцо (*который входитъ*).

Рѣшено;
Но приговоръ покуда неизвѣстенъ.
Я видѣлъ самъ, какъ президентъ печать
Прикладывалъ къ пергаменту, чтобъ тотчасъ
Рѣшенье Сорока представить дожу.
Мнѣ велѣно его предупредить.

СЦЕНА II.

Комната дожа.

Марино Фальеро, дожъ, и племянникъ его, Бертуччо Фальеро.

Б. Фальеро. Не можетъ быть; они конечно вамъ
Окажутъ правосудье.

Дождъ. Да, такое,

Какъ мнѣ авогадоры оказали;
Что дѣло отослали къ «Сорока»,
Въ «судъ равныхъ», значить, то есть, гдѣ онъ самъ
Судьей сидить.

Фальеро. Но «равные» едва ли

Покрывать его посмѣютъ; иль они
Примѣръ неуваженія покажутъ
Ко всѣмъ правамъ.

Дождь. Какъ будто ты не знаешь

Венецію? не знаешь этихъ Сорокъ?

А впрочемъ, мы увидимъ.

Б. Фальеро (*къ Винченцо, который входитъ*).

А! скорѣй, —

Ну, что и какъ?

Винченцо. Я присланъ доложить

Ихъ свѣтлости, что судъ свое рѣшенье

Постановилъ и что какъ только будетъ

Исполненъ весь положенный обрядъ,

То приговоръ представленъ будетъ дожу.

А въ ожиданьи, Сорокъ шлютъ привѣтъ

Начальнику республики и просятъ

Принять ихъ уваженье.

Дождь. Да, они

Всегда такъ уважительны, такіе

Покорные! Рѣшенье состоялось,

Ты говоришь?

Винченцо. Такъ точно, государь!

Во то время, президентъ къ нему печать

Прикладывалъ, когда я позванъ былъ,

Чтобъ въ тотъ же мигъ законнымъ извѣщеньемъ

Почтить главу республики, а вмѣстѣ

И челобитчика въ одномъ лицѣ.

Б. Фальеро. А нѣтъ у васъ о сущности рѣшенья

Какойнибудь догадки?

Винченцо. Нѣтъ, синьоръ;
Вы знаете таинственность обрядовъ
Судовъ венеціанскихъ.

Б. Фальеро. Это правда;
Но и затѣмъ есть кое-что, на чемъ
Пытливый взглядъ и острый наблюдатель
Способны основаться: это—шопотъ,
Движеніе губъ, и больше или меньше
Суровый видъ судилища. Вѣдь Сорокъ
Не болѣе какъ люди — люди очень
Достойные, и мудрые — согласенъ,
Воздержные и честные—то правда,
И скрытные не меньше, чѣмъ могила,
Въ которую преступника кладетъ
Ихъ приговоръ—все такъ; но и за этимъ,
На ихъ лицѣ, ну, на лицѣ хоть тѣхъ,
Которые моложе между ними,
Пытливый взглядъ, Винченцо, взглядъ, какъ твой,
Могъ прежде приговоръ прочесть; чѣмъ онъ
Произнесенъ.

Винченцо. Синьоръ, я пробылъ тамъ
Мгновеніе, и наблюдать, что было
Межъ судьями, досуга не имѣлъ.
Притомъ, я сталъ вблизи Микеля Стено,
Имѣвъ въ виду...

Дождь (*прерывая его*). А этотъ какъ глядитъ?

Винченцо. Онъ тихъ, но не убитъ, и терпѣливо,
Мнѣ кажется, рѣшенья ждетъ. Но вотъ
Оно уже восходитъ къ государю.

(*Входитъ секретарь Совѣта Сорока*).

Секретарь. Верховный судъ Совѣта Сорока

Привѣтъ и здравье посылаетъ дожу.

Ихъ свѣтлость приглашается скрѣпить

Рѣшеніе на счетъ Микеля Стено,

Рожденьемъ дворянина, и суду
Подпавшаго по дѣлу, о которомъ
Изложено и значится въ приказѣ
Осмѣлюсь вамъ представить.

Дождь.

Подождите —

Подите—тамъ.

(Секретарь и Винченцо уходятъ.—Къ Б. Фальеро).

На—ты возьми бумагу.

Съ нея, какъ дымъ, сбѣгають буквы; я
Не въ силахъ разбирать.

Б. Фальеро.

Повремените,

Любезный дядюшка: зачѣмъ вы весь

Дрожите такъ? Я васъ могу увѣрить,

Все будетъ такъ, какъ только мы могли

Желать того.

Дождь.

Читай!

Б. Фальеро (Читаетъ): Опредѣлили

«Единодушнымъ мнѣньемъ голосовъ,

Дабы Микеля Стено—такъ какъ онъ

Признался самолично, что въ ночи

Последней карнавала онъ, украдкой,

На дожескомъ престолѣ написалъ

Сія слова»...

Дождь.

Ты повторить ихъ хочешь?

Ты хочешь повторить ихъ *); ты—Фальеро?

Продлить позоръ, покрывшій весь нашъ домъ—

Въ главѣ его—въ главѣ и государѣ

Венеціи, царицы городовъ?..

Ну—приговоръ!

*) Слова эти были слѣдующія:

Marin Faliero della bella moglie

Altri la gode ed egli la mantiene.

То есть: „Марино Фальеро—мужъ прѣкраснѣйшей изъ женщинъ; другіе ее ласкають, а онъ ее покоить“. Но смыслъ подлинника нѣсколько грубѣе.

Б. Фальеро. Простите, государь;
Я опушу. (*Читаетъ*). «Дабы Микеля Стено
На мѣсяць въ заключенье посадить».

Дождь. Ну—продолжай.

Б. Фальеро. Синьоръ, я кончилъ.

Дождь. Что?

Какъ кончилъ?—Кончилъ!—Ложь!—Иль это сонъ?
Поддай сюда приказъ. (*Читаетъ*). «Опредѣлили,
Дабы Микеля Стено посадить»...
Племянникъ, руку!

Б. Фальеро. Чтò вы—успокойтесь!

Я этого совсѣмъ не понимаю.

Позвольте мнѣ позвать кого сюда,

Дождь. Постой—не торопись—со мной прошло.

Б. Фальеро. Я съ вами соглашаюсь: приговоръ,

Въ сравненіи съ обидой, слишкомъ легко;

Для Сорока едва ли это честно—

Столь легкое взысканье положить

За дерзкое такое оскорбленье—

Не васъ однихъ, а даже ихъ, какъ вашихъ

Все жъ подданныхъ; но въ этомъ я не вижу

Большаго зла: вы въ правѣ заявить

Еще разъ апелляцію—иль къ нимъ,

Или къ авогадорамъ; эти, правда;

Отъ дѣла уклонились разъ уже;

Но такъ какъ въ немъ нарушена такъ явно

Прямая справедливость, то они

Едва ль теперь легко такъ отнесутся

Къ ругателю... Чтò, дядюшка, на это

Вы скажете?.. Но что вы такъ стоите,

Какъ вкопанный?.. Послушайте, что съ вами?

Дождь. О, если бъ вдругъ явились сарацины

На площади Святаго Марка! Вотъ какъ

Я поклонился бъ имъ!

(Сбрасываетъ свою дождевую шапку и готовится затоп-
тать ее; племянникъ его удерживаетъ).

Б. Фальеро. Во имя неба

И всёхъ его угодниковъ...

Дождь. Отстань!

О, если бь генуэзцы вдругъ явились

На нашихъ пристаняхъ! О, если бь гунны,

Которыхъ я разбилъ подь Царой, вдругъ

Вокругъ дворца построились рядами!

Б. Фальеро. Прилично ль вамъ, венеціанскій дождь,

Такъ говорить?

Дождь. Венеціанскій дождь!

Кто дождь теперь въ Венеціи? Какъ мнѣ

Увидѣть бы его, чтобъ онъ помогъ

Достичь мнѣ правосудья?

Б. Фальеро. Если вы

Свой санъ, свой долгъ, достоинство забыли,

Какъ государь, то вспомните о нихъ,

Какъ человѣкъ; смирите эту страсть.

Венеціанскій дождь...

Дождь (прерывая его). Нѣтъ больше дожа —

Онъ обратился въ слово; даже хуже —

Въ пословицу. Когда презрѣнный нищій,

Живущій подаянїемъ, отказъ

Получить отъ кого, онъ милосердье

Найдетъ въ другомъ. Но тотъ, кому въ правахъ

Отказываютъ люди, надъ правами

Поставленные стражей — тотъ бѣднѣй

Отверженнаго нищаго: онъ рабъ —

И вотъ чѣмъ я, и ты, и весь нашъ домъ

Сталъ съ часа этого: батракъ послѣдній

Въ насъ тыкать будетъ пальцемъ, а надменный

Патрицій будетъ харкать... Гдѣ защита

Теперь для насъ?

Б. Фальеро. Въ законѣ, государь.
Дождь (*прерывая его*). Ты видишь, что онъ сдѣлалъ: я другой

Защиты не искалъ, кромѣ закона,
Не думалъ мстить, какъ только чрезъ законъ,
Просилъ судей, поставленныхъ закономъ;
Я—государь—и требовалъ суда
У подданныхъ—у подданныхъ, что сами
Избрали же меня и въ государи,
Давъ право мнѣ считаться имъ вдвойнѣ.
И вотъ права—избранья, положенья,
Рожденія, заслугъ, мои лѣта,
Отличія, и эти шрамы, эти
Сѣдые волосы, труды, походы,
Опасности, лишенья, потъ и кровь
Восьмидесяти лѣтъ почти—все это
Кидаютъ на вѣсы противъ такой
Безстыднѣйшей обиды, черноты,
Невѣроятной мерзости злорѣчья
Патриція нахала—и нахаль
Склонилъ вѣсы! И это перенести,
По твоему, возможно?

Б. Фальеро. Я объ этомъ
Не говорю; но пусть они откажутъ
Вамъ въ новой апелляціи, тогда
Мы поглядимъ...

Дождь. Вновь апеллировать!
Да точно ль ты сынъ брата моего?
Вѣтъвъ дома Фаліеро? точно ль ты
Племянникъ дожда? кровь отъ этой крови,
Которая Венеціи дала
Троихъ владыкъ?.. Но ты, пожалуй, правъ;
Намъ присмирѣть приходится теперь.

Б. Фальеро. Но, государь мой, дядюшка! вы слишкомъ
Волнуетесь. Нѣтъ слова—оскорбленье

Не малое, и, что еще обиднѣй,
Оставлено безъ должнаго взысканья.
Но этотъ гнѣвъ какую вамъ угодно
Обиду превышаетъ; если мы
Оскорблены, то прежде правосудья
Потребуемъ; откажутъ—такъ мы сами
Возьмемъ его; но это все спокойно
Мы сдѣлаемъ: прямая месть—дита
Глубокаго молчанья. Я въ три раза
Моложе васъ, навѣрное; я самъ
Люблю нашъ домъ; я уважаю васъ—
Его главу, дней молодыхъ моихъ
Хранителя и друга, и конечно
Всю вашу боль я чувствую и самъ;
Но и затѣмъ мнѣ тяжело смотрѣть
Но этотъ гнѣвъ, волнамъ морскимъ подобный
И рвущійся изъ всякихъ береговъ.

Дождь. Я говорю—тебѣ ли говорить
Я долженъ то, что твой отецъ безъ всякихъ
Словъ понялъ бы? Иль чувства у тебя
Способны ощущать лишь заушенья
Тѣлесныя? Иль у тебя въ душѣ
Ни гордости, ни страсти нѣтъ, ни чувства
Необоримой чести?

В. Фальеро. Эта честь
Подверглась подозрѣнью въ первый разъ;
Онъ былъ бы и послѣдній, будь другой
На вашемъ мѣстѣ скептикъ.

Дождь. Ты пойми
Всю силу оскорбленья этой твари,
Ползучей этой гадины, свой ядъ
Излившей въ пасквиль—Боже, Боже!—пасквиль
Про честь моей супруги, честь ближайшей,
Дражайшей части нашей, какъ весь миръ

Считать привыкъ! Мерзавецъ сдѣлалъ сплетню
Добычею поденщиковъ лѣнивыхъ,
Ихъ сквернословныхъ толковъ, жестовъ ихъ
И прибаутокъ скотскихъ; между тѣмъ
Какъ знатные патрици, въ тожь время,
Шутливо повторяя эту ложь,
Злорадствуютъ, что я сравнялся съ ними,
Учтивыми мужьями, что свой срамъ
Съ терпѣньемъ переносятъ и, быть можетъ,
Гордятся имъ.

Б. Фальеро. Но это же была
Простая ложь, въ чемъ вы и убѣдились
И убѣдили всякаго.

Дождь. Племянникъ,
Высокомѣрный римлянинъ сказалъ:
«Супруги Цезаря и подозрѣнье
Коснуться не должно» — и онъ затѣмъ
Прогналъ ее.

Б. Фальеро. Прогналъ, но въ наше время...

Дождь. Что можетъ быть, чего бы гордый Цезарь
Стерпѣть не могъ, но долженъ перенести
Венеціанскій дождь? Старикъ Дандоло
Всѣхъ кесарей короной пренебрегъ,
А между тѣмъ носилъ вотъ эту шапку,
Которую топчу я, потому что
Она теперь унижена.

Б. Фальеро. Да, точно,
Унижена.

Дождь. Унижена да, — да,
Но я не мстилъ невинному созданию,
Столь подло обнесенному за то,
Что старика, который былъ патрономъ
Ея семьи, который другомъ былъ
Ея отца, она взяла въ супруги...

Какъ будто бы для женщины другихъ
Волненій нѣтъ, какъ только страсть при видѣ
Лицъ молодыхъ! Я не прогналъ ее;
Но я призвалъ къ суду моей отчизны
Клеветника—къ суду, гдѣ находить
Защиту долженъ всякій, у кого
Жена ли есть, цѣнимая за вѣрность,
Иль хижина съ любимымъ очагомъ,
Иль имя небезчестное—и ихъ
Своей чумой посмѣло бы коснуться
Проклятоё дыханье клеветы.

Б. Фальеро. Какаго же вы ждали наказанья
Его поступку?

Дожь. Смерти! Развѣ я
Не оскорбленъ, какъ государь, въ моемъ
Величествѣ—на самомъ даже тронѣ?
Не обращенъ въ посмѣшище людей,
Обязаннымъ ко мнѣ повиновеньемъ?
Не преданъ поруганью, какъ супругъ?
Безчестію, какъ человѣкъ? презрѣнью,
Какъ высшая общественная власть?
И развѣ эта наглость не измѣна?
И онъ живетъ! Намажь онъ эту пасквиль
На чурбанѣ простаго батрака,
А не на тронѣ дожа—онъ всей кровью
За это заплатилъ бы въ тотъ же мигъ:
Батракъ его не мѣстѣ разразилъ бы.

Б. Фальеро. Ручаюсь вамъ, онъ до заката солнца
Не доживетъ; я этимъ озабочусь
И успокою васъ.

Дожь. Племянникъ, стой!
Вчера еще я бѣ этимъ былъ доволенъ;
Но съ этихъ поръ на этомъ человѣкѣ
Я не ищу.

Б. Фальеро. Какъ такъ? Его вина
Не вдвое ль увеличилась чрезъ это—
Я не скажу потворство, потому что
Хочу сказать точнѣе—черезъ это
Признаніе вины его судомъ
И непризнание кары?

Дожь. Да, она,
Конечно, увеличилась; но онъ
Правѣе сталъ: его простили Сорокъ,
А Сорока мы слушаться должны.

Б. Фальеро. Ихъ слушаться, когда они забыли
Свой долгъ къ ихъ государю?

Дожь. Какъ, уже ль
Ты это замѣчаешь наконецъ?
Ты правъ, дитя; въ моихъ правахъ обиженъ
Я всячески: и такъ, какъ гражданинъ,
Пришедшій въ судъ, и такъ, какъ государь,
Творящій судъ; но, не смотря на это,
Ты волоса не долженъ повредить
На головѣ у Стено—онъ и такъ
Носить ее теперь недолго будетъ.

Б. Фальеро. Не долѣе двѣнадцати часовъ—
Позвольте только мнѣ распорядиться.
Вы, кажется, подумали, что я
Согласенъ допустить, чтобъ негодяю
Легко такъ вернуться удалось;
А я хотѣлъ, напротивъ, успокоить
Вашъ бурный гнѣвъ, чтобы рѣшить съобща,
Какъ съ нимъ вѣрнѣй покончить.

Дожь. Нѣтъ, племянникъ,
Онъ долженъ жить: такая, какъ его,
Жизнь подлая для насъ теперь ничто.
У древнихъ былъ обычай—исправлять
Однимъ тельцомъ простые лишь обряды;

Въ великихъ приношеніяхъ они
Сжигали гекатомбу.

Б. Фальеро. Ваша воля

Есть мой законъ: а я бы такъ охотно
Вамъ доказаль, какъ сердцу моему.

Всегда близка честь дома Фаліеро.

До жъ. Не бойся; ты, я полагаю, будешь .

Имѣть, возможность это доказать;

Но до поры, не будь нетерпѣливъ,

Какъ я вотъ былъ; я самъ теперъ стыжусь

За невоздержный гнѣвъ свой, и надѣюсь—

Ты извинишь меня.

Б. Фальеро. Какъ въ этомъ видѣнъ

Вновь дядя мой—воитель, мужъ совѣта,

Свободнаго народа государь,

И господинъ въ тожъ время надъ собою!

Я такъ былъ удивленъ, что въ эти лѣта

Вы такъ могли забыться, хоть причина...

До жъ. Да, думай о причинѣ; берегись

Забуть ея: глаза ль сомкнешь ты ночью,

Пусть черная, она и въ самомъ снѣ

Тебя не покидаетъ; поутру ль

Проснешься ты—пусть межъ тобой и солнцемъ

Она стоитъ, какъ вѣщяя гроза

Надъ праздникомъ весеннимъ: таковою

Она стоитъ передо мной; но будь

И нѣмъ, и недвижимъ; все предоставь

Мнѣ одному; намъ будетъ много дѣла,

И ты свою имѣть въ немъ будешь часть.

Теперь—ступай; я долженъ здѣсь на время

Побыть одинъ.

Б. Фальеро. Я напередъ хочу

Прибрать для васъ вотъ эту вещь, пока

Наступить часъ смѣнить его короной.

(Подымаетъ и кладетъ на столъ дожескую шапку):

Затѣмъ, я на прощаньи умоляю

Васъ, государь, разсчитывать, что я,

Какъ родственникъ вашъ близкій и какъ вѣрный.

Вашъ подданный и гражданинъ, готовъ

На все, на все для васъ. *(Уходитъ):*

До жъ *(одинъ)*. Прощай, достойный

Племянникъ мой!

(Взявши дожескую шапку).

Ничтожная игрушка,

Повитая всѣмъ терниемъ коронь,

Носимыхъ королями, но такъ жалко

Лишенная всего величья ихъ,

На головѣ, безславіемъ покрытой!

Пустая, опозоренная цаца,

Дай я тебя надѣну... хоть какъ маску.

(Надѣваетъ ее).

Какъ подъ тобой пылаетъ мозгъ, какъ бьются

Мои виски подъ тяжестью твоей

Безславною!.. Ужель тебя короной

Я сдѣлать не могу? ужель, на зло

Сторукому сенату, не могу я

Сломать его сторукоятный скипетръ,

Которымъ дождь—въ парадъ, народъ—въ ничто

Обращены?.. Мнѣ въ жизни удавались

Дѣла не меньше трудныя—дѣла

На пользу тѣхъ, что такъ мнѣ заплатили!

Уже ль я не могу имъ отплатить?

О, если бъ годъ, о, если бъ день одинъ

Мнѣ юности! той юности, когда

Вотъ этотъ трупъ такъ былъ покорень духу,

Какъ чуткій конь покорень сѣдоку!

Не много бы друзей мнѣ было нужно,

Чтобь разметать патрициевъ надутыхъ.

Теперь же я обязанъ поискать

Вокругъ себя другихъ рукъ, чтобь помочь

Вотъ этой головѣ сѣдой. Въ ней впрочемъ

Роится планъ, который не оставитъ

Работы геркулесовской рукамъ.

Конечно, онъ пока еще хаосъ

Въ туманѣ зарождающихся мыслей;

Мое воображеніе—въ трудахъ

Зачатія; но смутныя видѣнья

Уже я различаю и могу

Въ нихъ прозрѣвать рѣшеніе... Всѣхъ войскъ

Въ Венеціи... *(Входитъ Винченцо).*

Винченцо. Тамъ просятъ, ваша свѣтлость,

Аудиенци.

Дождь. Я нездоровъ;

Я не приму, будь это хоть патрицій;

Скажи, чтобь онъ отправился въ Совѣтъ,

Когда имѣетъ дѣлю.

Винченцо. Государь,

Я передамъ отвѣтъ вашъ; онъ плебей,

И, кажется, что капитанъ галеры;

Такъ отказать ему—неважность.

Дождь. Какъ!

Ты говоришь, онъ капитанъ галеры?...

То есть, слуга отечества? Введи;

Онъ по дѣламъ республики, быть можетъ.

(Винченцо уходитъ. Дождь одинъ).

Попробуемъ, что скажетъ намъ морякъ.

Народъ нашъ недоволенъ — съ той поры,

Какъ Генуя надъ нимъ при Сапиенцѣ

Побѣду одержала; недоволенъ

Особенно съ тѣхъ поръ, какъ въ государствѣ

Онъ сталъ ничто, иль хуже—сталъ машиной,

Чтобъ исполнять нелѣпый произволъ
Патриціевъ. Войска не получаютъ
Положенныхъ окладовъ; ихъ проводятъ
Посулами; они открыто ропшутъ;
Надежда перемѣны поведетъ
Ихъ далеко; грабежъ имъ дастъ возможность
Взыскать свой долгъ. Затѣмъ попы—попы;
Я сильно въ духовенствѣ сомнѣваюсь.
Съ тѣхъ поръ какъ я епископу дѣлѣю
Даль по щекѣ въ Тревизѣ *), за его
Напыщенную медленность въ служеньи,
Оно противъ меня... Во всякомъ разѣ,
Его купить—по крайней мѣрѣ въ Римѣ
Главу его—зависитъ отъ меня,
Отъ кой-какихъ уступокъ. Но всего,
Всего главнѣй: я долженъ дорожить
Мгновеньями; мой заходящій возрастъ
Такъ близокъ ужъ къ закату. Если я
Освобожу Венецію, отмщю
За свой позоръ—я слишкомъ много жилъ,
Чтобы заснуть охотно и спокойно
Хоть въ тотъ же мигъ между моихъ отцовъ.
Но если нѣтъ, то какъ жалѣть я буду,
Что я рожденъ! Да, лучше бъ не родиться,
Чѣмъ сдѣлаться посмѣшищемъ такихъ
Архитирановъ. Будемъ разсуждать
Спокойнѣе. Республиканскихъ войскъ
Три тысячи размѣщены... (*Входятъ Винченцо и Израэль
Бертуччіо*).

Винченцо.

Осмѣлюсь

Представить, ваша свѣтлость: это тотъ,
О комъ я вамъ докладывалъ, что проситъ
Аудіенціи.

*) Историческій фактъ.

80051

- Дождь. Ты можешь выдти. (*Винченцо уходитъ*).
А вы смѣлѣе будьте. Вы просить
Чего нибудь, конечно?
- И. Бертуччіо. Правосудья.
- Дождь. Такъ; у кого?
- И. Бертуччіо. У Бога и у дожа.
- Дождь. Увы, мой другъ! въ Венеціи ни чести,
Ни вѣсу нѣтъ обоимъ имъ. Ты можешь
Къ Совѣту обратиться.
- И. Бертуччіо. Это будетъ
Напрасный трудъ. Мой оскорбитель самъ
Присутствуетъ въ Совѣтѣ.
- Дождь. У тебя
Кровь на лицѣ. Чья это кровь?
- И. Бертуччіо. Моя;
И это ужъ не первая, что пролилъ
Я за Венецію, но въ первый разъ
Рукой венеціанца пролитая;
Мнѣ дворянинъ ударъ нанесъ.
- Дождь. Онъ живъ?
- И. Бертуччіо. До времени; но я надѣюсь—вы,
Мой государь, самъ будучи солдатомъ,
Въ защитѣ не откажете тому,
Кто, какъ солдатъ, покорный дисциплинѣ,
Не въ правѣ быть защитой самъ себѣ.
Но если я ошибся, то я кончилъ
Мой разговоръ.
- Дождь. И примешься за дѣло?
Не такъ ли?
- И. Бертуччіо. Государь! я человѣкъ.
- Дождь. А тотъ, кто разможилъ тебя?
- И. Бертуччіо. Онъ тоже.
Слыветъ за человѣка, и еще
За благороднаго, по крайней мѣрѣ—

Въ Венеціи: но если я ему
Кажусь не человѣкомъ, то и скоть
Не все вѣдь переносить.

Дождь. Ты забылъ
Сказать его фамилію.

И. Бертуччіо. Барбаро.

Дождь. Какой же онъ предлогъ имѣлъ, иль поводъ?

И. Бертуччіо. Я, государь, начальникъ арсенала,
Гдѣ все теперь работаетъ надъ тѣмъ,
Чтобъ привести въ порядокъ пострадавшій
Нашъ бѣдный флотъ. Сегодня поутру
Является Барбаро; начинаетъ
Кричать на мастеровъ—зачѣмъ они,
Бывъ заняты общественной работой,
Забыли про какой-то вздоръ—заказъ
Его семьи: я смѣлость взялъ вступиться
За бѣдняковъ; онъ размахнулся и...
Вотъ кровь моя. Она течетъ безчестно
Лишь въ первый разъ.

Дождь. А какъ давно ты служишь?

И. Бертуччіо. Не такъ давно, чтобы осаду Цары
Могъ позабыть; тотъ побѣдитель гунновъ,
Что управлялъ тамъ битвой, былъ тогдашній
Мой генераль, а нынѣ дождь—Фальеро.

Дождь. Такъ мы съ тобой товарищи? Ужели?

Я вновь эту мантию ношу;
Ты вѣрно назначенье получилъ
До моего прибытія изъ Рима;
Иначе, я тебя бы долженъ знать.
Ты кѣмъ опредѣленъ?

И. Бертуччіо. Последнимъ дожемъ,

При чемъ я сохраняю за собой
И мой корабль; а мѣсто мнѣ дано
Въ возмездіе за «кой-какіе шрамы»;

Такъ милостиво выразился самъ
Предмѣстникъ вашъ. Въ то время я не думалъ,
Чтобъ вслѣдствіе подобной доброты,
Я могъ къ его преемнику явиться
Просителемъ молящимъ—по такому
По крайней мѣрѣ дѣлу.

Дождь. И ты ранень
Довольно тяжело?

И. Бертуччіо. Неизлечимо,
На собственный мой взглядъ.

Дождь. Скажи мнѣ прямо,
Не бойся ничего: что можешь ты
Къ отпущенію обиды предпринять?

И. Бертуччіо. А то, чего назвать вамъ я не смѣю—
Но предприму.

Дождь. Тогда зачѣмъ же было
Идти сюда?

И. Бертуччіо. Я шелъ за правосудьемъ:
Я зналъ, что дождь—мой бывший генералъ,
Что стараго солдата, какъ тряпицу,
Топтать онъ не позволить. Будь другой
На дожескомъ престолѣ, не Фальеро,
Такъ эта кровь была бы ужъ омыта
Въ другой крови.

Дождь. Такъ ты за правосудьемъ
Пришелъ теперь ко мнѣ—ко мнѣ, какъ къ дождю
Венеціи, и я не въ силахъ дать
Тебѣ его; я получить его
Не въ силахъ даже самъ; мнѣ было въ немъ
Торжественно отказано—тому
Лишь часъ назадъ.

И. Бертуччіо. Что это, ваша свѣтлость,
Вы говорите?

Дождь. Стено осуждень

На мѣсяць заключенья.

И. Бертуччіо. Какъ! тотъ самый,
Что намаралъ на вашемъ тронѣ гнусность,
Всѣмъ уши прокричавшую во всей
Венеціи?

Дождь. Да, да; она конечно
Должна была, какъ эхо, пронестись
У васъ надъ арсеналомъ, отзываясь
Веселой прибауткой мастеровъ,
При каждомъ ихъ ударѣ въ наковальню,
Или подъ тактъ скрипучаго весла,
Служа рабу галерному куплетцемъ...
И этотъ рабъ, кончая свой напѣвъ
Охрипшею гортанью, торжествуетъ,
Что онъ не столь позорный шутъ, какъ дождь.

И. Бертуччіо. Возможно-ли? Лишь мѣсяць заключенья!
Не болѣе, для Стено?

Дождь. О его
Преступности ты зналъ уже; теперь
Ты знаешь о его и наказаньи:
И все-таки ты будешь правосудья
Во мнѣ искать! Отправься къ Сорока;
Повѣрь, они осудятъ и Барбаро
Нисколько не слабѣй.

И. Бертуччіо. Ахъ, если бъ я
Смѣлъ только объяснить мои вамъ чувства!

Дождь. Дай имъ просторъ; моихъ ничто ужъ въ мирѣ
Не оскорбитъ.

И. Бертуччіо. Ну, словомъ: вамъ одно
Сказать лишь стоитъ слово, чтобъ отмстить
И наказать — конечно, не мою
Пустяшную обиду: что такое
Толчокъ одинъ, хотя и очень подлый,
Ничтожному созданію, какъ я?

Нѣтъ, наказать презрѣнное нахальство,
Которому подверглись вы, какъ дождь
И человѣкъ.

Дождь. Я далеко не такъ
Могущественъ, какъ ты воображаешь.
Подъ этимъ колпакомъ я не монархъ;
Подъ этой епанчей я только нищій
Подъ рубищемъ, иль хуже, потому что
У нищаго оно свое; мое же
Дано лишь на прокатъ несчастной куклѣ,
Съ тѣмъ, чтобъ она разыгрывала роль
Величія подъ этимъ горностаемъ.

И. Бертуччіо. Хотѣлъ ли бы ты быть монархомъ?

Дождь. Да,
Счастливаго народа.

И. Бертуччіо. Хочешь быть
Властителемъ Венеціи?

Дождь. Да, съ тѣмъ,
Чтобъ эту власть дѣлили со мной народъ
И чтобы мы ужь не были рабами
Чудовищной патриціанской гидры,
Что сотнею отравленныхъ головъ
На всѣхъ на насъ отравой дышетъ.

И. Бертуччіо. Ты
Рожденъ и жилъ патриціемъ однако.

Дождь. Въ недобрый часъ рожденъ я таковымъ;
Я моему рожденію обязанъ
Всѣмъ униженіемъ дожа. Но я жилъ
И несъ труды солдатомъ и слугою—
Лишь за народъ и за мою отчизну,
А не сенатъ: мнѣ собственная честь
И благо ихъ одной наградой были.
Я велъ войну, одерживалъ побѣды.
Кровь проливалъ, сражался, заключалъ

И разрывалъ трактаты (примѣняясь
Къ видамъ моей отчизны), былъ посломъ,
Переплывалъ моря, терпѣлъ на сунѣ,
Покорствовалъ всему, что только долгъ
Предписывалъ, въ теченіи почти
Пятидесяти лѣтъ, всё для нея—
Моихъ отцовъ отчизны, для моей
Венеціи: и это лишь за то,
Чтобъ лишній разъ взглянуть, какъ издалека
Встаютъ верхи ея родимыхъ башень
Надъ голубой лагуной; но никакъ
Не за союзъ людей какихъ нибудь,
Иль партію, иль секту. Хочешь знать,
Кому я угодить хотѣлъ моими
Дѣяньями? мою кровью? поѣтомъ?
Спроси у пеликана, для кого
Онъ грудь свою терзаетъ? Если бъ птица
Могла сказать, она бы отвѣчала:
Для всѣхъ ея дѣтенышей равно.

И. Вертуччіо. Но все-таки тебя избрали въ дожи
Патриціи.

До жъ. Избрали, потому что
Имѣли власть; столь лестныя оковы
Мнѣ встрѣтились въ дорогѣ, на пути
Изъ римскаго посольства; бывъ дотолѣ
Всегда готовъ на всякій трудъ и службу
Для пользы государства, я не могъ
И на закатѣ дней отвергнуть выборъ,
Котораго, по внѣшности, нѣтъ выше,
И вмѣстѣ нѣтъ презрѣннѣй, потому,
Что дѣлать и терпѣть онъ заставляетъ.
Мой оскорбленный подданный, будь самъ
Свидѣтелемъ, какъ я помочь безсиленъ
Тебѣ ли вотъ, себѣ ли самому!

И. Бертуччіо. Когда бѣ вы захотѣли, вы обоимъ
Могли бѣ помочь, и тысячамъ другихъ
Обиженныхъ, которые желаютъ,
Чтобъ имъ сигналъ лишь дали: не хотите ль
Подать его?

Дожъ. Ты говоришь загадки.

И. Бертуччіо. Разгадка имъ мнѣ угрожаетъ смертью;
Но если бѣ я былъ выслушанъ, она
Вамъ можетъ быть открыта.

Дожъ. Продолжай.

И. Бертуччіо. Не мы одни—то есть, не вы да я—
Угнетены, унижены, погрѣаны
И смѣшаны съ землею; весь народъ
Подъ тяжестью обидъ своихъ стенаеть:
Наемныя войска, на содержаньи
Сената состоящія, ворчатъ,
Что имъ давно не платятъ; моряки
И здѣшніе туземные солдаты
На сторонѣ народа, потому что
Найдется ли изъ нихъ хотя одинъ,
Имѣющій отца, дѣтей, иль брата,
Жену, сестру, которымъ бы на долю
Не выпалъ гнеть, иль срамъ со стороны
Патриціевъ? А этотъ генуэзскій
Столь гибельный походъ, что и досель
Поддерживается плебейской кровью.
Цѣной казны, сдираемой съ народа
Посредствомъ мукъ? Да онъ одинъ способенъ
Воспламенить народъ; я вамъ скажу...
Но я забылъ, что въ этомъ увлеченьи
Произношу свой смертный приговоръ.

Дожъ. Ты перенесъ безчестье, и ты можешь
Бояться умереть? Такъ продолжай
Молчать и жить и до крови быть битымъ

Отъ тѣхъ, изъ-за кого ты проливалъ
Такъ часто кровь.

И. Бертуччіо. Нѣтъ, я, во всякомъ разѣ,
Рѣшился говорить; и допуская,
Что дождь венеціанскій можетъ быть
Доносчикомъ: позоръ ему и горе!
Онъ потеряетъ болѣе, чѣмъ я.

Дождь. Будь за меня спокоенъ и кончай.

И. Бертуччіо. Такъ знайте же, въ Венеціи есть братство
Соединенныхъ клятвою людей,
Испытанныхъ, неустрашимыхъ душъ,
Извѣдавшихъ всѣ жребіи на свѣтѣ,
И плачущихъ надъ жребіемъ родной
Венеціи. На это есть конечно
У нихъ права: служивши ей подъ небомъ
Различныхъ странъ, не разъ освобождавши
Отъ внѣшнихъ непріятелей ее,
Они хотятъ и отъ враговъ домашнихъ
Ее спасти; число ихъ не велико,
Но и не слишкомъ мало, чтобъ имѣть
Успѣхъ въ великомъ дѣлѣ; и у нихъ
Для этого есть все: оружье, деньги,
Согласіе, надежды, вѣрность клятвамъ
И твердая отвѣта.

Дождь. Ждутъ-чего жъ
Они еще?

И. Бертуччіе. Чтобы ударилъ часъ.

Дождь (*въ сторону*). Онъ съ высоты Святаго Марка грянетъ.

И. Бертуччіо. Я отдалъ вамъ во власть теперь и жизнь.
И честь мою, и все, на что я въ мірѣ
Надѣялся; но я былъ убѣжденъ,
Что наши оскорбленья, бывъ одною
Порождены причиною, могутъ быть
Одною омыты местию: если такъ,

Будь намъ главою, чтобъ быть потомъ монархомъ.

Дождь. Какъ много васъ?

И. Бертуччіо. На это я отвѣчу,

Когда отвѣтъ услышу.

Дождь. Какъ, пріятель!

Ты мнѣ грозишь!

И. Бертуччіо. Нѣтъ, просто говорю.

Я измѣнилъ пока лишь самъ себѣ;

Но вѣрьте мнѣ: ни тайныя «колодцы»;

Служащіе для вашего дворца

Подвалами; ни страшныя «свинчатки»;

Подъ крышею, на чердакахъ его,

Къ предательству друзей моихъ не въ силахъ

Склонить меня. Напрасно прибѣгать

Вы стали бы и къ поцци и къ піомби.

Я перейду «Мостъ Вздоховъ» безъ боязни,

Довольный тѣмъ, что я уже вздохну

Послѣдній надъ стигійскою волною,

Что раздѣляетъ тюрьмы отъ дворца,

Убийць отъ убіенныхъ: я друзей

Покину здѣсь, которые объ этомъ

Подумають.

Дождь. Но если ваша цѣль

И средства таковы, и ты рѣшился

Достигнуть правосудья самъ собой,

То какъ понять, что ты за нимъ приходишь

Сюда, ко мнѣ?

И. Бертуччіо. А такъ, что человѣкъ,

Открыто прибѣгающій къ защитѣ

Правительства, являя черезъ то

Свое къ нему довѣрье и покорность,

Не такъ легко быть можетъ заподозрѣнъ

Въ намѣреніи возстать противъ него.

Останься я смиренникомъ съ моею

И, можетъ быть, усиленъ...

И. Бертуччіо. Насъ довольно.

Желаннымъ намъ союзникомъ теперь

Могли бы быть лишь вы.

До жъ. Такъ покажи

Мнѣ вашихъ вожаковъ по крайней мѣрѣ.

И. Бертуччіо. Я долженъ это сдѣлать; но не прежде,

Какъ получивъ ручательство отъ васъ

Такого же довѣрья къ нимъ, какое

Они окажутъ вамъ.

До жъ. Когда и гдѣ?

И. Бертуччіо. Я въ нынѣшнюю ночь бы къ вамъ, сюда,

Привелъ двоихъ изъ главныхъ; больше взять

Рискованно.

До жъ. Постой; объ этомъ я

Подумаю... Что, если я довѣрю

Вамъ самого себя и отлучусь

Самъ изъ дворца?

И. Бертуччіо. Вы будете должны

Прійти одинъ.

До жъ. Съ племянникомъ, не больше.

И. Бертуччіо. Хотя бъ онъ былъ вашъ сынъ родной...

До жъ. Несчастный!

Какъ смѣлъ назвать ты сына мнѣ? Онъ палъ

Съ оружіемъ въ рукахъ, при Сашенцѣ,

За этотъ городъ вѣроломный. Ахъ,

Когда бъ онъ былъ въ живыхъ, а я былъ прахомъ!

Иль будь онъ живъ, пока я не во прахѣ!

Я помощи сомнительной не сталъ бы

Искать въ чужихъ.

И. Бертуччіо. Межъ этими чужими

Съ сомнительною помощью—ни въ комъ

Къ тебѣ нѣтъ чувствъ другихъ, кромѣ сыновнихъ;

Будь только самъ отцомъ къ нимъ.

Дождь.

Жребій брошень.

Гдѣ мѣсто потаенныхъ вашихъ встрѣчъ?

И. Бертуччіо. Я выхожу одинъ, подѣ маской, въ полночь—
Куда прійти прикажетъ государь,
Чтобъ ждать его и проводить туда,
Гдѣ встрѣтитъ онъ почтенье и узнаетъ
Въ подробности нашъ планъ.

Дождь.

Въ какомъ часу

Луна встаетъ?

И. Бертуччіо. Не рано; но погода
Туманная стоитъ: у насъ сирокко
Вѣдъ наступилъ.

Дождь.

Такъ въ самый часъ полночи

Иль около, близъ церкви Іоанна
И Павла—двухъ апостоловъ, гдѣ спятъ
Отцы мои; въ той небольшой канавѣ,
Что вполоть туда подходитъ, промелькнетъ
Гондола объ одномъ веслѣ: будь тамъ.

И. Бертуччіо. Я не премину.

Дождь.

А теперь иди.

И. Бертуччіо. Съ надеждою, что вы въ своемъ великомъ
Намѣреніи останетесь тверды.
Прощайте, государь, я ухожу. *(Уходитъ).*

Дождь *(одинъ)*. Въ полночный часъ близъ храма Іоанна

И Павла—тамъ, гдѣ прахъ моихъ отцовъ

Покоится, явлюсь я... для чего?—

Держать совѣтъ съ бродягами ночными,

Задумавшими гибель государства.

И неужель не встанутъ изъ гробницъ

Великіе отцы мои? ужели

Они не увлекутъ меня съ собой?

Ахъ, если бы могли они! Я съ честью

Межъ ними опочилъ бы... Но, увы!

Я долженъ размышлять теперь о тѣхъ,

Что сдѣлали меня столь недостойнымъ
Ихъ имени великаго, такаго,
Что мраморные римляне его
Затмить не въ состояньи, хоть они
И консулы... Но я его омою
И въ лѣтописяхъ нашихъ возвращу
Весь блескъ ему, поднявъ изъ униженья
Венецію и озаривъ ее
Свободою; или отдамъ его
Всѣмъ порицаньямъ времени, что славы
Не удѣляетъ падшимъ никогда
Но мѣрою достоинствъ Катилины
И Цезаря считаетъ лишь успѣхъ.

АКТЪ ВТОРОЙ.

СЦЕНА I.

Комната во дворцѣ дожа.

Анджіюлина (*догаресса*) и Маріанна

Анджіюлина. Что намъ отвѣтилъ дожъ?

Маріанна.

Что онъ какъ разъ

Въ то время приглашенъ былъ въ засѣданье.

Но ужъ оно окончено. Сенатъ—

Я видѣла—недавно разтѣзжался;

И вонъ вдали, межъ грудой судовъ,

Виднѣется послѣдняя гондола.

Анджіюлина. А онъ все не идетъ! За эти дни

Онъ слишкомъ покоенъ былъ, и время,

Безсильное съ лѣтами охладить

Духъ огненный его или состарить

Составъ его тѣлесный, что живетъ

Однимъ огнемъ съ его душою страстной,

Давно бѣ его испепелившей въ прахъ,
Будь онъ обыкновеннымъ прахомъ — время
Не властно надъ печалами его
И злобами. Столь много возвышаясь
Надъ смертными, онъ мимолетнымъ взрывомъ
Ни гнѣвъ, ни скорбь не можетъ утолить.
Все видъ имѣетъ вѣчности на немъ:
Въ его умѣ, движеньяхъ, чувствахъ, въ добрыхъ
И злыхъ страстяхъ, ничто не говоритъ
О старости; надменное чело
Хранить слѣды лишь многолѣтней думы,
Не дряхлости. И онъ за эти дни
Сильнѣе, чѣмъ когда, былъ неспокоенъ...
Ахъ, отчего онъ долго не идетъ!
Вѣдь я одна на этотъ духъ суровый
Могу имѣть вліянье.

Маріанна.

Это правда,

За эти дни ихъ свѣтлость были очень
Взволнованы; и было отъ чего:
Такая наглость Стено!.. Но обидчикъ
Теперь уже, быть можетъ, получилъ
Такой урокъ, что къ благородной крѣви
И къ женской добродѣтели у всѣхъ
Проявится почтенье.

Анджіолина.

То была

Безчестная обида; но меня
Пугаетъ въ ней не клевета повѣсы,
А дѣйствіе смертельное ея
На духъ Фальеро — гордый и суровый...
Суровый — да, ко всѣмъ, кромѣ меня.
Я трепещу при мысли, чѣмъ все это
Окончится способно.

Маріанна.

Дождь конечно

Не можетъ васъ ни въ чемъ подозрѣвать.

Анджіолина. Меня подозрѣвать! Да самый Стено
Не смѣлъ того. Когда онъ ложь свою
При мѣсяцѣ украдкою царапалъ,
Его корила совѣсть за безстыдство;
На клевету безчестную его
Съ угрозою со стѣнъ глядѣли тѣни,
Нахмурившись.

Маріанна. Ахъ, вотъ кто наказанья
Примѣрнаго бы стоилъ.

Анджіолина. Онъ наказанъ.

Маріанна. Какъ, развѣ приговоръ ужь состоялся?
Онъ осужденъ?

Анджіолина. Я этого не знаю;
Но онъ открытъ.

Маріанна. И этого довольно,
По вашему, такому негодяю?

Анджіолина. Я въ дѣлѣ, мнѣ столь близкомъ, не судья,
Равно и въ томъ, чѣмъ служить наказанье
Для душъ такихъ развратниковъ, какъ Стено.
Но если бъ инквизиторы смущались
Его виной не болѣе, чѣмъ я,
Онъ, вмѣсто наказанья, былъ бы преданъ
Лишь своему безстыдству иль стыду.

Маріанна. Обида добродѣтели должна,
По моему, влечь за собою жертву.

Анджіолина. Что значить добродѣтель, если ей
Необходимы жертвы и опасны
Слова людскія? Римлянинъ предъ смертью
Сказалъ о ней, что «это только слово».
Она была бъ не больше, въ самомъ дѣлѣ,
Когда бъ ее могло одно дыханье
Создать иль уничтожить.

Маріанна. Много дамъ,
Однако же, найдется безупречныхъ,

Что очень бы обидѣлись такимъ
Злорѣціемъ; и даже не совсѣмъ
Безгрѣшныя синьоры—а такимъ
Въ Венеціи нѣтъ счета—даже тѣ
Могли бы гвалтъ поднять неумолимый,
Крича о правосудьи.

Анджіолина. Это значить,

Имъ дорого не качество, а имя.
Однѣ изъ нихъ находятъ, что вѣдь честь
Свою беречь—легко ль? чего имъ стоитъ!
И требуютъ за то себѣ похвалѣ:
Другія же, ея не сохранивши,
Хотятъ ея личины, точно такъ,
Какъ моднаго наряда—не затѣмъ,
Чтобъ уважали честность, но склоняясь
Предъ мнѣніемъ общественнымъ; онѣ
Должны прослыть за честныхъ, какъ должны,
Чего бы имъ ни стоило, казаться
Прекрасными.

Маріанна. Вы странный образъ мыслей

Имѣете о благородныхъ дамахъ.

Анджіолина. Онъ моему отцу принадлежалъ;

Онъ съ именемъ отцовскимъ—все мое

Приданое.

Маріанна. Да нужно ль вамъ оно;

Супругъ государя нашей славной

Республики?

Анджіолина. Будь я его вассала

Супругою, оно бы и тогда

Казалось мнѣ ненужнымъ; тѣмъ не меньше,

Я чувствую признательность къ отцу,

За эту честь, что графъ Валь ди Марино,

Теперешній нашъ дожъ, его старинный,

Испытанный и неизмѣнный другъ,

Моей рукой владѣть.

Маріанна. Но съ рукою

Могли ль отдать вы сердце?

Анджіолина. Безъ того

Я и руки не отдала бь.

Маріанна. Однако,

Столь странная несообразность въ лѣтахъ,

И разница—позвольте мнѣ прибавить—

Въ характерахъ даютъ возможность свѣту

Не допускать, чтобы подобный бракъ

Могъ сдѣлать васъ счастливой, иль заставить

Всегда благоразумной быть.

Анджіолина. Да, свѣтъ

По свѣтски разсуждаетъ; онъ не видитъ

Души моей, которая свой долгъ

И въ самой глубинѣ своей ни разу

Не находила труднымъ.

Маріанна. И его

Вы любите?

Анджіолина. Я все люблю, что можетъ

Внушать любовь; и я, къ тому жь, любила

Такъ моего отца, что научилъ

Меня тому, за что любить другихъ,

Какъ придавать страстямъ обыкновеннымъ

Возвышенность чистѣйшихъ нашихъ чувствъ,

И обручилъ съ Фальеро. Онъ считалъ

И зналъ его отличнымъ, безупречнымъ,

Возвышеннымъ, какъ друга, гражданина

И воина. И я, его такимъ

Нашла сама. Что до его пороковъ,

Они одни у всѣхъ высокихъ душъ,

Повелѣвать привыкшихъ. Онъ не въ мѣру,

Быть можетъ, гордъ; глубокъ въ своихъ страстяхъ;

Которымъ, помогли притомъ и козни

Патриціевъ, да и вся жизнь средь бурь
Военныхъ и гражданскихъ; безпредѣльно
Проникнуть чувствомъ чести, хоть предѣль
Тутъ былъ бы добродѣтелью—и это
Меня страшитъ. Онъ сверхъ того запальчивъ
Отъ юности; но эта слабость въ немъ
Смягчается такъ много благородствомъ,
Что лучшее изъ государствъ ему
Всѣ должности главнѣйшія ввѣряло,
Отъ званья рядоваго до посла,
А наконецъ, и дожа.

Маріанна. Ну, а прежде
Замужества, ужели ваше сердце
Не билось никогда ни для кого
Изъ благородныхъ юношей... такихъ,
Что по лѣтамъ могли бъ быть лучшей парой
Красавицѣ, какъ вы? Иль неужель
Вы никого и послѣ, и досель
Не встрѣтили, кто смѣлъ бы вашей ручки
Прекрасной добиваться, если бъ вы
Теперь еще располагали ею?

Анджіолина. Я замужемъ; и этимъ, я надѣюсь,

Вамъ данъ отвѣтъ на первый вашъ вопросъ.

Маріанна. А на другой?

Анджіолина. Не стоитъ отвѣчать.

Маріанна. Вы, вѣдается, синьора, оскорбились,

Простите мнѣ.

Анджіолина. Я не сержусь, но я

Удивлена: я никогда не знала,

Чтобъ женщины замужнія могли

Судить о томъ, кого бъ онѣ избрали,

Теперь, когда ихъ выборъ уже сдѣланъ.

Маріанна. Но сдѣланный-то выборъ ихъ такъ часто

И заставляетъ думать, что онѣ

Разумнѣй поступили бы при новомъ,
Будь уничтоженъ старый.

Анджіолина. Можетъ быть;

Я ни о чемъ подобномъ не слыхала.

Маріанна. Синьора, дождь идетъ — мнѣ не уйти ли?

Анджіолина. Я думаю, что это будетъ лучше;

Онъ, кажется, весь въ мысли погруженъ.

Какъ медленно ступаетъ, какъ задумчивъ!

(Маріанна уходитъ. Входитъ Дожъ и за нимъ Піетро).

Дожъ (въ задумчивости). Да, есть такой... Филиппо Календаро;

Теперь онъ въ арсеналѣ; командиръ

Десятками надъ восемью людей;

Онъ человѣкъ, какъ слышу я, съ вліяньемъ,

Въ своемъ кругу; отчаянный смѣльчакъ

И сорванецъ; готовъ на что угодно

И не бодтунъ... Полезно бы прибрать

Его къ рукамъ; объ этомъ Израэлло

Бертуччіо обязанъ poradѣть.

И хорошо бы было...

Піетро. Государь,

Прошу простить, что ваши размышленья

Я смѣлъ прервать: вашъ родственникъ, сенаторъ

Бертуччіо, желаетъ знать, когда,

Въ какомъ часу, онъ можетъ къ вамъ явиться.

Дожъ. Съ закатомъ солнца... нѣтъ! — Скажи ему,

Что около втораго часу ночи. (Піетро уходитъ).

Анджіолина. Мой государь!

Дожъ. Ахъ, милое дитя,

Ты мнѣ прости — чего же подойти

Ты медлила? Я не видалъ тебя.

Анджіолина. Ты поглощенъ былъ думой; да и тотъ,

Что былъ сейчасъ, могъ съ важнымъ порученьемъ

Къ тебѣ быть отъ сената.

Дожъ. Отъ сената!

Анджіолина. Я выждала, пока онъ могъ исполнить
Обязанность сената и свою.

Дождь. Обязанность сената! Ты ошиблась,
На насъ лежитъ обязанность къ сенату!

Анджіолина. Я думала, что дождь есть повелитель
Въ Венеціи.

Дождь. Онъ будетъ имъ... Но что
Объ этомъ говорить... Найдемъ предметъ
Повеселѣй. Какъ ты въ своемъ здоровьи?
На воздухѣ была ли? Небо нынѣ

Хоть сумрачно, но тихая волна
Невольно гондольера манитъ къ весламя...

Иль дома принимала ты друзей?

Иль провела за музыкаю время?

Чего, скажи, желала бѣ ты въ предѣлахъ—
Хоть небольшой, конечно—власти дожа?

Ну, блеска подобающаго, что ль,

Иль честныхъ развлеченій—дома—въ свѣтѣ,

Въ награду за унылые часы,

Влачимые со старикомъ, такъ много

Имѣющимъ заботъ? Скажи, и это

Все сдѣлано.

Анджіолина. Ты добръ всегда ко мнѣ;

И я просить могу лишь одного,

Чтобъ ты со мной былъ чаще и спокойнѣй.

Дождь. Спокойнѣй?

Анджіолина. Да, спокойнѣй, государь.

Ахъ, отчего ты бродишь одиноко?

Сидишь одинъ? Зачѣмъ слѣды тревоги

Такъ сильны на челѣ твоемъ, что въ нихъ,

При всей ихъ сокровенности, такъ много

Открыто мнѣ?

Дождь. Открыто—какъ? чего?

Что ты могла открыть?

Анджіолина. Больное сердце,
Страдающее молча.

Дождь. Не гляди,
На это такъ, дитя мое. Ты знаешь,
Какихъ заботъ всеневныхъ стоитъ эта
Республика правителямъ своимъ.
Мы съ Генуей въ войнѣ теперь; въ тожь время,
Есть недовольные внутри—и я
Дѣйствительно и больше озабоченъ,
И менѣ спокоенъ, чѣмъ всегда.

Анджіолина. Но это такъ всегда и прежде было,
А между тѣмъ ты не былъ никогда
Такимъ, какъ въ эти дни. Прости меня:
Нѣтъ, не однѣ заботы государства
Должны лежать на сердцѣ у тебя;
Ты къ нимъ привыкъ, и при твоихъ талантахъ,
Онѣ легки, онѣ необходимы
Для твоего высокаго ума.
Не бѣдствіямъ народнымъ, не народамъ,
Враждебнымъ къ намъ, такъ измѣнить тебя!
Тебя, кто столько разъ встрѣчался съ бурей,
И не робѣлъ; кто могъ достичь вершины
Могущества, не ослабѣвъ въ пути;
Кто сталъ на ней, и въ бездну подъ собою,
Не чувствуя изнеможенья силъ,
Глядитъ, какъ царь. Будь Генуя со всею
Морской своею силою у насъ
На пристаняхъ; кипи взбѣшенной чернью
Всѣ площади въ Венеціи, мой дождь
Въ лицѣ не измѣнится; онъ падетъ
Съ спокойствіемъ чела, какъ возвышался.
Не этотъ родъ заботъ тебя томить:
Въ тебѣ страдаетъ гордость, а не чувство
Патріотизма, государь мой.

Дождь. Гордость!

Увы, Анджиолина, я ея
Лишень теперь.

Анджиолина. Да, именно тотъ грѣхъ,
Что ангеловъ низвергнулъ, больше всѣхъ
И ангелоподобнымъ смертнымъ свойственъ.
Тщеславіе—удѣлъ презрѣнныхъ душъ;
Великія—горды.

Дождь. И я былъ гордъ—

До глубины души—твоею честью
И собственной! Возьмемъ для разговора
Другой предметъ.

Анджиолина. Ахъ, нѣтъ! я раздѣляла

Пріятности твоихъ спокойныхъ дней;
Позволь мнѣ не остаться также чуждой
Скорбей твоихъ. Касайся онѣ дѣль
Республики—я никогда, ты знаешь,
Не думала такой нескромной быть,
Чтобъ вызывать тебя на разговоры;
Но чувствуя, что скорбь твоя теперь.
Скорбь личная, я объявляю право
Съ тобою раздѣлить ее. Съ тѣхъ поръ,
Какъ духъ твой возмутился клеветою
Безумца и повѣсы Стено, ты
Такъ много измѣнился! Я хотѣла бъ
Твоей душѣ вернуть ея покой.

Дождь. Ея покой? Ты знаешь приговоръ

Надъ Стено?

Анджиолина. Нѣтъ.

Дождь. На мѣсяць заключенья.

Анджиолина. Что жъ, этого ужели не довольно?

Дождь. Довольно? Да, галерному рабу

За то, что онъ подъ розгой, въ пьяномъ видѣ,
Ворчитъ противъ начальства. Но мерзавцу,

Умышленно пятнающему честь

Супруги государя, на самомъ
Его престолѣ—мѣсяць заключенья!

Анджіолина. Прибавь еще къ тому, что онъ патрицій—

И уличенъ въ фальшивости, въ безчестьи!

Я думаю, передъ потерей чести

Всѣ въ мірѣ наказанія легки.

Дождь. Какая честь у такихъ людей?

Что можно потерять имъ—это жизнь ихъ

Презрѣнную; а онъ остался живъ.

Анджіолина. Но ты ему вѣдь не желаешь смерти.

За это оскорбленье?

Дождь.

Да, теперь;

Онъ живъ, такъ пусть живетъ, пока онъ можетъ.

Онъ пересталъ достойнымъ смерти быть;

Оправданный преступникъ осудилъ

Судей своихъ; но самъ теперь онъ чистъ.

Его преступность падаетъ на нихъ.

Анджіолина. Но, ахъ, случись, что этотъ злоязычный

Повѣса молодую кровь свою

За грязную свою сатиру пролилъ—

О, эта грудь не знала бы съ тѣхъ поръ

Ни радости, ни сновъ безъ сновидѣній.

Дождь. Законъ небесъ не говоритъ ли намъ,

Что кровь за кровь? А запятнать ее

Есть большее убійство, чѣмъ пролить.

Что дѣлаетъ смертельною обидой

Ударъ въ лице: безславіе или боль?

Законъ людской не говоритъ ли также,

Что кровь за честь, и менѣе—за кражу?

Не кровью ли законы всѣхъ народовъ

Караютъ за измѣну? А такой

Влить ядъ вотъ въ эти жилы, неужели

Не значитъ ничего? А имена

Такія благородныя, какъ наши,
Такъ запятнать безчестно—ничего?
Презрѣнію подвергнуть государя
Въ глазахъ его народа—ничего?
Съ обидой человѣчеству всему
Презрѣть такъ юность въ женщинѣ и старость
Въ преклонномъ челобѣкѣ—ничего?
Что жь добродѣтель женщины тогда,
Достоинство мужчины? Пусть объ этомъ
Подумаютъ спасители его.

Анджіолина. Намъ небо заповѣдало прощать
Врагамъ своимъ.

Дождь. Но небо-то своимъ
Прощаетъ ли? Избавленъ ли отъ вѣчныхъ
Мученій сатана?

Анджіолина. Не говори.
Нечестія; ахъ, небо всѣмъ проститъ—
Тебѣ, какъ и врагамъ твоимъ.

Дождь. Аминь!
Пусть небо имъ проститъ.

Анджіолина. — И ты?

Дождь. Какъ только
Отправятся на небо.

Анджіолина. Лишь тогда?

Дождь. Что нужды имъ въ прощеньи старика
Безславнаго, покрытаго позоромъ?
Не все ль равно—прощеніе мое,
Или мой гнѣвъ? То и другое стоитъ.
Презрѣнья лишь. Я слишкомъ долго жилъ...
Возьмемъ другой предметъ. Дитя мое!
Супруга оскорбленная моя!
Какъ мало благородный Лоредано,
Отецъ твой, этотъ рыцарь, дочь свою
За друга выдавая—какъ онъ мало

Предчувствовали, что обручатъ ее
Съ безславіемъ! Увы! Терпѣть безславые,
Не совершивъ грѣха: вѣдь ты безгрѣшна.

Будь у тебя другой супругъ, будь онъ
Любой венеціанецъ, кромѣ дожа,—
Такой позоръ, хула такая, мерзость
Тебя бы не коснулась никогда.

Столь молодой, столь доброй, столь прекрасной
Столь чистой быть—и столько выносить,
И ко всему, не быть еще отмщенной!

Анджіолина. Я слишкомъ отмщена: ты продолжаешь

Любить меня, цѣнить, и вѣрить мнѣ;
А ты правдивъ, какъ я вѣрна; и это
Извѣстно всѣмъ: чего могли бы больше
Я—пожелать, ты—требовать еще?

Дождь. Все это такъ, и можетъ быть иначе;
Но что бы ни случилось, будь добра,
По крайней мѣрѣ, къ памяти моей!

Анджіолина. Что значать эти рѣчи?

Дождь. Нужды нѣтъ;
Но я бъ хотѣлъ, не беспокоясь мнѣньемъ
Другихъ людей, остаться для тебя
Достойнымъ уваженья и въ могилѣ.

Анджіолина. Къ чему ты сомнѣваешься во мнѣ?
И почему?

Дождь. Дитя, поди сюда;
Мнѣ надобно поговорить съ тобою.
Отецъ твой былъ мнѣ другомъ; неравенство
Въ достаткахъ нашихъ сдѣлало его
Мнѣ должникомъ—за мелкія услуги,
Изъ рода тѣхъ, что добрыя сердца
Еще связуютъ крѣпче. Но когда,
Послѣднею болѣзнью удрученный,
Онъ нашего желалъ союза—это

Не значило, чтобъ онъ мнѣ заплатить
Хотѣлъ свой долгъ—онъ былъ уже уплаченъ
Его ко мнѣ отличной дружбой; нѣтъ,
Онъ цѣль имѣлъ другую: красотѣ
Твоей осиротѣвшей онъ хотѣлъ
Дать честную защиту отъ соблазна,
Что въ этомъ городѣ проклятомъ, въ этомъ
Гнѣздилищѣ порока, предстоялъ
Дѣвицѣ одинокой, не имѣвшей
Приданого. Я не былъ съ нимъ согласенъ,
Но не отвергнулъ мысли, что ему
Смягчала смерти страхъ.

Анджіолина. Я не забыла,
Съ какимъ ты благородствомъ мнѣ тогда
Велѣлъ сказать, что нѣтъ ли въ молодой
Груди моей влеченія къ другому
Кому нибудь, съ кѣмъ думала бы я
Счастливой быть—и какъ ты вызывался
Снабдить меня приданымъ, чтобъ сравнять
Меня съ любой въ Венеціи невѣстой,
И забывалъ права, что мой отецъ
Въ предсмертный часъ свой завѣщалъ тебѣ.

Дождь. Такъ, стало быть, невѣстой молодою
И дѣвственной красой ея меня
Заставили прельститься не безумный
Капризъ глупца, не устарѣвшей страсти
Фальшивый пылъ. Я не былъ никогда
И въ юности моей неукротимой
Рабомъ страстей подобныхъ; и теперь
Не зараженъ проказой сладострастья,
Что такъ безчестить старческіе дни
Людей порочныхъ, заставляя ихъ
Разслабленную чувственность питать
Поддонками запретныхъ наслаждений,

Или вѣнчать дѣла позорныхъ лѣтъ
Покупкою законной связи съ жертвой,
Настолько беззащитной, чтобъ принять
Союзъ такой, не столько безсердечной,
Чтобы въ душѣ не сознавать себя
Несчастною. Нашъ бракъ совсѣмъ иначе
Былъ заключенъ: я далъ тебѣ свободу
Избрать самой, и ты отцовскій выборъ
Почла своимъ.

Анджіолина. Почла, и это сдѣлать
Могла бы вновь передъ землей и небомъ;
И за себя я въ этомъ никогда
Не каялась, хоть за тебя жалѣла
Уже не разъ, особенно при видѣ
Послѣднихъ непріятностей твоихъ.

Дождь. Я зналъ, что ты въ груди моей не встрѣтишь
Суровости; я зналъ, что дни мои
Недолго будутъ наскучать тебѣ,
И что тогда дочь друга моего
Первѣйшаго, достойная отца,
Вновь сдѣлавшись свободной, ставъ разумнѣй,
Разбогатѣвъ, во всемъ очарованьи
Роскошныхъ лѣтъ, привыкнувъ въ эти годы,
На опытъ посвященные, цѣнить
Искуснѣ людей, принявъ въ наслѣдство
Сокровища и имя государя,
Бывъ, сверхъ того, за то, что проскучала
Немного лѣтъ, прожитыхъ съ старикомъ,
Избавлена заранѣ отъ придирокъ
Закона и завистливой родни,
Къ ея правамъ могущей привязаться, —
Дочь лучшаго изъ всѣхъ моихъ друзей
Вновь избереетъ супруга, сообразнѣй.
Своимъ лѣтамъ, и съ сердцемъ, для нея

Не менѣе открытымъ и правдивымъ.
Анджіолина. Чтобъ быть покорной долгу, чтобы вѣрность
Хранить къ тому, съ кѣмъ я обручена;
Отцомъ моимъ—для этого довольно
Мнѣ, государь, имѣть въ виду послѣдній
Завѣтъ отца и собственное сердце.
Надежды честолюбыя никогда
Меня не обольщали, даже въ грезахъ.
Когда наступитъ часъ тотъ, о которомъ
Ты говоришь, онъ это обнаружитъ.

Дождь. Я знаю прямоту твою и вѣрю
Вполнѣ тебѣ; тѣмъ болѣе, что я
Той страсти романтической, въ которой
И въ юности видалъ одну мечту,
И никогда не зналъ ее счастливой,
А гибельною часто—этой страсти
Я не искалъ и прежде; а теперь
Старъ для нея, хотя бъ въ нее и вѣрилъ.
Но столько уваженія отъ тебя
И добраго вниманія, какъ платы
За добрую заботу о твоёмъ
Спокойствіи; за то, что я охотно
Всѣ честныя желанія твои
Предупреждалъ; что такъ былъ благодаренъ
Тебѣ за добродѣтель; что берегъ
Неопытность твою отъ увлеченій,
Ей свойственныхъ, берегъ съ такой заботой,
Что ты ихъ избѣжала, сохранивъ
Сознаніе свободы, не слыхавши
Наставника; за то, что я гордился
Твоимъ лишь поведеніемъ, а не тѣмъ,
Что ты была прекрасна; что я вѣрилъ
Всегда тебѣ; что я тебя любилъ
Отцовскою любовью, хоть и не былъ

Поклонникомъ; за дружбу и за вѣрность
Мою къ тебѣ—за все, за все за это,
Когда оно чего нибудь лишь стоитъ,
Я столько уваженья ожидалъ.

Анджіолина. И ты всегда имѣлъ его
Дождь. Я такъ

И думаю; вѣдь разность въ нашихъ лѣтахъ
Ты видѣла предъ тѣмъ, когда рѣшалась—
И все-таки рѣшилась. И я самъ
Не на моихъ достоинствахъ надежду
Основывалъ; подобный бы расчетъ
Меня не успокоилъ, будь я снова,
При красотѣ наружной, въ двадцать пятой
Веснѣ моей. Я довѣрялъ душѣ,
Тебѣ отъ Бога данной, чистотѣ
И благородству крови Лоредано,
Спокойной добродѣтели твоей,
Всѣмъ истинамъ, отцомъ тебѣ внушеннымъ,
Твоей богобоязни, и тому,
Что ты должна воздать за вѣрность вѣрность.

Анджіолина. И ты былъ правъ; и я всегда умѣла
Быть за твое довѣріе ко мнѣ
Признательной.

Дождь. Гдѣ честь—врожденный даръ;
И правила—семейное наслѣдство,
Супружеская вѣрность тамъ скалой
Ограждена; но гдѣ ихъ нѣтъ, гдѣ думы
Волнуетъ легкомысліе одно,
Гдѣ свѣтской пустотою бьется сердце,
Гдѣ чувственность вздымаетъ грудь сильнѣе
Всѣхъ чувствъ другихъ—я знаю хорошо,
Какъ суетно мечталъ бы человекъ
О вѣрности такой души порочной,
Хотя бъ онъ былъ избранникомъ ея.

Ни пышный богъ поэтовъ во плоти,
Какимъ его намъ представляетъ мраморъ,
Ни полубогъ Алкидъ, во всемъ его
Величїи могущества мужскаго,
Не могутъ быть достаточными тамъ,
Гдѣ страждетъ добродѣтель, или то,
Что служить ей закономъ — постоянство.
Порокъ ни въ чемъ не можетъ стойкимъ быть,
Какъ добродѣтель—быть непостоянной.
Однажды павши, женщина должна
Жить для того, чтобъ падать, потому что
Порокъ мѣняться любить и мѣнять;
Межъ тѣмъ какъ добродѣтель, точно солнце,
Стоитъ—и все, что движется кругомъ,
Пьетъ жизнь, и свѣтъ, и славу отъ ея
Сїянія.

Анджіолина. Но чувствуя и видя
Такъ ясно эту истину въ другихъ—
Прости меня—какъ можешь увлекаться
Ты страстію столь гибельной, какъ мечь?
Какъ помыслы великіе твои
Смущаетъ тварь такая... Стено?

Дождь. Ты
Меня не понимаешь. Возмутить—
Такъ возмутить—меня не могъ бы Стено.
Будь это онъ, такъ онъ... Но я объ этомъ
Хочу забыть.

Анджіолина. Но что же такъ глубоко
Тебѣ запало въ сердце?

Дождь. Оскорбленье
Величества Венеціи, въ ея
Законахъ и ея главѣ.

Анджіолина. Увы!
Зачѣмъ ты такъ все это понимаешь?

Дождь. Я размышлялъ объ этомъ до того...

Но возвратимся къ прежнему.— Все это,
Что я тебѣ представилъ, обсудивъ—
Я на тебѣ женился. Свѣтъ одобрилъ
Меня за побужденъе; я моимъ
Съ тобою поведенъемъ доказалъ,
Что онъ былъ правъ, межъ тѣмъ, какъ ты въ то жъ время
Была достойна всякой похвалы.
Я далъ тебѣ свободу, уваженъе,
Я вѣру, безграничную къ тебѣ
И самъ имѣлъ, и въ домъ поселилъ.
Происходя отъ предковъ, что въ своей
Странѣ родной творили государей,
И съ троновъ низвергали королей
Въ чужихъ странахъ, въ Венеціи, по праву,
Была ты первой дамой.

Анджіолина. Но къ чему
Все это клонишь ты?

Дождь. Къ тому—къ тому,
Что злобное дыханъе негодяя
Все это можетъ очернить: мерзавецъ,
Котораго я выгнать приказалъ
Средь пиршества за гнусность поведенъя,
И научилъ, какъ онъ держать себя
Обязанъ былъ въ палатахъ дожа—тварь
Подобная, вотъ, можетъ на стѣнѣ
Оставить ядъ, чтобъ онъ потомъ повсюду
Чумой проникъ, чтобъ непорочность дамы,
Достоинство мужчины стали притчей...
Сугубый негодяй (что оскорбилъ
Сперва твой штатъ дѣвическій публично
Средь самыхъ благородныхъ нашихъ дамъ)—
Въ отмщеніе за должное изгнанъе,
Которому подвергся онъ, теперь

Супругу государя точно также
Публично очернилъ—и на судѣ.
Сообщниковъ остался правъ!

Анджіолина. Но онъ
Приговоренъ къ тюрьмѣ.

Дождь. Ему тюрьма—
Такой же домъ; онъ свой арестъ забавный
Тамъ проведетъ, какъ во дворцѣ. Но я
Съ нимъ кончилъ все: мнѣ остается кончить
Теперь съ тобой.

Анджіолина. Со мной, мой государь?

Дождь. Съ тобой, Анджіолина; ничего
Нѣтъ страннаго; я такъ истерзанъ этимъ,
Что жизнь моя—я чувствую—едва ли
Протянется, и потому хочу
Просить тебя почтить распоряженья,
Которыя найдешь ты въ этомъ свиткѣ.
(Подаетъ ей бумагу).

Не бойся, онъ составленъ къ твоему
Спокойствію; прочти его, но послѣ,
Въ досужій часъ.

Анджіолина. До смерти и по смерти,
Мой государь, я буду чтить тебя,
Но я молюсь, чтобъ дни твои продлились
И были бы счастливѣй, чѣмъ теперь.
Твой гнѣвъ пройдетъ; ты прояснишься снова,
И будешь тѣмъ, чѣмъ былъ и долженъ быть.

Дождь. Я быть могу чѣмъ долженъ быть, иль вовсе
Не быть ни чѣмъ; но никогда ужъ больше,
О, никогда ужъ больше, никогда
Надъ омраченной старостью Фальеро
Не просвѣтлѣетъ сладостный покой
Своимъ лучомъ прощальнымъ! Никогда
Минувшихъ дней мерцающія тѣни,

Съ ихъ прелестью, смягчающей закатъ
Не бесполезно проведенной жизни,
Не усладятъ отходъ мой на покой!
Мнѣ мало оставалось совершить,
И ничего—надѣяться, какъ только
Почтенія: почтенья къ поту, крови,
Которыхъ не жалѣлъ я, домогаясь
Почтеніе внушить къ моей странѣ.
На службѣ ей—хотя я и стою
Въ главѣ ея—на службѣ ей хотѣлъ я
Лишь съ именемъ почетнымъ отойти
Къ отцамъ моимъ; и въ этомъ мнѣ съ поворомъ
Отказано. Зачѣмъ я не подь Царой
Къ нимъ отошелъ!

Анджіолина. Ты тамъ спасъ государство.

Живи затѣмъ, чтобъ вновь когда нибудь
Спасти его. Какимъ для нихъ упрекомъ,
Какимъ прекраснымъ мщеньемъ для тебя
Другой бы день подобный же могъ быть!

До жъ. Подобный день приходится одинъ

На цѣлый вѣкъ. Я жилъ немного меньше,
Такъ слишкомъ ужъ довольно, если мнѣ
Судьба дала однажды то, чего

Во много лѣтъ, во многихъ государствахъ,
Едва какой счастливый гражданинъ

Могъ достигать. Но для чего объ этомъ
Я говорю? Венеція забыла

Про этотъ день. Что пользы вспоминать

И мнѣ о немъ? Прощай, Анджіолина!

Часы бѣгутъ такъ скоро, а меня

Большая ждетъ работа въ кабинетѣ.

Анджіолина. Такой ли былъ ты? Вспомни.

До жъ.

Для чего?

Припоминать о радости—не радость,

Хоть память о печали—все печаль!

Анджіолина. Позволь тебя просить, по крайней мѣрѣ,

Доставить отдыхъ небольшой себѣ.

Ты нѣсколько ночей спишь такъ тревожно,

Что, потревоживъ сонъ твой, я могла

Доставить бы покой тебѣ, когда бы

Не мысль о томъ, что наконецъ природа

Возьметъ свое. Одинъ бы часъ покою

Могъ возвратитъ тебя къ твоимъ трудамъ,

Но освѣживъ и мысль твою и силы.

Дождь. Я не могу—и если бъ могъ—не долженъ;

И болѣе достаточной причины

Къ безсонницѣ на свѣтѣ не бывало.

Еще немного—да, немного дней,

И нѣсколько ночей такихъ тревожныхъ,

И я засну спокойно... Гдѣ?.. Но это

Вѣдь все равно... Прощай, Анджіолина!

Анджіолина. Позволь пробить мнѣ въ обществѣ твоемъ

Еще минуточку; такъ тебя оставить

Я не могу.

Дождь. Безцѣнное дитя,

Поди ко мнѣ... Прости меня за все.

Ты создана для лучшаго удѣла,

Чѣмъ тотъ, что раздѣляешь ты, что вотъ

Стоитъ уже на рубежѣ долины,

Гдѣ Смерть сидитъ, одѣтая въ свои

Тайнственныя тѣни. Но когда

Я снизойду туда—а это будетъ

Еще скорѣй, чѣмъ даже общаются

Такіе годы, потому что я

Внутри, вверху, кругомъ себя такое

Волненье ощущаю, что оно

Быстрѣй, чѣмъ моръ или лютая война,

Въ столицѣ этой заселить способно

Всѣ кладбища—когда меня не будетъ,
О, пусть хоть то, что былъ я, иногда
Въ твоихъ устахъ является, какъ имя,
Въ твоёмъ воображеніи, какъ тѣнь,
Какъ что нибудь, о чемъ бы... не грустила,
А только вспоминала ты... Пойдемъ,
Дитя мое. Пора, давно пора. (Уходятъ).

СЦЕНА II.

Уединенное мѣсто вблизи арсенала.

Израэль Бертуччіо и Филиппо Календаро.

Календаро. Какъ ты преуспѣваешь, Израэль,

Съ своею челобитной?

Бертуччіо. Хорошо.

Календаро. Возможно ли? И онъ отвѣтитъ?

Бертуччіо. Да.

Календаро. Подвергнется аресту, пенѣ?

Бертуччіо. Смерти.

Календаро. Ты иль въ бреду, иль думаешь отмстить
Своимъ судомъ, принявши мой совѣтъ.

Бертуччіо. Да, именно, чтобы подобной местию

Сгубить свой планъ, и позабыть, что мы

Венецію задумали избавить?

Чтобъ промѣнять на ссылку иль тюрьму

Всю жизнь надеждъ? Чтобъ, съ этимъ скорпіономъ

Покончивши, оставить за собой

Семью, друзей и тысячи согражданъ

Для новыхъ мукъ? Нѣтъ, Календаро, онъ

За капли этой крови, такъ безчестно

Пролившей имъ, обязанъ мнѣ отдать

Всю кровь свою—но только не одинъ.

Мы свой ударъ не изъ-за личной злобы

Хотимъ нанести: что сдѣлаешь любой
Взбѣшенный сумасбродъ, то недостойно
Карателей тирановъ.

Календаро. У тебя
Поболѣе терпѣнья, чѣмъ могу
Я этимъ похвалиться. Будь тогда
Ты имъ при мнѣ обиженъ—я его
На мѣстѣ положилъ бы, иль на мѣстѣ
Отъ злобы задохнулся бѣ.

Бертуччіо. Слава Богу,
Все къ лучшему: ты могъ испортить планъ,
Въ которомъ будетъ прокъ.

Календаро. А что тебѣ
Отвѣтилъ дождь?

Бертуччіо. Что для такихъ Барбаро
Здѣсь нѣтъ суда.

Календаро. Я такъ и говорилъ,
Что если хлопотать о правосудьи,
То беспокоить дожа—лишній трудъ.
Но обратясь къ нему, я подозрѣнье
Предупредилъ. Не то бы первый сбирь
Подумать могъ, что я, скрѣпивши сердце,
Обдумываю мщенье.

Календаро. Но ты могъ
Для этого къ Совѣту обратиться;
Вѣдь дождь простая кукла; онъ своихъ
Обидь не оберется. Почему же
Ты шелъ къ нему?

Бертуччіо. Объ этомъ я тебѣ
Скажу потомъ.

Календаро. Зачѣмъ же не теперь?

Бертуччіо. Пожди до полуночи. Прикажи
Друзьямъ своимъ готовить ихъ команды;
Взгляни въ свои реэстры; чтобы все

Стояло на ногахъ: мы свой ударъ
Скорѣе нанесемъ, чѣмъ можно думать.
Мы долго выжидали, чтобъ насталь
Удобный часъ—ну, онъ на циферблатѣ;
Онъ можетъ въ эту ночь настать. Отсрочка
Дальнѣйшая могла бъ намъ угрожать
Опасностью. Смотри, чтобы сегодня
Исправнѣй, чѣмъ когда, явились всѣ
На мѣсто нашей сродки, исключая
Тѣхъ изъ числа Шестнадцати, кому
Прійдется быть въ нарядѣ, наготовѣ,
Сигнала ждать.

Календаро. Твои слова мнѣ въ жилы
Жизнь новую вливають; я усталъ
Отъ этихъ безконечныхъ совѣщаній;
Дни тянутся за днями, а межъ тѣмъ
Тяжелыя оковы все тяжелѣ
Становятся; страданья нашихъ братьевъ
И насъ самихъ доходятъ до конца
Терпѣнія; надутые тираны
Все больше надуваются. Дай мнѣ
Ихъ встрѣтить поскорѣй; до остальнаго
Мнѣ нужды нѣтъ: свобода или смерть!
Ничто ни се мнѣ истомило душу.

Бертуччіо. Живые или мертвые—мы будемъ
Свободными. Въ могилѣ нѣтъ цѣпей!
Полны ль твои реэстры, и во всѣхъ ли
Шестнадцати командахъ ужъ комплектъ
Довель ты до шестидесяти?

Календаро. Да;
Кромѣ лишь двухъ, въ которыхъ я считаю
По сорока пяти.

Бертуччіо. Ну, и не важность;
Безъ этого возможно обойтись.

А у кого же это?

Календаро. У Бертрама

И старика Соранцо; въ этихъ двухъ

Усердія помешѣ, чѣмъ въ насъ.

Бертуччіо. Ты по своей горячности готовъ

Всѣхъ обвинять въ холодности, кто только

Не очень суетится; а межъ тѣмъ

Въ натурахъ молчаливыхъ иногда

Не менѣе отваги, чѣмъ во многихъ

Изъ крикуновъ. Ты въ нихъ не сомнѣвайся.

Календаро. Я въ старикѣ увѣренъ; но Бертрамъ

Чувствителенъ ужъ очень; это гибель

Въ такихъ дѣлахъ, какъ наше: я видалъ

Какъ онъ однажды хныкалъ надъ судьбой

Какаго-то несчастнаго, какъ будто

Какойнибудь счастливецъ! Иль на-дняхъ,

Бывъ при одной дуэли, поблѣднѣлъ,

Увидѣвъ кровь, и кровь еще мерзавца.

Бертуччіо. Да, храбрые всегда почти нѣжны,

И видомъ, и душою, и болѣютъ

Не рѣдко тамъ, гдѣ запрещаетъ долгъ.

Я слишкомъ хорошо Бертрама знаю;

Другой души подобной поискать.

Календаро. Быть можетъ, что и такъ; я самъ боюсь

Въ немъ слабости скорѣе, чѣмъ измѣны.

Но къ счастью, у него нѣтъ ни жены.

Ни душеньки, чтобъ поощрять въ немъ эту

Чувствительность; и это за него

Главнѣйшая порука. Хорошо,

Что онъ такой безродный, и друзей

Имѣетъ лишь межъ нами: заведись

Женою онъ, ребенкомъ — онъ, бѣдняга,

Обоихъ былъ бы хуже.

Бертуччіо. Эти связи

Не для людей съ возвышенной судьбой,
Съ призваніемъ—въ порочныхъ государствахъ
Возстановлять народы. Мы должны
Всѣ чувства позабыть для одного;
Всѣ страсти задушить, кромѣ одной;
Имѣть въ виду одну свою отчизну;
Считать своей красавицей лишь Смерть.
Чтобъ небеса, принявъ такую жертву,
Ее благословили навсегда
Свободою!

Календаро. А если проиграемъ?
Бертуччіо. Тотъ никогда не проигралъ, кто умеръ
За родину: онъ можетъ кровь свою
Пролить на плахѣ; голову его
Возможно на показъ поставить, члены
Повѣсить на воротахъ городскихъ
Иль на зубахъ тюремныхъ стѣнъ; но это
Не можетъ задушить его труда.
Пройдутъ года, падутъ другія жертвы;
Но мысль его, господствуя надъ воѣмъ,
Въ умахъ людей расти не перестанетъ
И землю обтекать, чтобъ наконецъ—
Міръ привести къ свободѣ. Что такое
Могли быть мы, когда бы не жилъ Брутъ?
Спасая Римъ, онъ умеръ; но оставилъ
Безсмертными урокъ свой и свое
Почтенное, какъ добродѣтель, имя;
Свой духъ, что всюду возстаетъ, какъ только
Злой человѣкъ захватываетъ власть,
Чтобъ обратить въ неволю государство.
Возвышенныхъ друзей его назвали
Послѣдними изъ римлянъ! Что мѣшаетъ
Изъ истинныхъ венеціанцевъ намъ
Быть первыми?

Календаро. Конечно, наши предки

На эти острова, гдѣ океанъ
Сердитыми волнами оmyваетъ
Дворцы теперь, бѣжали отъ Аттилы
Не для того, чтобъ тысячу тирановъ
Тутъ признавать, на мѣсто одного.
Нѣтъ, лучше бы склониться передъ гунномъ,
Татарину отдать себя во власть,
Чѣмъ этимъ господамъ. По крайней мѣрѣ,
Тотъ былъ хоть человекъ, и власть свою
Основывалъ на собственномъ мечѣ;
А эти безыменные созданья
Чѣмъ держатся? Какимъ-то волшебствомъ,
Командою надъ нами, управленьемъ,
Котораго вся сущность—ихъ слова.

Бертуччіо. Мы съ этими волшебниками скоро

Управимся. Ты говоришь, у насъ
Все обстоитъ исправно. Я сегодня
Не обходилъ отрядовъ—почему,
Ты знаешь самъ; но это за меня
Исправилъ ты. Последнее рѣшенье
Правительства—о томъ, чтобъ привести
Въ порядокъ флотъ, дало намъ легкій способъ
Ввести въ арсеналь большую часть своихъ,
Подъ видомъ мастеровъ и новобранцевъ,
Для флота сформированныхъ... Оружьемъ
Всѣ снабжены?

Календаро. Всѣ, стоящіе вѣры.

Но я нашель, что многихъ не мѣшаетъ
Попридержатъ въ невѣдѣнны, покуда
Наступитъ часъ; вооружить недолго;
Ну, а тогда—въ жару и суматохѣ—
Я убѣжденъ—они безъ дальнихъ словъ
Пойдутъ туда, куда и всѣ.

Бертуччіо. Ты правъ.

Ты всёхъ такихъ замѣтилъ?

Календаро. Сколько могъ.

Я и другихъ начальниковъ командъ

Склонилъ на эту мѣру, Сколько я

Могу соображать—то насъ довольно

Для вѣрнаго успѣха, если бъ дѣло

Начать въ ночи; иначе, каждый часъ,

Пока оно не началось, для насъ

Быть можетъ роковымъ.

Бертуччіо. Такъ пусть Шестнадцать

Въ условный часъ сберутся, какъ всегда,

Кромѣ троихъ—Соранцо, Николетто

И Марка Джюда: этимъ въ караулѣ

Вели быть въ арсеналѣ; да скажи,

Чтобъ были наготовѣ, если имъ

Дадутъ сигналъ.

Календаро. Все это я устрою.

Бертуччіо. А остальнымъ скажи, что я сегодня

Представлю незнакомца.

Календаро. Незнакомца!

Онъ знаетъ нашу тайну?

Бертуччіо. Да.

Календаро. Ты могъ

Такъ рисковать опасностію жизни

Своихъ друзей, довѣрившись Богъ вѣсть

Какому человѣку!

Бертуччіо. Я рискнулъ

Лишь собственной жизнью; будь покоенъ

На этотъ счетъ; а этотъ человѣкъ

Вдвойнѣ достоинъ вѣры, если намъ

Удастся приобрѣсть его; а нѣтъ—

Онъ будетъ въ нашей власти: овъ одинъ

Придетъ со мной—и не уйдетъ, пожалуй...

Но онъ не изъ такихъ, чтобъ отступать.
Календаро. Я этого не знаю, такъ какъ я
Съ нимъ незнакомъ; по крайней мѣрѣ, онъ
Принадлежить къ народу?

Бертуччіо. Да, по духу,
Хотя онъ сынъ величья; человекъ—
Скажу тебѣ—способный тронъ создать,
И въ силахъ опрокинуть; много дѣлъ
Великихъ совершившій и большія
Выдавшій перемѣны; не тиранъ,
Хотя бы могъ легко имъ быть; съ душою.
Великой для войны, и съ головой
Отличной для совѣта; благородень,
Хотя и гордъ; порывистъ, но мудрецъ;
А главное, извѣстными страстями
Такъ заражонъ, что стѣбитъ возбудить
Ихъ только разъ—а ихъ ужъ возбудили—
Такъ фуріи такой ты не найдешь
И въ греческой исторіи, какая
Проснется въ немъ, чтобъ внутренность ему
Терзать неумолимыми когтями,
Пока онъ все на свѣтѣ предпринять
Для мщенья не рѣшится. Не забудь,
Что умъ въ немъ либеральный; онъ народъ
Считаетъ угнетеннымъ и болѣетъ
О немъ душой. Принявши все за все,
И мы въ такомъ нуждались человекъ,
И въ насъ нуждался человекъ такой.

Календаро. Какую же ты роль ему назначишь?

Бертуччіо. Да, можетъ быть, главы.

Календаро. Главы! Ужели

Ты собственную власть отдашь ему?

Бертуччіо. Пожалуй, такъ. Надъ вами возвышаться

Я никогда не думалъ; дѣлъ моя—

Окончить хорошенько наше дѣло.
Дѣйствительно, за кой-какія знанья,
За опытность, вы выбрали меня
Своимъ вождемъ, покуда не найдется
Достойнѣйшій. Но если я такого
Нашелъ теперь, и если вы и сами
Такимъ его найдете, неужели
Ты думаешь, я буду торговаться?
Что я скорѣй рискну великимъ дѣломъ,
Раззарившись на маленькую власть,
Чѣмъ уступлю тому, кто несравненно
Способнѣ меня? Нѣтъ, Календаро,
Ты долженъ покороче знать меня.
Но это вамъ рѣшить придется всѣмъ.
Теперь идемъ. Въ условный часъ, надѣюсь,
Мы встрѣтимся. Старайся не дремать—
Вотъ все пока, что нужно намъ.

Календаро. Достойный

Бертучіо, я знаю тебя всегда
За честнаго и храбраго, съ душой
И съ головой такою, что ихъ планы
Я исполнять зажмурившись готовъ;
Что до меня, я не хочу другаго
Вождя себѣ. Не знаю, какъ рѣшать
И захотятъ другіе; только я
Какъ прежде, такъ и нынѣ, остаюсь
Съ тобой и за тебя. Теперь прощай,
Покуда вновь соединить насъ полночь. (*Уходятъ*).

АКТЪ ТРЕТІЙ.

СЦЕНА I.

Между каналомъ и церковью Св. Іоанна и Павла. Передъ церковью конная статуя. На каналѣ видна гондола.

Дождь (*одинъ, переодѣтый*).

Я прихожу, предупредивши часъ,
Который, прозвучавъ во мракѣ ночи,
Своимъ зловѣщимъ гуломъ потрясти
Дворцы способенъ эти, всколыхать
Ихъ мраморы тяжелые по самый
Краеугольный камень, пробудить
Всѣхъ спящихъ въ нихъ отъ ихъ тяжелыхъ грезъ
Неяснаго, но страшнаго значенья
О близкой ихъ судьбѣ. Да, гордый городъ!
Кровь черную, что сдѣлала тебя
Притономъ зараженнымъ тиранніи,
Въ тебѣ очистить надо. Я иду
На это противъ воли. За мое
Терпѣніе къ патриціанской язвѣ
Я заплатился тѣмъ, что наконецъ
Былъ самъ застигнутъ ею среди сна,
Сталъ заклеименъ пятномъ ея и долженъ
Омыть его цѣлительной струей.
Ты, величавый храмъ, гдѣ почиваютъ
Отцы мои, гдѣ только эти плиты,
Покрытыя тѣнями ихъ статуй,
Лежатъ межъ мной и смертью, гдѣ сердца,
Кипѣвшія такою бурной кровью,
Истлѣвши въ порошокъ, теперь хранить,
Подъ видомъ горсти пепла, все, все то,
Что нѣкогда героевъ составляло
И потрясало землю—храмъ святыхъ
Патроновъ, охраняющихъ нашъ домъ!

Ты гордый сводъ, гдѣ спять мои два предка,
Скончавшіеся дожами—одинъ
Среди трудовъ, другой на полѣ чести,
И множество другихъ мнѣ однокровныхъ
Вождей и мудрецовъ, которыхъ раны,
Труды и государство получилъ
Въ наслѣдство я—открой свои могилы!
Пусть эти мудрецы сойдутся всѣ
На паперти твоей, и пусть они
Всѣ на меня взирають! Я предъ ними,
Предъ ними и тобою поклянусь,
Что предпринять такое дѣло я
Подвигнуть былъ ихъ кровію высокой,
Ихъ славными гербами и могучимъ
Ихъ именемъ, которое во мнѣ
Такъ стало опозорено... не мной,
А этою неблагодарной знатью,
Которую спасали мы не съ тѣмъ,
Чтобъ въ ней нажить господъ, на мѣсто равныхъ.
И прежде всѣхъ, ты, храбрый Орделафо,
Погибнувшій подъ Царей, гдѣ потомъ
Я побѣдилъ—ужели гекатомбы,
Которыя потомокъ твой принесъ
Тамъ изъ враговъ Венеціи, и вмѣстѣ
Твоихъ враговъ, такой награды стѣять?
О, духи! Улыбнитесь мнѣ, вѣдь дѣло
Намъ общее; гдѣ бъ вы ни обитали,
Но слава ваша, ваше имя, все
Слилось во мнѣ и связано съ судьбою
Всей нашей родословной! Помогите—
И этотъ городъ вольнымъ и безсмертнымъ
Я сдѣлаю; а домъ нашъ навсегда
Столь памятнымъ, какъ только вы достойны.

(Входитъ Израэль Бергуччіо).

Бертуччіо. Кто это?

Дождь.

Другъ Венеціи.

Бертуччіо.

Такъ, онъ.

Вы, государь, предупредили срокъ.

Дождь. Веди меня въ свое собранье.

Бертуччіо.

Васъ!

Я радъ, я гордъ, что вижу въ васъ такую

Довѣрчивость. Вы всѣ свои сомнѣнья

Поэтому оставили теперь?

Дождь. Не то—но я кладу на эту ставку

Весь мой остатокъ жизни. Жребій брошенъ

Тогда же былъ, какъ только ты открылъ

Мнѣ про свою измѣну. Не дрожи!

Я выражаюсь точно; мой языкъ

Не можетъ лицемѣрными словами

Дѣла такія называть, хотя

Я самъ на нихъ рѣшаюсь. Если я,

Твой государь, при первомъ искушеньи,

Тобой произнесенномъ, не велѣлъ

Стащить тебя въ тюрьму, то я ужъ былъ

Тягчайшій твой сообщникъ: ты теперь

То жъ самое со мною можешь сдѣлать;

Не хочешь ли?

Бертуччіо.

Вотъ странныя слова,

И мной незаслуженныя нисколько;

Я не шпионъ; мы съ вами не такіе,

Чтобъ доносить.

Дождь.

Мы! мы!—но, ничего—

Ты въ правѣ говорить конечно мы:

Не въ этомъ сущность. Если покушенье

Удастся намъ, и ежели затѣмъ

Венеція, ставъ вольной и цвѣтущей,

Къ могиламъ нашимъ, гдѣ положить насъ,

Велитъ ходить грядущимъ поколѣньямъ,

И маленькихъ дѣтей своихъ заставить
Рученками цвѣты бросать на прахъ
Освободителей, послѣдствія тогда,
Безспорно, освящаютъ наше дѣло,
И лѣтопись грядущая представить
Изъ насъ съ тобой двухъ Брутовъ. Если жъ нѣтъ,
И если мы падемъ и обнаружимъ
Лишь заговоръ нашъ тайный, наши мѣры
Кровавыя — мы, честный Израэль,
Измѣнники: ты также, какъ и тотъ,
Кто шесть часовъ назадъ былъ государь твой,
Теперь же твой сообщникъ и собратъ.

Бертуччіо. Не время лишь объ этомъ разсуждать,
Не то, я возразилъ бы вамъ. Пойдемте;
Что добраго, насъ могутъ наблюдать.
Пожалуй, здѣсь.

Дождь. За нами наблюдаютъ,
Все время наблюдали.

Бертуччіо. Наблюдали!

Гдѣ—укажите мнѣ, и эта сталь...

Дождь. Вложи ее; живаго человѣка
Здѣсь вѣрно нѣтъ... Но погляди сюда,
Что это тамъ?

Бертуччіо. Въ туманномъ, лунномъ свѣтѣ
На мраморномъ конѣ громадный воинъ;
Лишь статуя, и только.

Дождь. Этотъ воинъ

Моихъ отцовъ и предковъ ихъ былъ предокъ;

А эту статую ему воздвигъ

Два раза имъ спасенный этотъ городъ:

Глядитъ иль нѣтъ на насъ онъ, какъ объ этомъ

Ты думаешь?

Бертуччіо. Но это, государь,

Фантазія: ужели есть глава

У мрамора?

До жъ. У Смерти есть они.

Я говорю тебѣ: такія вещи
Имѣють духъ, который видитъ, слышитъ
И дѣйствуетъ—замѣтно, хоть незримо.
И ежели есть чары, отъ которыхъ
Не спится мертвецамъ, онѣ конечно
Въ такихъ дѣлахъ, какъ наше. Неужель
Ты думаешь, что души поколѣнья
Такого, какъ мое, спокойно спать
Въ гробахъ своихъ, межъ тѣмъ какъ я, послѣдній
Потомокъ ихъ, надъ дерномъ ихъ могиль,
Съ озлобленнымъ плебеємъ покушаюсь
На заговоръ?

Бертуччіо. Все это бы не худо
Заранѣ обсудить, чѣмъ приставать
Къ такому предпріятію. Неужели
Вы каетесь?

До жъ. Нѣтъ, это знакъ, что я
Лишь чувствую; и это не пройдетъ
Со мною до конца. Я не могу
Ни жизнь такую славную затмить,
Ни сдѣлаться такою темной тварью,
Ни убивать людей врасплохъ—такъ, вдругъ,
Безъ всякихъ колебаній. Ты однако
Во мнѣ не сомнѣвайся; даже эти
Сомнѣнія и знаніе того,
Что привело меня на этотъ путь,
Ужъ за меня тебѣ порукой служатъ.
Ремесленный вашъ заговоръ не можетъ
Представить мнѣ бунтовщика изъ васъ,
Который бы такъ палъ, такъ былъ униженъ
И жаждалъ бы расплаты такъ, какъ я!
Одинъ ужъ этотъ шагъ, который сдѣлать

Я вынужденъ тиранами, таковъ,
Что за дѣла, которыми я долженъ
Имъ заплатить за собственныя ихъ,
Я вдвое ненавижу ихъ.

Бертуччіо. Пойдемте.

Чу—слышите!.. нашъ часъ—

Дождь. Идемъ, идемъ...

Нашъ похоронный колоколь пробилъ,
А можетъ быть—Венеціи; идемъ.

Бертуччіо. Нѣтъ, это звонъ, пророчащій свободу.

Нашъ путь лежитъ сюда; намъ недалеко. (Уходятъ).

СЦЕНА II.

Домъ, гдѣ собираются заговорщики.

Даголино, Доро, Бертрамъ, Фиделіо Тревизано, Антонио, Календаро и проч.

Календаро (входитъ). Что, всё ли здѣсь?

Даголино. Почти, кромѣ троихъ,
Да самого Бертуччіо, который
Сейчасъ прійдетъ.

Календаро. А гдѣ Бертрамъ нашъ?

Бертрамъ. Здѣсь.

Календаро. Ты все свою команду не успѣлъ
Скомплектовать?

Бертрамъ. Я кой-кого замѣтилъ.
Да тайну побоялся имъ открыть,
Не испытавъ ихъ честности сперва.

Календаро. И нужды нѣтъ испытывать ихъ честность.
Кто, кромѣ насъ, да нѣсколькихъ отборныхъ
Товарищей, доселѣ зналъ нашъ планъ
Въ подробности? Всѣ думаютъ, что дѣло
Идетъ о томъ, чтобъ съ вѣдома Сената
Отдѣлаться отъ нѣсколькихъ дворянъ

Изъ молодыхъ, которымъ никакого
Нѣтъ удержа въ законѣ. Но однажды
Поднявши сталь и окунувъ ее
Сперва въ крови намѣченныхъ синьоровъ,
Они пойдутъ рубить, не разбирая,
Особенно, когда примѣръ увидятъ
Въ начальникахъ; а я на этотъ счетъ
Толкну ихъ на тако́го, что они,
Кто отъ стыда, а кто спасенья ради,
Не сложать рукъ, пока не истребятъ
Всѣхъ до души.

Б е р т р а м ъ. Какъ, почему же всѣхъ?

К а л е н д а р о. А ты кого хотѣлъ бы пощадить?

Б е р т р а м ъ. Я—пощадить! Я не имѣю права.

Я спрашиваю только, полагая,

Что и межъ нихъ вѣдь могутъ же найтись

Такіе, что по свойствамъ ихъ и лѣтамъ

Отмѣчены быть могутъ для пощады.

К а л е н д а р о. Пощады! Да, какую можно дать.

Остаткамъ шевелящимся змѣи,

Разрубленной на части, что живутъ

Послѣдней каплей яду. Нѣтъ, меня

Разжалобитъ скорѣе зубъ змѣиный,

Чѣмъ ктонибудь изъ нихъ: они вѣдь звеня

Одной и той же цѣпи; всѣ они

Одна душа, одна и та же плоть;

Они живутъ, ѣдятъ и пьютъ всѣ вмѣстѣ;

Пируютъ, лгутъ, тѣснятъ и убиваютъ

Насъ сообща; такъ пусть ихъ и умрутъ

Всѣ заодно.

Д а г о л и н о. Спасись изъ нихъ одинъ,

Въ немъ сохранится цѣлое сословье.

Что намъ число—десятковъ или тысячъ?

Мы духъ аристократіи хотимъ

Искоренить. Останься корешокъ
Отъ древа ихъ живучаго—онъ будетъ
Вновь деревомъ зловѣщимъ, и опять
Горчайшій плодъ свой принесетъ. Бертрамъ,
Тутъ есть зачѣмъ быть твердымъ.

Календаро. Хорошенько

Вагляни, Бертрамъ, на это; я слѣжу

Прилежно за тобой.

Бертрамъ. Кто мнѣ не вѣритъ?

Календаро. Не я; будь это я, такъ ты не сталъ бы
Тутъ толковать о вѣрности теперь.

Не недостатокъ честности, а слабость

Намъ дѣлаютъ сомнительнымъ тебя.

Бертрамъ. Послушайте, вы всѣ должны бы знать,

Кто я такой: подобно вамъ, возставшій,

Чтобъ свергнуть тираннію, человекъ,

И человекъ, какъ я склоненъ думать,

Не безъ души; а твердъ я или нѣтъ,

Объ этомъ ты всѣхъ лучше, Календаро,

Сказать бы могъ: ты видывалъ меня.

А ежели и тутъ тебя сомнѣнья

Преслѣдуютъ, такъ я ихъ разъясню

Ужъ на самомъ тебѣ.

Календаро. Я твой слуга —

Вотъ только бы управиться намъ съ дѣломъ;

Теперь же извини—мы этотъ крикъ

Пока замнемъ.

Бертрамъ. Я не крикунъ; а впрочемъ,

Противъ врага могу стоять не хуже,

Чѣмъ ктонибудь; иначе, какъ бы я

Могъ быть однимъ изъ главныхъ между вами?

Но признаюсь, въ моей природѣ есть

Такой порокъ: убійства безъ разбора

Я не могу представить безъ того,

Чтобъ у меня не шевельнулось сердце;
И кровію сѣдины обагрять
Мнѣ радости особой не доставить;
И смерть людей, застигнутыхъ врасплохъ,
Я думаю, не будетъ мнѣ казаться
Побѣдою. Я знаю хорошо,
И слишкомъ хорошо, что мы не можемъ
Не совершить вещей такихъ надъ тѣми,
Которые нашли себѣ такихъ
Карателей; но отыщись межъ ними
Хоть нѣсколько достойныхъ уцѣлѣть
Отъ участи неотразимой этой,
То нѣсколько кровавыхъ пятенъ смыть,
Для собственной же чести, съ рукъ своихъ
Я былъ бы радъ. Чего подозрѣвать,
Или надъ чѣмъ смѣяться тутъ—не знаю.

Даголино. Бертрамъ, не горячись; изъ насъ никто
Не думаетъ подозрѣвать тебя.
Но мы должны имѣть въ виду лишь дѣло.
А не свои хотѣнья, и потомъ,
Живой родникъ свободы съ насъ отмоетъ
Всѣ эти пятна.

(Входятъ Бертуцціо и Дождь переодѣтый и въ маску).

Даголино. Здравствуй, Израэль.

Заговорщики. Добро пожаловать. Мы заждались—
Ты запоздалъ... Кто этотъ незнакомецъ?

Календаро. Теперь пора назвать его; ужъ я
Предупредилъ друзей, что ты сегодня
Умножишь наше братство; съ насъ довольно,
Что этотъ братъ представленъ намъ тобой;
Одобренный тобой, онъ, значить, всѣми
Заранѣе одобренъ. Пусть же онъ
Откроется.

Бертуччіо. Приблизьтесь, незнакомецъ.
(Дождь откривается).

Заговорщики. Къ оружію! Измѣна! Это Дождь.

Колите ихъ обоихъ! Своего
Предателя и этого тирана,
Которому онъ предалъ насъ!

Календаро. Ни съ мѣста!
Кто сдѣлаетъ хоть шагъ впередъ, тотъ умерь.
Молчать! молчать! Мы выслушать должны
Бертуччіо. Ужель на васъ на всѣхъ
Такой старикъ, одинъ и безоружный,
Наводитъ страхъ?.. Бертуччо, говори!
Что значить эта тайна?

Бертуччіо. Дай имъ волю;
Пускай неблагодарные сразятъ
Себя самоубійствомъ! Вѣдь на насъ
Теперь вся ихъ надежда, въ насъ—одно
Спасеніе имъ.

Дождь. Разите! Если бъ я
Боялся смерти, даже горшей смерти,
Чѣмъ ваши шпаги могутъ мнѣ нанести—
Я бъ не былъ здѣсь. О, славный героизмъ,
Внушаемый боязнью—предъ одною
Сѣдою головой!.. Такъ вотъ они—
Народные вожди, что государство
Берутся обновить, встряхнуть Сенатъ;
А между тѣмъ безумѣютъ отъ злобы
И ужаса, при видѣ одного
Патриція. Мясничайте! Что стали?
Мнѣ все равно... Бертуччо, это тѣ
Испытанныя души, о которыхъ
Ты говорил? Взгляни на нихъ.

Календаро. Онъ правъ!
Мы это порицанье заслужили.

Такаго ли довѣрія отъ насъ
Ждалъ вѣрный нашъ Бертуччіо, чтобъ вы
Могли его, въ' сопровожденьи гостя,
Съ кинжалами встрѣчать? Вложите ихъ
И слушайте его.

Бертуччіо. Я униженьемъ
Считаю говорить. Они давно
Должны бы знать, что человекъ, какъ я,
Къ измѣнѣ неспособенъ; власть моя—
Употреблять всѣ средства для успѣха
Ихъ замысловъ—ни разу не была
Обращена во зло; они могли бы
Спокойны быть, что если кто сюда
Со мной войдетъ, то онъ войдетъ затѣмъ,
Чтобы избрать—быть жертвой, или братомъ.

Дождь. Такъ чѣмъ же мнѣ назначено тутъ быть?
На счетъ свободы выбора я въ правѣ
Немного сомнѣваться.

Бертуччіо. Государь,
Мы вмѣстѣ бы погибли, если бъ эти
Безумцы захотѣли продолжать;
Но видите, они уже стыдятся
И никнуть головой передъ своимъ
Порывомъ сумасброднымъ. Вѣрьте мнѣ,
На этотъ разъ я въ нихъ не ошибаюсь.
Поговорите имъ.

Календаро. Да, говорите;
Я признаюсь, мы жаждемъ васъ услышать.

Бертуччіо (къ товарищамъ). Мы спасены, и болѣе—мы
скоро

Побѣдой увѣнчаемся. Теперь
Послушайте и убѣдитесь сами,
Что я не даромъ это говорю.

Дождь. Вы видите во мнѣ здѣсь старика

Простаго, безоружнаго, какъ кто-то
Сказаль изъ васъ. Не дальше, какъ вчера,
Вы видѣли меня въ палатахъ дожа,
Ста острововъ, принадлежащихъ намъ,
Наружнымъ повелителемъ, одѣтымъ
Въ мой пурпуръ должностной, во всѣ концы
Эдикты рассылающимъ, какъ будто
Я не былъ подчиненнымъ — наравнѣ
Со всѣми вами — нашимъ господамъ
Патриціямъ. Зачѣмъ я тамъ, объ этомъ
Вы знаете; зачѣмъ я тутъ, на это
Пусть тотъ изъ васъ, кто больше перенесъ,
Кто такъ былъ попираемъ, угнетенъ,
Что приходилъ къ сомнѣнью, точно ль онъ
Не созданъ червякомъ — пусть за меня,
Спросивъ сперва у собственнаго сердца,
Отвѣтитъ тотъ, зачѣмъ онъ между вами?
Последнюю исторію мою
Вы знаете — кто про нее не знаетъ? —
И судите о ней, я полагаю,
Не такъ, какъ тѣ, чей лицемѣрный судъ,
Лишь взгромоздилъ презрѣнье на презрѣнье.
Я повторять не буду — вотъ гдѣ, вотъ
Подъ сердцемъ я ношу обиду эту;
Но жалобой безплодной я могу
Лишь обнаружить слабость, а межъ тѣмъ
Я прихожу дать крѣпость даже крѣпкимъ,
Ихъ подстрекнуть къ дѣламъ и ускорить
Ходъ самыхъ дѣлъ. Но мнѣ едва ли нужно
Васъ подстрекать. Зло нашихъ оскорбленій
Скрывается въ общественныхъ порокахъ
И въ учрежденьяхъ этой — не скажу
Республики, тѣмъ меньше — государства:
Народъ и государь — здѣсь ничего

Такаго нѣтъ. Здѣсь всѣ почти пороки
Найдемъ мы древней Спарты, безъ ея
Высокихъ только качествъ... Господа
Спартанскіе по крайней мѣрѣ были
Солдатами; а наши—сибариты,
Не болѣе, межъ тѣмъ какъ мы илоты,
И я изъ нихъ жалчайшій и послѣдній,
Обязанный блистать лишь на показъ,
Какъ тѣ рабы, которыхъ въ пьяномъ видѣ
У грековъ выставляли на позоръ
И дѣтскій смѣхъ. Вы собрались изгнать
Въ чудовищномъ подобьи государства
Чудовищный порядокъ, привидѣнье,
Которое прійдется заклинать
Вамъ кровію. Вы будете должны
Здѣсь водворить конечно справедливость
И истину. Но дикаго равенства
Не надобно республикѣ, чтобъ быть
Свободной и прекрасной; ей потребны
Права лишь справедливыя—съ значеньемъ
И стройностью тѣхъ храмовыхъ колоннъ,
Которыя, взаимную опорѣ
Одна другой ссужая, цѣлый храмъ
Столь мощнымъ представляютъ, что малѣйшій
Изъянъ какой въ немъ могъ бы погубить
Гармонію и грацію. Чтобъ этотъ
Переворотъ великій совершить,
Я вызываюсь быть однимъ изъ вашихъ,
Какъ скоро вы мнѣ вѣрите; а нѣтъ—
Разите это сердце; жизнь моя
Запятнана; и я хотѣлъ бы лучше
Отъ рукъ людей свободныхъ пасть, чѣмъ жить,
Чтобъ угодить когда нибудь въ тираны,
Тиранамъ угождая. Но такимъ

И не былъ я, и никогда не буду;
Читайте наши лѣтописи: я
Въ свидѣтели беру все эти страны
И города, которыми я правилъ;
Спросите ихъ, кто былъ я—притѣснитель,
Иль человѣкъ сочувственный къ моимъ
Собратьямъ человѣческимъ. Быть можетъ,
Когда бы я былъ тѣмъ, чего во мнѣ
Искалъ Сенатъ—игрушкой или куклой
Разряженной, обязанной служить
Портретомъ лишь правителя, народнымъ
Гонителемъ, подписчикомъ приказовъ,
Сообщникомъ бездумныхъ Сорока,
Отступникомъ всего, что неугоднымъ
Покажется презрѣннымъ Десяти,
Лстецомъ, лжецомъ—Сенатъ бы никогда
Не натравилъ мерзавца покуситься
На честь мою. Что я сношу—случилось
Изъ-за моей любви къ народу; это
Однимъ уже извѣстно, а другимъ
Должно извѣстнымъ сдѣлаться... Такъ вотъ,
Какая бъ вамъ судьба ни предстояла—
Я предаю остатокъ дней моихъ,
Я жертвую всей властью, что имѣю,
Не такъ какъ дождь—какъ человѣкъ, который
Великимъ былъ, пока не палъ до дожа,
И все еще свои имѣетъ средства,
Свой личный умъ: я все кладу—и славу
(Я былъ когда-то славенъ), и дыханье
(Послѣдній вздохъ, быть можетъ; дни мои
Изочтены), надежды, душу, сердце;
Все, все на эту ставку! Я себя
Такимъ вамъ предлагаю, какъ я есть;
Примите или отвергните меня,

Я государь—и только гражданиномъ
Желаю быть. Чтобъ сдѣлать этотъ шагъ.
Я бросилъ тронъ.

Календаро. Да здравствуетъ Фальеро!

Товарищи, Венеція свободна!

Заговорщики. Да здравствуетъ Фальеро!

Бертуччіо. Что, друзья?

Не цѣлая ли армія одинъ.

Подобный человекъ!

Дождь. Теперь не время

Хвалить меня; не мѣсто—воскликать.

Я вашъ иль нѣтъ?

Календаро. Ты первый между нами,

Какъ и во всей Венеціи ты былъ;

Ты нашъ глава, нашъ генераль теперь.

Дождь. Вашъ генераль! Глава! Я генераломъ

Подъ Царой былъ; я въ Кипрѣ и Родосѣ

Главою былъ, и кстати, государемъ

Въ Венеціи... Я не могу такъ низко...

Какъ, то есть, я начальствовать могу

Надъ шайкой.. патриотовъ?.. Если я

Тѣ почести, къ которымъ ужъ привыкъ,

Сложилъ съ себя, то не за тѣмъ, что новыхъ

Хотѣлъ искать, а съ тѣмъ, чтобъ равнымъ быть

Межъ равными... Но перейдемте къ дѣлу.

Мнѣ Израэль открылъ вашъ планъ; онъ дерзокъ,

Но если я помочъ возьмусь—возможенъ,

Особенно, когда начать, не медля.

Календаро. По насъ, когда угодно: такъ, друзья?

Я все расположилъ, чтобы ударить

Во всякій часъ; когда же этотъ часъ?

Дождь. Съ разсвѣтомъ дня.

Бертрамъ. Такъ рано?

Дождь. Рано? Поздно

Скажи скорѣй. Намъ каждый часъ грозить
Опасностью; тѣмъ болѣе, теперь,
Съ тѣхъ поръ, какъ я присталь къ вамъ; или вы
Не знаете ни Десяти шпионовъ,
Ни нашего Сената, ни господъ
Патриціевъ, столь склонныхъ сомнѣваться
Въ рабахъ своихъ, особенно въ одномъ,
Ихъ бывшемъ государѣ? Вы должны
Разить, я говорю. Разите гидру
На первый разъ подъ сердце; а потомъ
Ужъ головы рубите.

Календаро. Я даю

Согласіе и шпагой и душою.

Я говорю, что я ужъ всѣ отряды

Поставилъ подъ оружье—а отрядъ

У насъ шестидесятный—всѣ они

Разставлены и по мѣстамъ, на случай,

И ждуть лишь суматохи. Господа,

Идемте занимать свои мѣста.

А какъ на счетъ сигнала, государь?

Дождь. Вы колоколь большой Святаго Марка

Услышите; а въ колоколь большой

Приказъ звонить даетъ одинъ лишь дождь—

(Послѣднее и жалкое, за нимъ,

Оставшееся право!). Собирайтесь

На площади Святаго Марка.

Бертрамъ.

Такъ.

Дождь. А выступать различными путями

Старайтесь всѣ; пусть каждый вашъ отрядъ

Идетъ особой улицей; дорогою

Не худо вамъ поднять военный крикъ

О генуэзскомъ флотѣ, будто онъ

Въ ночи подкрался къ пристани; потомъ

Вы вступите на площадь; тамъ найдете

Вы моего племянника съ отрядомъ
Моихъ людей, такихъ, что за себя
Способны постоять; и между тѣмъ
Какъ колоколь все будетъ раздаваться,
Кричите всѣ: «Святой Маркъ! непріятель
У пристани».

Календаро. Теперь я понимаю;

Но все-таки кончайте, государь.

Дождь. Патриція начать тогда, какъ стадо,

Валить въ Сенатъ: они вѣдь не посмѣютъ

Ослушаться громающаго сигнала,

Который прозвучитъ имъ съ гордой бални

Святаго имъ патрона — тутъ они

И будутъ нашей жатвой; палаши

Послужатъ вамъ серпами. Если жъ кто

Изъ нихъ иль опоздаетъ, или вовсе

Не явится въ Совѣтъ, тѣхъ въ одиночку

Вы кончите — тѣмъ легче, чѣмъ ловчѣй

Мы съ большинствомъ управимся.

Календаро.

Наставь

Лишь этотъ часъ — ужъ отъ меня пощады

Имъ не видать.

Бертрамъ.

Я снова, Календаро,

Хочу спросить, какъ я и передъ этимъ

Ужъ спрашивалъ, пока еще такого

Союзника великаго въ виду

Мы оба не имѣли, и затѣмъ,

Не бывши безопасны, почитали

Опасными для насъ всѣ до одной

Изъ нашихъ жертвъ: — уже ли всѣ погибнуть

Должны средь этой страшной бойни?

Календаро.

Всѣ,

Которыя, повѣрь мнѣ, попадутся

Иль мнѣ, иль изъ моихъ кому; я также

Надъ ними, другъ мой, сжаюсь, какъ они
Жалѣли насъ.

Заговорщики. Всѣ! всѣ! Вотъ помѣшался
На жалости! Когда и кто изъ нихъ
Показывалъ, иль чувствовалъ, иль даже
Хоть притворялся въ жалости?

Бертуччо. Бертрамъ,
Твои сомнѣнья—глупость, и притомъ
Опасная для дѣла и твоихъ
Товарищей! Ужель тебѣ не ясно,
Что если мы хотъ одному изъ нихъ
Дадимъ спастись; онъ жить затѣмъ лишь будетъ,
Чтобъ мстить намъ за погибшихъ! А потомъ,
Какъ отличить виновнаго теперь
Отъ праваго? Дѣла ихъ къ одному
Всѣ сводятся, какъ и всѣ мысли ихъ
Направлены—давить насъ сообща!
По моему, довольно согласиться
Щадить дѣтей; я даже сомнѣваюсь,
И этихъ-то оставимъ ли мы всѣхъ?
Но ежели охотники порою
Даютъ ценку какому уцѣлѣть
Изъ тигровыхъ дѣтенышей, то кто же
Ихъ пестраго родителя иль матку
Рѣшится пощадить, чтобы потомъ
Въ когтяхъ ихъ очутиться? Впрочемъ я
Готовъ на все, что скажетъ дожъ Фальеро;
Пусть онъ рѣшить, должны ль мы пощадить
Когонибудь?

Дождъ. Не спрашивай меня—
Не искушай меня такимъ вопросомъ;
Рѣшите это сами.

Бертрамъ. Но для васъ
Извѣстнѣе ихъ личныя привычки

И качества, чѣмъ. напрімѣръ для насъ,
Которымъ ихъ публичные пороки
И гнусное тиранство къ нимъ одну
Лишь ненависть внушили; если есть
Достойные межъ ними, назовите
Кого изъ нихъ помиловать.

Дождь.

Дольфино—

Сынъ моего пріятели; а Ландо—
Мы рядомъ съ нимъ сражались; Маркъ Корнаро
Былъ въ Генуѣ посломъ со мной; Венгеро—
Я этому однажды жизнь спасъ. Ахъ!
Когда бы я спасти ихъ могъ, и вмѣстѣ
Венецію!.. Всѣ эти люди были
Друзьями мнѣ, пока я государемъ
Не слѣлался. Но тутъ они отстали
Всѣ отъ меня, какъ вѣтренные листья
Съ увядшаго цвѣтка, и я одинъ
Оставленъ былъ, какъ почернѣвшій стебель,
Что никому не можетъ ужъ служить
Отрадою. И такъ какъ эту горечь
Я перенесъ, то ихъ... вы не жалѣйте.

Календаро. Венеція не можетъ быть свободной,
Пока они въ ней дышать.

Дождь.

Да, но вы—

Какъ много вы обидъ ни испытали,
Какъ глубоко ни чувствовали ихъ,
Но даже вы не знаете, какой
Смертельный ядъ, способный отравлять
Всѣ наши отношенья, наши связи,
Всю нашу жизнь, всѣ радости ея—
Сокрывать въ венеціанскихъ учрежденьяхъ.
Я говорю, что эти люди были
Друзьями мнѣ; я ихъ любилъ; они
Платили мнѣ почотомъ за вниманье;

Мы плакали и улыбались вмѣстѣ;
Несли труды, служили, пиروвали,
Печалились другъ съ другомъ; заключали
Семейные союзы; мы росли
И достигали почестей такъ дружно,
Пока они не сдѣлали меня
Главою государства. Но тогда—
Прости, прости! я долженъ былъ сказать
Всѣмъ этимъ отношеньямъ; и тебѣ,
Любезность задушевная; и вамъ,
Болтливыя бесѣды, что такъ милы
Въ устахъ друзей, которымъ довелось
Прожить такъ много лѣтъ и пережить
Такъ много дѣлъ, уже принадлежащихъ
Исторіи, что стоить имъ сойтись,
Чтобъ на челѣ другъ друга полстолѣтья
Какъ въ зеркалѣ увидѣть, между тѣмъ,
Какъ сотни лицъ, давно въ землѣ зарытыхъ,
Мелькають передъ ними, шепчуть имъ
О дняхъ давно минувшихъ, и какъ будто
И сами продолжаютъ жить, пока
Изъ стаи храбрецовъ, веселыхъ, славныхъ
И доблестныхъ, хотъ двое сохранять
Дыханіе—чтобы вздохать о нихъ,
Языкъ—чтобы говорить о ихъ дѣлахъ,
Изсѣченныхъ на мраморѣ могилъ ихъ...
Увы! увы! и я на это дѣло
Хочу идти!

Бертуччіо. Вы слишкомъ, государь,
Взволнованы: теперь едва ли время
Припоминать объ этакихъ вещахъ.

Дожъ. Повремени—не бойся—я ни шагу
Не отступлю... Замѣйте же, со мной,
Безстрастные пороки этихъ мрачныхъ

Правителей. Съ того часа, какъ въ дожи
Они произвели меня—прощай
Прошедшее! Я сталъ для нихъ умершимъ,
Или скорѣй, они всѣ для меня
Какъ умерли: ни дружбы, ни пріязни,
Ни откровенныхъ словъ—всему конецъ!
Ходить ко мнѣ—набрасываетъ тѣнь;
Любить меня—такаго нѣтъ закона;
Меня корить—сенаторская должность;
Чернить меня—дворянскія права;
Мѣшать во всемъ—политика Сената;
Мнѣ судъ воздать—ущербъ для правосудья.
Я сдѣлался рабомъ моихъ подвластныхъ;
Я сталъ врагомъ друзей моихъ; шпионы
Мнѣ замѣнили стражу, митра—власть,
Мишурный блескъ—вліяніе, фискалы—
Совѣтниковъ, тюремщики—друзей,
Геенна—жизнь! Былъ у меня одинъ—
Одинъ источникъ радости—они
И этотъ отравили! Мой очагъ
Домашній оскверненъ; мои пенаты
Поруганы; на этомъ алтарѣ,
Гдѣ я ихъ чтить, сидятъ, оскаливъ зубы,
Презрительная Пасквиль и Позоръ!

Бертуччіо. Вы глубоко оскорблены, за то
И будете отомщены прекрасно,
Сегодня же.

Дождь. Все это я сносилъ;
Мнѣ было тяжело, но я терпѣлъ,
Пока они послѣдней этой каплей
Сосудъ не переполнили, пока
Безчестье вопіющее мое
Не только что осталось безъ отмщенья,
Но признано законнымъ: я не могъ,

Я изнемогъ къ нимъ продолжать тѣ чувства,
Которыя они ко мнѣ давно,
Давно ужь погасили—въ самый часъ
Фальшивой ихъ присяги! Да, они
Въ одинъ пріемъ отъ друга отрекались
И государя дѣлали себѣ,
Какъ мальчики игрунку, чтобы ею
Немного поиграть и расколоть.
Съ тѣхъ поръ я ихъ встрѣчалъ, какъ только мрачныхъ
Сенаторовъ, съ ихъ ненавистью къ дожу,
Съ боязнію, чтобъ онъ не захватилъ
Изъ рукъ ихъ тиранніи, между тѣмъ,
Какъ онъ ихъ ненавидѣлъ, какъ тирановъ.
Такъ жизнь за ними частную признать
Я не могу, какъ и признать ихъ право
Взывать къ связямъ, которыя для нихъ
Всѣ порваны: я разумѣю ихъ
Не больше, какъ сенаторовъ преступныхъ,
И какъ такихъ, я предаю ихъ вамъ.

К а л е н д а р о. Теперь, друзья, за дѣло! кончимъ это
Собраніе; довольно ужь ночей
Мы на слова потратили, пора
И дѣйствовать! Набать Святаго Марка
Найдетъ меня готовымъ на зарѣ.

Б е р т у ч ч і о. За дѣло, такъ за дѣло; постарайтесь
Быть твердыми; припомните о тѣхъ
Страданіяхъ, которыя мы терпимъ,
И о правахъ, которыхъ ищемъ мы.
Намъ предстоитъ послѣднюю опасность
Переживать. Смотрите, ждать сигнала,
Чтобъ выступать. Идите по своимъ
Отрядамъ всѣ; поторопитесь каждый
Своей заняться частью: Дождь идетъ
Успѣхъ намъ обезпечить и направить
Ударъ нашъ изъ дворца. Надѣюсь, мы

Увидимся свободными, собратья.

Календаро. Въ ближайшее мое свиданье съ вами
Я поднесу на этой саблѣ, дождь,
Вамъ голову Микеля Стено.

Дождь.

Нѣтъ;

Оставь его до самаго конца;
Не обращай вниманья на добычу
Подобную, покуда будетъ дичь
Крупнѣй, чѣмъ онъ; его обида—только
Послѣдствіе; а общій корень зла,
Источникъ зараженія—въ порочной
Аристократіи. Будь это племя
Немного почестнѣе, могъ ли онъ,
Посмѣлъ ли бы отважиться на это?
Я личную вражду мою къ нему
Всю утопилъ въ той мысли, для которой
Мы встаемъ. Я оскорбленъ рабомъ;
Я требую, чтобъ рабъ былъ оштрафованъ
Рукою господина; если онъ
Откажетъ мнѣ, тогда ужъ оскорбленье
Принадлежитъ ему; пусть и отвѣтъ
Даетъ ужъ онъ.

Календаро.

Но все-таки онъ былъ

Ближайшею причиною союза,
Которымъ освящается нашъ планъ;
Я такъ ему за это благодаренъ,
Что заплатить намѣренъ быть ему,
Какъ онъ того достоинъ; неужели
Я не могу?

Дождь.

Ты хочешь поразить—

Куда нибудь, я—въ голову; ты хочешь
На умъ наставить школьника, а я—
Учителя; ты хочешь наказать
Лишь Стено, я—Сенать; я не могу

Такъ мало ненавидѣть; мечь мой,
Которой я ихъ племя обрекаю,
Должна губить, какъ тотъ небесный огонь,
Что нѣкогда упавъ надъ городами
Преступными, былъ погашенъ лишь вмѣстѣ
Съ ихъ щепломъ въ Мертвомъ морѣ.

Бертуччіо (*къ товарищамъ*). Такъ идемте
Къ своимъ постамъ. Я только на минуту,
Вотъ дождя провожу и загляну,
Не видно ль гдѣ шпіона, и сейчасъ
Въ своемъ отрядѣ буду.

Календаро. Такъ прощайте,
Товарищи! До утра.

Бертуччіо. Я желаю
Успѣха вамъ.

Заговорщики. О, мы его получимъ,—
Прощайте, государь.—Идемъ, идемъ!

(Заговорщики кланяются дождю и Бертуччіо и уходятъ подъ начальствомъ Календаро. Дождь и Бертуччіо остаются).

Бертуччіо. Ихъ участь рѣшена, въ томъ нѣтъ сомнѣнья;
Теперь ты настоящій государь,
И межъ людей великихъ величайшимъ
Останешься: доселѣ королей
Свободные народы поражали;
Низпровергались цезари; рука
Патриціевъ диктатора сражала,
Какъ и самихъ патриціевъ пронзалъ
Плебейскій ножъ; но кто изъ государей
Вступалъ донинѣ въ заговоръ за вольность
Народную? Иль жизнью рисковалъ,
Чтобъ дать свободу подданнымъ своимъ?
Во всѣ вѣка они злоумышляютъ
На свой народъ, держа его въ цѣпяхъ,

Скидаемыхъ порой лишь для оружья,
Чтобъ братскіе народы воевать.

Левіоеаны жадные—они

Гнетъ умножали гнетомъ, смерть и рабство

Захватывали въ руки, и того

Имъ все казалось мало... Ну, теперь

Идемте подвизаться; это дѣло

Большое, государь, но за него

Большая и награда. Что же вы

Задумались? Вы за минуту были

Весь изъ огня?

Дождь. Такъ это рѣшено?

Не умереть они не могутъ?

Бертуччіо.

Кто?

Дождь. Мои друзья по крови и по жизни;

По множеству великихъ дѣлъ, по лѣтамъ—

Сенаторы.

Бертуччіо. Ужъ вы произнесли

Ихъ приговоръ; по моему, онъ вѣренъ.

Дождь. По твоему? Да, это такъ; не спорю;

Ты патриотъ, плебейскій Гракхъ, оракуль.

Бунтовщиковъ, трибунъ народный. Я

Тебя не порицаю; ты покоренъ

Лишь своему призванью; вѣдь они

Тебя душили, били, презирали.

Я тоже испыталъ отъ нихъ... Но ты

Не проводилъ досугъ свой въ ихъ бесѣдахъ;

Не преломлялъ ни хлѣба ихъ, ни соли

Ихъ не дѣлилъ; ты никогда къ устамъ

Не подносилъ ихъ чаши; ты не росъ

Ребенкомъ между ними; ты не плакалъ

И не смѣялся съ ними; не бывалъ

На ихъ пирахъ веселыхъ; никогда

Улыбокъ ихъ не вызывалъ своей

Улыбкою; ты не ввѣрялъ имъ сердца,
Ни самъ ихъ откровеній не слыхалъ.
Взгляни—я сѣдъ; старѣйшіе въ Сенатѣ—
Мнѣ сверстники по сѣдинамъ; я помню
Блестящій лоскъ кудрей ихъ, отливавшій
Какъ на крылѣ у ворона, когда
Мы дружно устремлялись на добычу
Вкругъ острововъ, отбитыхъ у невѣрныхъ
Магометанъ... и я могу снести
Ихъ видъ окровавленный? И не будетъ
Казаться мнѣ самоубійствомъ каждый
Ударъ по нимъ?

Бертуччіо. Дождь! Дождь! такая слабость
Ребенка не достойна; если вы
Въ ребячество не впали, постарайтесь
Опомниться и не позорьте такъ
Себя, да и меня. Клянуся небомъ!
Я лучше бы готовъ былъ бросить все,
Или совсѣмъ не начинать, чѣмъ видѣть,
Какъ человѣкъ такой, какъ вы, своимъ
Возвышеннымъ рѣшеньямъ измѣняетъ
Изъ слабости! Вы кровь видали въ битвахъ,
Вы ею обливались, какъ своей,
Такъ и чужой: что жъ значить эта нѣжность
Къ вампирамъ кровожаднымъ, лившимъ кровь
Потоками?

Дождь. Не порицай меня!
Я каждый шагъ, я каждый твой ударъ
Опережу. Не думай, что раздумье
Меня беретъ. Ахъ, нѣтъ! Я содрогаюсь
Отъ той лишь достовѣрности, что я
Все это совершу. Дай этимъ чувствамъ
Невольнымъ и послѣднимъ миновать.
Ихъ слышали лишь ты да ночь, и оба

Съ холодностью. Когда наступитъ часъ,
Я первый вѣдь въ набать ударю, первый
Свершу ударъ, которымъ обращу
Дворцы въ вертепъ, повергну столько гордыхъ
Деревьевъ родословныхъ, размечу
Кровавые плоды ихъ, обреку
Цвѣты ихъ увяданью... Я хочу,
Я долженъ, я клялся все это сдѣлать,
Я увлеченъ судьбой моей къ тому;
И все-таки при мысли—что я былъ
И чѣмъ я становлюсь, я содрогаюсь.
Не порицай меня!

Бертуччио. Придите же въ себя;
Я никакихъ подобныхъ угрызеній
Не чувствую; мнѣ это даже странно;
И что за перемѣна вдругъ? Вѣдь васъ
Никто не приневоливалъ на это.

Дождь. Ты этого не чувствуешь—равно
Какъ я и самъ; иначе, я тебя
На мѣстѣ поразилъ бы и убійцей
Не сдѣлался, спасая столько жизней.
Ты этого не чувствуешь; на эту
Рѣзню идешь ты такъ, какъ будто люди
Высокаго рожденія—тельцы!
Ты въ случаѣ успѣха будешь вольнымъ
И счастливымъ, и смоешь съ рукъ своихъ
Спокойно кровь; а я, который въ этомъ
Убійствѣ непомѣрномъ превзойду
Тебя и всѣхъ друзей твоихъ, останусь...
Почувствую... увижу... Боже! Боже!
Ты въ правѣ былъ сказать мнѣ, что меня
Никто не приневоливалъ; но это
Еще не означаетъ, будто я
Хочу того!.. Не бойся, будь увѣренъ,

Безжалостнѣй меня ты не найдешь
Сообщника! И все-таки на это
Я выхожу наперекоръ всѣхъ чувствъ
И всѣхъ моихъ желаній, вопіющихъ
О жалости... Я чувствую въ себѣ,
Вокругъ себя, геенну, и какъ демонъ,
И страхъ и вѣру осужденный знать,
Терзаюсь омерзѣніемъ къ тому,
Что дѣлаю... Прочь! прочь!.. Иди къ своимъ
Товарищамъ; я собирать пойду
Моихъ людей. Набатъ Святаго Марка—
Будь въ этомъ убѣжденъ—подыметъ всю
Венецію, кромѣ ея избитыхъ
Сенаторовъ: еще не встанетъ солнце
Надъ нашей Адриатикой, какъ здѣсь
Раздастся голосъ плача, вопль кровавый,
Что заглушитъ рычанье нашихъ волнъ.
Я порѣшилъ—идемъ!

Бертуччіо.

Отъ всей души!

Оставьте вы всѣ эти колебанья;
Припомните, что только эти люди
Вамъ сдѣлали, и что за этой жертвой
Послѣдуютъ блаженные вѣка
Свободы для Венеціи! Тиранъ
Какой нибудь опустошилъ бы царства,
Не чувствуя борьбы, съ которой вы
Рѣшаетесь лишь наказать народныхъ
Измѣнниковъ: повѣрьте мнѣ, Сенатъ
Былъ больше правъ, простивъ Микеля Стено;
Чѣмъ вы, простивъ Сенату.

До жъ.

Человѣкъ!

Ты зацѣпилъ струну, которой звукъ
Вселяетъ звѣрство въ душу мнѣ... Идемъ!

(Уходятъ):

АКТЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

СЦЕНА I.

Палаццо патриція Ліони.

Ліони снимаетъ маску и плащъ, въ которыхъ венеціанскіе дворяне выходили изъ дому. Антоніо ему прислушивается.

Ліони. Хочу заснуть; по правдѣ, этимъ пиромъ

Я утомленъ, хоть это былъ одинъ,

За многіе ужъ мѣсяцы, изъ самыхъ

Блистательныхъ. Но для меня пропаль

Весь блескъ его. Не знаю почему,

Но даже въ вихрѣ танца—глазъ на глазъ,

Рука съ рукой съ моею дамой сердца,

Мнѣ грудь давила тягость; точно страхъ

Какой-то нападалъ; на лбу холодный

Потъ выступалъ и стыла кровь. Старался

Я всячески разбѣяться—напрасно.

Сквозь музыку гудѣлъ въ моихъ ушахъ

Заупокойный звонъ—вдали и глухо,

Но явственно; точь въ точь, когда въ ночи

Стонаютъ наши волны, разбиваясь

О берегъ Лидо. Такъ, что этотъ пиръ

Оставилъ я скорѣе, чѣмъ достигъ

Онъ своего зенита. Можетъ быть,

Отъ этихъ мрачныхъ мыслей я найду

Забвеніе въ постели. На—возьми,

Антоніо, мой плащъ и эту маску,

Да лампу засвѣти поди въ моей

Опочивальнѣ.

Антоніо. Слушаю, синьоръ.

Прикажете еще вы что нибудь?

Ліони. Сна только, сна, который приказаній

Не слушаетъ. Но будемъ на него
Разсчитывать, хотя мнѣ грудь щемить
Ужасная тревога.

(Антоніо уходитъ).

Попытаюсь,

Не будетъ ли цѣлебнымъ для нея
Вечерній воздухъ; ночь стоитъ такая
Прекрасная; дождливый вѣтеръ, дувшій
Со стороны Леванта, пересталъ
Свирѣпствовать; всталъ круглолицый мѣсяць...

(Подходитъ къ открытому балкону).

Какая тишина! Какой контрастъ
Съ той сценою, что я сейчасъ оставилъ,
Гдѣ блескъ громадныхъ факеловъ и тихій,
Спокойный свѣтъ серебряныхъ лампадъ,
Съ высокихъ стѣнъ борясь съ угрюмой тьмою
Пространныхъ залъ и галлерей, даютъ
Фальшивый видъ и лицамъ и предметамъ
Волшебнымъ освѣщеніемъ своимъ.
Тамъ красота увядшая, съ поддѣльнымъ
Румянцемъ на щекахъ, который ей
Трудовъ неблагодарныхъ много стоилъ
Предъ зеркаломъ предательскимъ, теперь
Тщеславится богатствомъ украшеній;
Ввѣряясь жи обманчивыхъ огней
И позабывъ черты свои на время,
Она готова вѣрить, что о нихъ
И всё забыли также, и конечно,
Въ томъ горько ошибается. Тамъ юность,
Съ своею неподдѣльной красотой,
Безжалостно природный свой румянецъ,
Дѣвическую свѣжесть и свое
Здоровье расточаетъ, и мечтая,
Что это—наслажденье, будетъ тамъ,

Средь тѣсноты, съ отравою дыханья,
Часы отдохновенья расточать
До самаго утра, пока лучъ солнца
Не озаритъ ея поблекшихъ щекъ
И тусклыхъ глазъ, которымъ видъ подобный
Лишь долгія лѣта должны бы дать.
Вино, веселье, музыка, цвѣты,
Гирлянды розъ, сіяющія очи,
Огнистые алмазы, аромать,
Браслеты, алебастровыя ручки,
Туманныя головки, ихъ вѣнки
И локоны, лебяжьи груди, шейки,
Которыя блистаютъ изъ-подъ всей
Привѣщенной къ нимъ Индіи, безсильной
Ослабить красоту ихъ, облака
Причудливыхъ, воздушныхъ платій, ножки
Скользящія, какъ сифы и намекъ
Дающія о тайномъ совершенствѣ
Такъ хорошо кончающихся формъ, —
Весь этотъ блескъ чудесной этой сцены,
Съ ея прямымъ и ложнымъ волшебствомъ,
Съ натурой и искусствомъ, предъ моими
Глазами промелькнувшей, какъ миражъ
Прозрачныхъ водъ въ пустынѣ аравійской
Предъ пилигримомъ жаждущимъ—все, все
Отхлынуло... Передо мною воды
И звѣзды, въ высотѣ своихъ небесъ,
Дрожащія надъ ними—видъ, который
Дороже всякихъ факеловъ и всѣхъ
Зеркалъ, ихъ отражающихъ. Великій
Воздушный океанъ до самихъ безднъ
Своей лазури кажется прозрачнымъ
И вѣющимъ дыханіемъ весны.
Своимъ путемъ, усѣяннымъ звѣздами,

Плыветъ высокій мѣсяцъ, пеленой
Волшебной застилая эти башни,
Водами окаймленные дворцы,
Ряды колоннъ порфировыхъ, фронтоновъ
И мраморовъ безчисленныхъ, сюда
Съ восточною добычей привезенныхъ,
На память дѣлъ, которыя они
Должны потомству передать... И точно,
Ихъ массы величавыя глядятъ
Съ громадныхъ пьедесталовъ въ эти воды
Не менѣ таинственно, чѣмъ тѣ
Громады титаническихъ построекъ,
Что средь пустынь египетскихъ гласятъ
О временахъ; исторіей забытыхъ.
Все дышетъ красотой: ни одного
Движенья несогласнаго съ ночью
Гармоніей; что ни мелькнетъ—мелькнетъ
Какъ легкій духъ... Вотъ тихій звонъ гитары
Влюбленнаго, забывшаго о снѣ
Подъ окнами красавицы безсонной,
И робкое поднятіе окна,
Какъ знакъ, что онъ услышанъ—и я знаю,
Что въ этотъ мигъ, когда ея рука
Прозрачная, какъ лунное сіянье,
И какъ она, прекрасная, дрожить,
Запретное окно приподымая—
И въ немъ трепещетъ сердце, какъ струна
Его гитары, вдругъ задрезжавшей...
Удары фосфорическіе весель,
Дрожаніе далекихъ фонарей,
Привѣщенныхъ къ гондоламъ — это пѣнье
На хоры раздѣленныхъ голосовъ,
Такъ стройно отвѣчающихъ другъ другу,
Стихомъ за стихъ, порою чья-то тѣнь,

Мелькнувшая по зеркалу Ріальто,
Мѣстами куполь храмовой или шпиць
Какойнибудь—вотъ тѣ созвучья, виды,
Которыми царица городовъ,
Любимица морей—теперь прекрасна!
Благодарю за все тебя, за все,
Святая ночь! Ты утишила боли
Сердечныхъ мукъ, которыхъ разогнать
Не могъ я въ многочислѣ: подъ вліяньемъ
Твоимъ благословеннымъ, отхожу
На ложе я, хотъ спать—я это знаю—
Въ такую ночь почти преступно... Чу!

(Слышенъ стукъ снаружи).

Кто бы это былъ, въ столь поздній часъ?

(Входитъ Антоніо).

Антоніо.

Синьоръ,

Тамъ человекъ какой-то хотеть къ вамъ
Войти почти насильно.

Ліони.

Изъ чужихъ?

Антоніо. Его лице закутано плащомъ;

Но, кажется, его манеры, голосъ
Знакомы мнѣ. Я спрашивалъ его
Объ имени, но онъ нерасположенъ
Открыться никому, какъ только вамъ.
Онъ проситъ настоятельно позволить
Ему войти.

Ліони.

Онъ выбралъ странный часъ

И странную манеру посѣщенья!
А впрочемъ, что жъ, опасности вѣдь нѣтъ.
Патриція не придутъ убивать
Въ его дому. А все жъ—хотъ я не знаю,
Чтобъ у меня въ Венеціи былъ врагъ—
Принять предосторожность не мѣшаетъ.
Введи его и выдь; а самъ вели

Кому нибудь скорѣе стать за дверью...

Кто бъ это былъ?

(Антоніо уходитъ и возвращается съ Бертрамомъ, который закутанъ въ плащъ).

Бертрамъ. Синьоръ Ліони,

Я долженъ торопиться, какъ и вы.

Ушлите вашего слугу отсюда;

Я по такому дѣлу...

Ліони. Это голосъ,

мнѣ кажется, Бертрама—такъ уйди,

Антоніо.

(Антоніо уходитъ).

Ну, что жъ вамъ, незнакомецъ,

Угодно отъ меня?

Бертрамъ. Благодаряня,

Патронъ великодушный мой: вы ихъ

Для бѣднаго кліента своего

Ужъ сдѣлали такъ много; окажите

Еще одно, и вашъ Бертрамъ вполнѣ

Почтетъ себя счастливымъ.

Ліони. Ты меня

Зналъ съ дѣтскихъ дней, и зналъ всегда готовымъ

Способствовать тебѣ во всемъ, чего

Лишь можно добиваться человеку

Изъ твоего сословья; я бы могъ

Заранѣе тебѣ дать обѣщанье

Безъ дальнихъ словъ; но этотъ поздній часъ,

Твой странный видъ и этотъ грубый способъ

Искательства—внушаютъ мнѣ, что тутъ

Какая-то таинственная важность

Скрывается... Что жъ вышло?—Говори—

Безумная попойка, ссора, драка,

Ударъ клинка? Но это каждый день

Случается. Какъ скоро ты не пролилъ

Дворянской крови, я служу тебѣ
Заступникомъ; ну, а тогда ты долженъ
Скорѣй бѣжать; затѣмъ, что гнѣвъ друзей
И сродниковъ, въ минуты первой мести,
Въ Венеціи страшнѣе, чѣмъ законъ.

Бертрамъ. Синборъ, благодарю васъ; но...

Лиони,

Но что?

Ты дерзкихъ рукъ не подымаль, надѣюсь,
Ни на кого изъ нашихъ? а не то—
Скрывайся, торопись, и ни полслова
Объ этомъ мнѣ: я не могу убить,
Но я тогда спасать тебя не долженъ.
Кто пролилъ кровь дворянскую...

Бертрамъ.

Да я

Не думаль проливать ее; напротивъ,
Хочу спасти, и долженъ поспѣшить,
И дорожить минутой каждой. Время,
Взамѣнъ своей медлительной косы,
Мечъ обоюдоострый захватило
И замѣнить готовится песокъ
Въ часахъ—могильнымъ прахомъ. Берегись
Поутру выйти изъ дому.

Лиони.

Какъ такъ?

Что это означаетъ?

Бертрамъ.

Не ищи

Значенья этого; но сдѣлай такъ,
Какъ я прошу. Рѣшись быть неподвижнымъ,
Какое бы тамъ ни было движеніе;
Пускай кругомъ—рычаніе толпы,
Рыданіе младенцевъ, крики женщинъ,
Проклятія мужчинъ, колокола,
Звукъ трубъ и барабановъ, трескотня
Оружія—въ одинъ набатъ ужасный
Сливаются! Не выходи, пока

Набатъ не прекратится, или лучше,
Пожуда я не возвращусь.

Лиони.

Опять,

Что это можетъ значить?

Бертрамъ.

И опять —

Не спрашивай; но всёмъ, что для тебя

Есть на землѣ иль въ небѣ дорогаго —

Твоихъ отцовъ великими душами,

Надеждою твоей не уронить

Ихъ доблестей и по себѣ оставить

Тебя и ихъ достойныхъ сыновей,

Всѣмъ тѣмъ, что ты хранишь въ воспоминаньяхъ,

Всѣмъ тѣмъ, чего желалъ бы избѣжать

Въ сей жизни иль по смерти, всёмъ добромъ,

Что оказалъ ты мнѣ, и тѣмъ заставилъ

Теперь прійти съ уплатою къ тебѣ

И заклинать тебя: не выходи,

Довѣрся мнѣ и поручи себя

Храненію боговъ твоихъ домашнихъ.

Иначе — ты погибъ.

Лиони.

Я въ самомъ дѣлѣ

Теряю голову отъ удивленья.

Конечно ты въ бреду! Чего бы я

Бояться могъ? Кто у меня враги?

Иль если я имѣю ихъ, зачѣмъ

Ты самъ въ числѣ ихъ — ты? Иль если съ ними

Ты за одно, зачѣмъ предупреждать

Тебѣ меня? И почему не раньше,

А въ этотъ часъ?

Бертрамъ.

На это отвѣчать

Я не могу. Ужели я напрасно

Усердствую остановить тебя?

Лиони. Я такъ рожденъ, что не могу бояться

Пустыхъ угрозъ: откройся лишь Совѣтъ,

Прилож.

И я не попаду въ число небывшихъ.

Бертрамъ. Не будь такъ скоръ. Еще разъ: ты намѣренъ,
Что бъ ни случилось, выйти?

Лиони. Да, и мнѣ

Не въ силахъ помѣшать ничто на свѣтѣ.

Бертрамъ. Пусть смилуется небо. надо твоей
Душой теперь. Прощай! (*Готовится уйти*).

Лиони. Постой—будь рѣчь

Лишь о моемъ спасеніи, я тебя

Удерживать не сталъ бы; но тутъ что-то

Важнѣе есть; ужель мы такъ съ тобой

Разстанемся? Бертрамъ, я такъ давно

Знакомъ съ тобой.

Бертрамъ. Съ младенчества, синьоръ,

Вы были мнѣ опорой! Въ тѣ дни

Безпечнаго ребячества, когда

Дворянство забываетъ, иль еще

Не научилось помнить о холодныхъ

Правахъ своихъ, мы игравали вмѣстѣ,

Дѣлили смѣхъ и слезы: мой отецъ

Клиентъ былъ вашего, а сынъ патрона

Былъ мнѣ молочнымъ братомъ; мы знавали

Счастливые часы, года... Мой Богъ!

Какъ тѣ часы на этотъ не похожи!

Лиони. Но это ты забылъ о нихъ, Бертрамъ.

Бертрамъ. Ни прежде, ни сегодня; я старался

Спасти тебя, наперекоръ всему.

Конечно, возмужавъ потомъ, вы были

Республикою призваны къ дѣламъ

Правленія, межъ тѣмъ, какъ вашъ Бертрамъ

Въ безвѣстныя заботы погрузился;

Но вы и тутъ мнѣ продолжали быть

Опорою; и если я не вышелъ

Изъ скромнаго удѣла, то виню

За это не того, кто былъ такъ часто
Поддержкой мнѣ противъ случайныхъ бѣдъ,
Грозившихъ раздавить меня: нѣтъ, кровь
Дворянская едва ль когда струилась
Въ столь благородномъ сердцѣ, какъ твое;
Бѣднякъ плебей могъ убѣдиться въ этомъ
На опытѣ: ахъ, если бѣ весь Сенатъ
Былъ изъ такихъ людей, какъ ты!

Лиони.

Какъ, что?

Что про Сенатъ сказалъ ты?

Бертрамъ.

Ничего.

Лиони. Я знаю, есть озлобленныя души,

Шипящія измѣной сорванцы,

Что днемъ живутъ и прячутся во мракѣ,

А по ночамъ, укутавшись въ плащи,

Выходятъ разсвѣтать свои проклятья:

То бѣглые солдаты, всякій сбродъ

Обиженный, отъявленные моты

И горланы тавернъ; но ты съ такими

Не водишься. Я какъ-то не встрѣчаю

Давно тебя; но ты привыкъ вести

Жизнь трезвую, знакомство вель съ людьми

Лишь честными; твое лицо дышало

Безпечною. Что сдѣлалось съ тобою?

Теперь я вижу впалые глаза,

Въ движеньяхъ безпокойство, и въ лицѣ

Кровинки нѣтъ; подумаешь—тебя

Преслѣдуетъ какое угрызенье,

Безславіе или горе.

Бертрамъ.

Пусть они

Преслѣдуютъ скорѣе тираннію

Проклятую, что самый даже воздухъ

Въ Венеціи растлила и болѣзнь

Безумья развила межъ людьми:

Точь въ точь чума, что также передь смертью
Безумемъ поражаетъ жертвъ своихъ.

Лиони. Бертрамъ, тебя какіе-то мерзавцы
Опутали; совѣмъ не твой языкъ
И мнѣнія; какой нибудь бездѣльникъ
Настроилъ на свой ладъ тебя. Но я
Не дамъ тебѣ погибнуть; ты всегда
Былъ добрякомъ; ты и теперь не годенъ
Для дѣлъ такихъ, къ которымъ подвести
Тебя хотятъ порокъ или измѣна.
Откройся мнѣ—ты можешь мнѣ открыться—
Что именно такое сдѣлать вы
Задумали—ты и твои собратья,
Чего бы опасаться могъ твой другъ
И сынъ того, кто твоему отцу
Былъ лучший другъ... да, да, мы получили
Въ наслѣдство эту дружбу, и должны
И дѣтямъ передать ее такую,
Какъ приняли, или еще скрѣпленной...
Такъ я хочу спросить—на что такое
Рѣшился ты, чтобъ я тебя считалъ
Опаснымъ мнѣ и заключился дома,
Какъ женщина больная?

Бертрамъ. Нѣтъ, о, нѣтъ!

Не спрашивай. Мнѣ часъ насталь идти.

Лиони. А мнѣ убитымъ быть? Скажи, пожалуй,
Не это-ль ты сказалъ, мой добрый другъ?

Бертрамъ. Убийство!.. Какъ?.. Кто помянулъ убійство?
Я не сказалъ такого слова... ложь!

Лиони. Ты не сказалъ, но въ этомъ дикомъ взглядѣ,
Какимъ твой взглядъ мнѣ кажется впервой,
Сквозить смертоубійца. Если ты
Призналъ убить меня лишь, такъ убей—
Я безоруженъ, и—скорѣе вонъ!

Вѣдь я жъ не захочу мое дыханье
Сберечь такой цѣной, какъ милосердые
Или капризь такихъ существъ, какъ ты,
Иль тѣ, кѣмъ ты подосланъ.

Бертрамъ. Я скорѣй,
Чѣмъ кровь твою пролить, отдамъ свою;
Скорѣй, чѣмъ тронуть волосъ у тебя,
Рискну—быть можетъ—тысячью головъ,
И въ томъ числѣ дворянскихъ, какъ твоя...
Нѣтъ, болѣе дворянскихъ.

Лиони. Неужель?
Но извини, Бертрамъ, я не достоинъ
Извѣтымъ быть изъ этой гекатомбы
Столь знатныхъ жертвъ... Кто жъ тѣ, кому грожать,
И тѣ, что угрожаютъ?

Бертрамъ. Въ этотъ часъ
Венеція и все, что обитаетъ
Въ ея стѣнахъ, напоминаетъ домъ,
Терзаемый враждой, и не взойдетъ
Заря еще, какъ въ ней начнется гибель.

Лиони. Ужасныя все тайны! Но теперь
Иль ты иль я, иль, можетъ быть, мы оба
Стоимъ надъ бѣдной; говори яснѣй—
И ты спасенъ; ты будешь даже славенъ,
Такъ какъ спасать славнѣй, чѣмъ убивать,
И убивать въ потемкахъ... Фи, Бертрамъ!
И ты, пойдешь на этакую подлость?
Вотъ будетъ видѣ, какъ голову того,
Чья грудь тебѣ такъ искренно открыта,
Ты понесешь, при общемъ содроганьи,
Вдругъ на своемъ копьѣ!.. А мнѣ едва ли
Избѣгнуть этой доли, такъ какъ я
Клянусь на этомъ мѣстѣ, что какія
Опасности ты мнѣ ни представляй,

Я выйду, если ты не объяснишь
Причину мнѣ и не укажешь слѣдствій
Всего, что привело тебя сюда.

Бертрамъ. Уже ли нѣтъ средствъ спасти тебя? Минуты
Межь тѣмъ бѣгутъ—и ты погибъ!—ты—мой
Единственный радѣтель и одинъ
Изъ всѣхъ людей, кто былъ такъ неизмѣненъ
Ко мнѣ во всѣхъ превратностяхъ... Позволь
Спасти тебя, но сохранить и честь.

Лиони. Какою честью заговоръ убійцы
Скрѣпляется? И можетъ ли другая
Измѣна быть, какъ только государству?

Бертрамъ. Но заговоръ—все жъ договоръ, тѣмъ больше,
Что въ немъ слова имѣютъ вѣсь закона.
И я сужу: предатель тѣмъ чернѣе,
Когда онъ свой, когда онъ сталь свою
Вонзаетъ въ грудь, съ которой жилъ на вѣру.

Лиони. А кто въ мою грудь сталь вонзить?
Бертрамъ. Не я.

Я могъ пойти на все, но не на это;
Ты долженъ быть спасенъ; и посмотри,
Какъ дорога мнѣ жизнь твоя, когда
Я подвергаю риску столько жизней...
Нѣтъ, болѣе—жизнь жизней... ну, свободу
Грядущихъ поколѣній. Такъ, еще разъ—
Я не могу не заклинать тебя—
Не выходи!

Лиони. Напрасно! я иду
Сейчасъ же вотъ.

Бертрамъ. Такъ пусть скорѣй погибнетъ
Венеція, чѣмъ другъ мой! Я хочу
Открыть—донести—назвать—разстроить... Ахъ,
Какимъ же становлюсь я подлецомъ
Изъ-за тебя!

Лиони. Спасителемъ—скажи—

Республики и друга своего.

Но говори, въ чемъ дѣло; всѣ награды,

Всѣ мѣры къ безопасности твоей

И цѣлости, богатство—и такое,

Какимъ страна способна награждать

Лишь слугъ своихъ достойнѣйшихъ, и даже

Дворянство—обѣщаются тебѣ

Заранѣе: будь только откровененъ

И повинись во всемъ.

Бертрамъ. Нѣтъ, невозможно...

Я передумалъ—я люблю тебя,

Ты знаешь самъ—и что я здѣсь стою

Ужъ служить въ томъ порукою—немалой,

Хотя послѣдней; но... исполнивъ долгъ

Противъ тебя, я исполнять его

Иду передъ отчизною!.. Прощай!

Въ живыхъ ужъ мы не свидимся—прощай!

Лиони. Какъ! Гей! Антонио! Педро! стать въ дверяхъ!

(Антонио и Педро входятъ вооруженные).

Вотъ этотъ человекъ сдастся вамъ

Подъ караулъ. (Они овладѣваютъ имъ).

Быть съ нимъ поосторожнѣй.

Подать мнѣ плащъ и шпагу; да сказать

Чтобъ четырехвесельная гондола

Была скорѣй.

(Антонио уходитъ).

Мы по пути зайдёмъ

Къ Джованни Градениго и пошлёмъ

За Маркъ-Корнаро; не робѣй, Бертрамъ;

Я, столько же тебя оберегая,

Такъ завладѣлъ тобой, какъ и для пользы

Общественной.

Бертрамъ. Куда жъ ты арестанта

Сведешь теперь?

Лиони. Сначала къ Десяти,

А послѣ къ дожу.

Бертрамъ. Дожу?

Лиони. Да, конечно.

Онъ развѣ въ государствѣ не глава?

Бертрамъ. Еще не разсвѣло?

Лиони. Чтò это значитъ?

Но ты откроешь послѣ.

Бертрамъ. Ты увѣренъ?

Лиони. На сколько можно вѣрить кроткимъ мѣрамъ,

А измѣнять онѣ, на то есть Десять

Съ ихъ трибуналомъ; у Святаго Марка

Застѣнки есть, въ застѣнкѣ—колесо.

Бертрамъ. Скорѣй его въ работу—до зари,

Уже готовой вспыхнуть. Стоить вамъ

Еще поговорить—и вы погибли

Отъ мукъ той самой смерти, чтò теперь

Сулите мнѣ.

Антонио (*входя*). Синьоръ, васъ ждетъ гондола.

Лиони. Смотрите за арестантомъ. Мы, Бертрамъ,

Поговоримъ дорогой, по пути,

Какъ я сказалъ, къ палаццу Градениго. (*Уходятъ*).

СЦЕНА II.

Дожескій дворець.—Покои дожа.

Дождь и его племянникъ Вертуччио Фальеро.

Дождь. Вполнѣ-ль готовъ домашній нашъ народъ?

Б. Фальеро. Поставленъ въ строй и только ждетъ сигнала

У нашего дворца Санъ-Поло. Я

Последнихъ приказаній вашихъ жду.

Дождь. Не дурно бы, когда бы время было,

Поболѣе вассаловъ здѣсь имѣть

Изъ моего Валь-ди-Марино; но

Теперь ужъ слишкомъ поздно.

Б. Фальеро. Да оно,

Мнѣ кажется, и лучше, государь.

Внезапнымъ умноженьемъ вашей свиты

Вы поводъ къ подозрѣнью дать могли.

Да и вассалы этого помѣстья,

Хотя народъ надежный, черезчуръ

Задорны и сварливы; мы едва ли

Успѣли бъ съ ними тайну сохранить,

Въ которой такъ нуждаемся однако

Вплоть до начала нашей схватки.

До жъ. Правда;

Будь только данъ сигналъ къ ней, это—люди

Какъ разъ незамѣнимые для насъ.

Мѣщане рабскіе имѣютъ гнусность

Къ такому-то патрицію питать

Свое или за или противъ, что конечно

Заставитъ ихъ или мѣру превзойти,

Или пощадить, кого щадить—безумство.

Что жъ до крестьянъ, то преданной рукой

Вассаловъ моего Валь-ди-Марино

Приказъ бы господина лишь водить,

А не любовь или злоба ихъ самихъ

Къ его врагамъ; имъ все равно: Марцелло,

Корнаро, Градениго, Фоскари;

Имъ не вошло въ привычку—ни смущаться

При именахъ столь громкихъ, ни сгибать

Колѣна предъ Сенатомъ; имъ глава—

Ихъ господинъ въ доспѣхахъ, а не тварь

Въ гражданской мантии.

Б. Фальеро. У насъ людей

Достаточно; а что до насроенья

Ихъ общаго къ Сенату, я за нихъ

Вамъ поручусь.

Дождь. Прекрасно; жребій брошень,

Но что до ихъ способности къ войнѣ—
То говори мнѣ лучше о крестьянахъ.
Я ихъ пускалъ на гунновъ, и они
Расчистили ихъ полчища въ то время,
Какъ бюргеры ужъ въ лагерь убрались
И корчились, услышавъ звукъ побѣдный
Своей трубы... Не встрѣться намъ отпоръ
Отчаянный, такъ и мѣщане эти
Всѣ будутъ львы, не хуже ихъ вождя.
Но ежели потребна будетъ стойкость,
Тогда вы пожалѣете, что намъ
Недостаетъ стальныхъ дружинъ крестьянскихъ.

Б. Фальеро. При этомъ вашемъ взглядѣ я дивлюсь,
Какъ вы могли рѣшиться свой ударъ
Нанести такъ вдругъ?

Дождь. Подобные удары
Наносятся или вдругъ, или никогда.
Какъ скоро я успѣлъ преодолѣть
Тѣ слабыя укоры, что вставали
Въ моей душѣ во имя прежнихъ дней
И прежнихъ чувствъ, я порѣшилъ—не медля
Нанести ударъ: во первыхъ, потому,
Чтобъ снова не поддаться тѣмъ же чувствамъ,
А во вторыхъ, межъ этими людьми,
Кромѣ лишь Израэля съ Календаро,
Я не считалъ надежнымъ—никого.
Межъ ними могъ сегодня же найтись
Измѣнникъ намъ, такъ точно какъ вчера
Ихъ тысячи нашлись противъ Сената.
Но взявшись разъ за рукоять сѣкирь,
Они должны работать, выкупая
Самихъ себя; имъ дай ударить разъ,
А тамъ уже инстинктъ первоубійцы,

Духъ Каина, гнѣздящійся всегда
Въ груди у человѣка, хотъ порою.
И дремлющій, ихъ обратитъ въ волковъ.
Видъ крови породитъ въ нихъ кровожадность,
Какъ первый кубокъ возбуждаетъ въ насъ
Охоту къ возліаньямъ; и навѣрно
Вамъ удержать ихъ будетъ тяжелѣй,
Чѣмъ взволновать, пока не началось.
Но до того мгновенья звукъ одинъ,
Былинка, тѣнь, способны все разстроить...
Который часъ теперь?

Б. Фальеро. Почти заря.

Дождь. Такъ въ колоколь пора ударить. Люди
Всѣ на мѣстахъ?

Б. Фальеро. Теперь должны быть; но
Они начнутъ не прежде, какъ я лично
Имъ передамъ приказъ вашъ.

Дождь. Хорошо.

Но погасить ли утро эти звѣзды,

Что теплятся такъ долго въ небесахъ?

Я твердъ и неизмѣненъ, и быть можетъ,

Тѣ самыя волненія, какихъ

Мнѣ стоило рѣшиться—этотъ городъ

Огнемъ очистить—кончились такой

Теперь спокойной твердостью. Я плакалъ,

Я трепеталъ при мысли объ ужасной

Обязанности этой. Но теперь

Я кончилъ съ этой слабостью и прямо

На близкую грозу смотрю, какъ кормчій

Галеры адмиральской! А межъ тѣмъ—

Повѣритъ ли племянникъ мой?—я это

Переживалъ труднѣе, чѣмъ когда

Подъ взглядами народовъ, довѣрившихъ

Свою судьбу сраженью, я стоялъ

Въ главѣ фалангъ, заранѣй обреченныхъ
На тысячи потерь кровавыхъ. Да,
Заржавленную кровь очистить въ жилахъ
Немногихъ деспотовъ, чтобъ совершить
Дѣяніе, которымъ обезсмертилъ
Себя Тимолеонъ—казалось мнѣ
Прискорбнѣе всѣхъ ужасовъ сраженья.

Б. Фальеро. Я радуюсь, что вашъ высокій умъ
Успѣлъ смирить такъ фурій, васъ терзавшихъ,
Пока вы колебались.

Дожь. Это было
Всегда со мной: пока мой планъ вполнѣ
Не выходилъ изъ темныхъ очертаній,
Я былъ всегда нетерпѣливъ, и страсть
Верхъ надо всѣмъ брала; но наступалъ
Часъ дѣйствія—и я стоялъ спокойнѣй
Всѣхъ мертвецовъ, лежавшихъ вокругъ меня.
Про это знали тѣ, черезъ кого я
Сталъ тѣмъ, чѣмъ сталъ: власть эта надъ собой
Имъ и была порукой, что я съ ними
Покончилъ только взрывомъ; но они
Себѣ не представляли, что есть вещи,
Которыя обязываютъ мстить
Не вслѣдствіе страстей, а размысленья.
Законы могутъ спать, но правосудье
Не дремлюще: обиженнымъ душамъ
Нерѣдко приходилось быть судьями
Въ своихъ дѣлахъ и частный свой ущербъ
Возстановлять публичною расправой...
Мнѣ кажется, свѣтаеть? Погляди—
Твои глаза моложе; воздухъ будто
Становится свѣжѣй и сквозь балконъ
Мнѣ съ моря отливаетъ бѣлизною.

Б. Фальеро. Да, брезжется.

Дождь.

Тогда пора—иди!

Смотри—начать набать, и съ первымъ гуломъ
Святаго Марка, ты своихъ людей
Ведешь къ дворцу—здѣсь я встрѣчаюсь съ вами—
Шестнадцать съ ихъ отрядами идутъ—
И въ тотъ же мигъ—къ своимъ мѣстамъ отдѣльно.
Всего важнѣй—у главнаго крыльца
Ты станешь самъ: довѣрить нашихъ Десять
Иному мы не можемъ, какъ себѣ.
Что до простой патриціанской черни—
Съ нея довольно и простыхъ сѣкиръ.
Не позабудь, что крикъ нашъ: «Святой Маркъ!
Къ оружію! Свобода! Генуэзцы
На пристани!» Теперь иди за дѣло!

Б. Фальеро. Прощайте же, мой благородный дядя!

Мы встрѣтимся свободными, когда
Здѣсь управлять не тираннія будетъ—
Иль никогда!

Дождь.

Мой дорогой племянникъ,

Дай мнѣ поцѣловать тебя... Спѣши,
День занялся почти... Скорѣе мнѣ
Гонца пришли—лишь подойдешь къ отрядамъ—
Сказать о ходѣ дѣлъ; затѣмъ—гуди,
Въ набать Святаго Марка.

(Б. Фальеро уходитъ).

Дождь (одинъ).

Онъ ушелъ,

И что ни шагъ, то погубляетъ жизнь.
Шагъ невозвратный! Ангель истребитель
Парить ужъ надъ Венеціей и ждетъ
Мгновенья лишь, чтобы пролить фіалъ свой,
Какъ бы орелъ, что, высмотрѣвъ добычу
И въ воздухѣ повиснувши на мигъ,
Движенье крыль могучихъ замедляетъ
Предъ тѣмъ, какъ пасть съ неумолимымъ клювомъ

Стрѣлою внизъ. Ты, день! Чтò по водамъ
Такъ нехотя ступаешь, поспѣши!
Я поражать хотѣлъ бы не во мракѣ,
Но направлять при свѣтѣ мой ударъ.
И вы, вы волны Адриатики моей!
Я видѣлъ васъ окрашенными въ пурпуръ
И до сегодня, кровью сарацинъ,
Мадьяръ и генуэзцевъ, и хоть къ ней
Примѣшивалась кровь венеціанцевъ,
Но кровь побѣдоносная... Теперь
Безъ примѣси багрець покроетъ васъ;
Кровь варваровъ уже не помирить насъ
Съ зловѣщей краснотою этой, но
И врагъ и свой убійцы братьевъ будутъ.
И восемьдесятъ лѣтъ мои ужель
Я жилъ за этимъ? Я, кого Щитомъ
Республики прозвали? Я, чье имя
Кидать внушало шапки вверхъ мильону,
И тысячамъ—ихъ крики подымать
Съ желаніемъ мнѣ славы, долголѣтъя,
Благословеній всяческихъ—я жилъ,
Чтобъ видѣть этотъ день?.. Но этотъ день,
Въ проклятыяхъ зарожденный, породитъ
Вѣка раздольной жизни. Дождь Дандоло
Жилъ слишкомъ девяносто лѣтъ затѣмъ,
Чтобъ побѣдить имперіи и гордо
Отвергнуть ихъ короны; я свою
Корону отвергаю изъ того,
Чтобъ обновить республику свободой—
Но, ахъ! какими средствами?.. Они
Искупаются ихъ благородной цѣлью.
Горсть крови человѣческой ужель
Такъ много означаетъ?.. Ложь! Въ тиранахъ
Нѣтъ крови человѣческой; они,

Молохи воплощенные, тучнѣли
Такъ долго съ нашей крови, что теперь
Какъ разъ пора имъ ископать могилы,
Что такъ они любили населять!
Но... миръ и люди! Что такое вы,
Что лучшія намѣренья всѣ наши,
Когда мы преступленье преступленьемъ...
Карать должны? И убивать, какъ будто
У смерти нѣтъ воротъ другихъ, и мы,
Столь смертные, не можемъ къ ней пройти
Безъ топора? И я, почти съ порога
Невѣдомаго міра, вдругъ пошлю
Впередъ себя такую тьму герольдовъ?..
Но поздно размышлять объ этомъ. (Пауза). Чу!
Не голоса ль мнѣ слышатся вдали
И воинской походки мѣрный шагъ?..
Нѣтъ, сильное желанье можетъ вызвать
И привидѣнныя звуковъ... Этотъ шумъ
Лишь призрачный... набатъ еще не грянулъ...
Что медлитъ онъ? Племянника гонецъ
Быть долженъ ужъ въ дорогѣ, и онъ самъ,
Быть можетъ, отдираетъ въ это время
Скрипящую на ржавыхъ петляхъ дверь—
Дверь башни, гдѣ качается громадный
Оракулъ мѣдный нашъ, что издаетъ
Свой гулъ тяжеловѣсный, возвѣщая
Лишь царственную смерть или опасность
Республики... Такъ пусть онъ загудитъ!
Пусть гулъ его послѣдній будетъ страшнѣе
Какъ никогда! Пусть онъ гудитъ, пока
Не пошатнется башня!.. Онъ молчитъ?..
Я самъ готовъ бы выйти, но здѣсь постъ
Рѣшительный; я здѣсь соединяю
Всѣ выгоды вождя, чтобъ управлять

Людьми такого сорта, такъ какъ свалка,
Въ томъ случаѣ, когда мы повстрѣчаемъ
Отпоръ себѣ, должна быть здѣсь сильнѣй,
Чѣмъ гдѣ нибудь. Здѣсь центръ всего движенья,
И здѣсь я на своемъ посту... Чу! Онъ—
Да это онъ—гонецъ отъ моего
Бертуччио... Скорѣй, какія вѣсти?
Онъ двинулся? И все ли тамъ счастливо?..
А, вотъ кто здѣсь!.. Погибло все... Но я
Попробую не сдаться до набата.

(Входитъ Синьоръ Ночи со стражею).

Синьоръ Ночи. Я долженъ, дожъ, арестовать тебя,
Какъ тяжкаго измѣнника.

До ж ъ. Меня!

Твой государь измѣнникъ? Кто же смѣлъ
Съ столь явною измѣною издать
Приказъ такой?

Синьоръ Ночи *(показывая приказъ)*. Что до приказа,
вотъ онъ,

Подписанный въ собраньи Десяти.

До ж ъ. Они собирались? Гдѣ и для чего?
Такой совѣтъ не можетъ быть законенъ,
Пока въ немъ государя нѣтъ: мой долгъ
Быть между нихъ, а твой—дать мнѣ дорогу,
Иль быть моимъ проводникомъ въ Совѣтъ.

Синьоръ Ночи. До ж ъ, этого не будетъ; и они
Присутствіемъ на этотъ разъ избрали
Не залу Десяти, а монастырь
Спасителя.

До ж ъ. Ослушаться ты смѣешь?

Синьоръ Ночи. Но я служу республикѣ, и надо,
Чтобъ я служилъ ей вѣрно: мой приказъ

• Идетъ отъ тѣхъ, кто ею управляетъ.

До ж ъ. Безъ подписи моей онъ незаконенъ;

А ты его усердіемъ своимъ
Возвелъ въ мятежь. Ты думалъ ли, какъ мало
Ты жизнью дорожилъ, когда дерзнулъ
Взять на себя такое порученье?

Синьоръ Ночи. Обязанность моя не разсуждать,
А дѣйствовать; я присланъ для того,
Чтобъ взять тебя подъ стражу, и быть стражемъ,
А не судьей, чтобъ слушать и рѣшать.

Дожъ (*въ сторону*). Я долженъ время выиграть. Набатъ
Лишь грянулъ бы! Все хорошо еще
Могло бы быть. Спѣши—спѣши—спѣши—
Бертуччіо! Вѣсы съ судьбою нашей
Колеблются, и горе побѣжденнымъ —
То будутъ ли рабы и ихъ сенать.
Или народъ и государь!..

(*Колоколъ Св. Марка раздается*).

Ого!

Гудить... гудить. (*Громко*). Чу! Слышите, синьоръ?
И вы, наемники, вы, что теперь
Трепещете, какъ купленные твари,
Подъ касками своими—это бьетъ
Вашъ смертный часъ... Гуди сильнѣе, мѣдь!
Ну, негодяи, чѣмъ же вы теперь
Откупитесь?

Синьоръ Ночи. Бѣда!.. Взять на-голо
Оружіе и караулить двери.
Продлись набатъ ужасный этотъ, онъ
Погубить все. А вѣдь туда отряженъ
Былъ офицеръ; съ пути ли сбился онъ,
Иль что нибудь случилось съ нимъ?..—Ансельмъ!
Иди съ своимъ отрядомъ прямо къ башнѣ;
Я съ остальными здѣсь останусь самъ.

(*Часть стражи уходитъ*).

Дожъ. Червякъ! Когда ты не наскучилъ жизнью,

Моли о ней; не то твои секунды
Изочтены. Да, посылай своихъ
Галерниковъ, но никогда ужъ ихъ
Не жди назадъ.

Синьоръ Ночи. Пусть такъ тому и быть!
Они умрутъ на службѣ, значить; также,
Какъ я и самъ.

Дождь. Глупецъ! орель намѣтилъ
Добычу благороднѣе, чѣмъ ты
Съ аравою презрѣнныхъ мирмидоновъ;
Ты можешь жить, когда поймешь свой рискъ
Упорствовать; и если омраченный
Твой умъ доступенъ свѣту, научись
Свободнымъ быть.

Синьоръ Ночи. Ты тоже научись
Быть арестантомъ. (*Набатъ прекращается*).

А! Онъ замолчалъ,
Предательскій сигналъ, что назначался
Спустить плебейскихъ гончихъ на дворянъ.
Заупокойный колоколъ пробилъ,
Но только не сенату.

Дождь (*послѣ паузы*). Все молчить—
Погибло все!

Синьоръ Ночи. Теперь, дождь, называй
Меня рабомъ мятежнаго Совѣта.
Я ль не исполнилъ долгъ свой?

Дождь. Тише, тварь!
Ты сдѣлалъ достославное дѣянье
И цѣну крови заслужилъ, и тѣ,
Кому ты служишь, награждать тебя;
Но ты, какъ ты и самъ сказалъ, назначень
Здѣсь караулъ держать, а не болтать.
Ты можешь исполнять свой долгъ, но молча;
Не позабудь, что я твой государь,

Хотя и арестантъ твой.

Синьоръ Ночи. Я никакъ

Не думалъ оскорбить въ васъ государя;

На этотъ счетъ я повинуюсь вамъ.

Дождь (въ сторону). Теперь мнѣ не осталось ничего,

Какъ умереть; а какъ успѣхъ былъ близокъ!

Я принялъ бы паденье средь побѣды,

И съ гордостью; но такъ пасть, такъ! Ужасно!..

(Входятъ другіе Синьоры Ночи съ Бергуччо Фальеро).

Второй Синьоръ. Онъ нами взятъ при выходѣ изъ башни.

Гдѣ онъ распорядился, отъ лица

Ихъ свѣтлости, подачею сигнала.

Первый Синьоръ. Всѣ-ль заняты проходы ко дворцу?

Второй Синьоръ. До одного, что, впрочемъ, ужь не важно;

Всѣ вожаки въ оковахъ, а иные

Теперь ужь на допросѣ; шайки ихъ

Разсѣяны, и много взятыхъ.

Б. Фальеро. Дядя!

Дождь. Напрасный трудъ съ судьбой бороться; слава

Покинула нашъ домъ.

Б. Фальеро. Кто могъ подумать?

Ахъ, только бы одной минутой раньше!

Дождь. Да, та минута измѣнить могла

Лице вѣковъ; а эта предаеть

Насъ вѣчности. Попробуемъ предъ нею

Стоять людьми, которымъ мѣркой служить

Не ихъ успѣхъ, а то, что души ихъ

Способны возвышаться и надъ самой

Превратностью. Не унывай, то будетъ

Мгновенный переходъ. Его пройти

Хотѣлъ бы я одинъ; но если насъ

Отправятъ, какъ на то похоже, вмѣстѣ,

То отойдемъ достойными своихъ

Отцовъ, какъ и самихъ себя.

Б. Фальеро. Я, дядя, васъ
Не посрамлю.

Первый Синьоръ. Синьоры, мы должны
Подвергнуть васъ отдѣльнымъ карауламъ
До вашего допроса.

Дождь. Нашъ допросъ!
Уже ль они продолжать злую шутку
До этого? Мы съ большей простотой
Покончили бы съ ними, если бь кончить
Не довелось имъ съ нами. То была
Игра убійць—со смертію на ставкѣ,
Кому она достанется: они
Вѣли игру съ поддѣльными костями.
Кто былъ лудой нашимъ?

Первый Синьоръ. Я не вправѣ
Вамъ отвѣчать.

Б. Фальеро. Я за тебя отвѣчу.
То былъ Бертрамъ извѣстный, въ этотъ мигъ
Дающій показанья въ тайной юнтѣ.

Дождь. Бертрамъ, что изъ Бергама! Ахъ, какія
Орудія намъ служатъ для спасенья
И гибели! И эта тварь, двойною
Измѣной очерненная, теперь
Пожнетъ награды, почести, войдетъ
Въ исторію съ бессмертными гусами,
Которые за то, что спавшій Римъ
Былъ пробужденъ ихъ гогомомъ, имѣли
Свой ежегодный праздникъ, между тѣмъ
Какъ Манлій—тотъ, кто галловъ низвергалъ
Съ скалы Тарпейской, самъ съ нея низвержень.

Первый Синьоръ. Онъ сдѣлался измѣнникомъ и думалъ
Власть захватить въ республикѣ.

Дождь. Онъ спасъ
Республику, и думалъ обновить

То, что онъ спасъ... Но это вздоръ... Синьоры,
Кончайте ваше дѣло.

Первый Синьоръ. Благородный
Бертуччио, мы васъ должны просить
Въ другую камеру.

Б. Фальеро. Прощайте, дядя!
Увидимся ль въ живыхъ мы—я не знаю;
Но нашихъ тѣлъ не разлучать, быть можетъ.

Дождь. И нашихъ душъ, которыя докончатъ,
Чего не удалось имъ совершить
Въ оковахъ бранныхъ тѣла. Десяти
Не уничтожить памяти о тѣхъ,
Кто замышлялъ на ихъ злодѣйскихъ тронахъ
Ихъ поразить. Примѣръ такой не можетъ
Не породить преемниковъ себѣ.

АКТЪ ПЯТЫЙ.

СЦЕНА I.

Зала Совѣта Десяти, заседающихъ съ особо приглашенными сенаторами, каковое собраніе, теперь служившее судилищемъ по дѣлу Марино Фальеро, составило такъ называемую Юнту.—Стража, Чиновники, и проч., и проч.

Израиль Бертуччио и Календаро, въ оковахъ. Бертрамъ, Лиони,
свидѣтели и проч.

Бениинтендъ (*Президентъ Десяти*). Теперь, когда сугубыя
злодѣйства

Ожесточенныхъ этихъ душъ. для насъ
Доказаны, намъ остается только
Произнести законный приговоръ:
Печальный трудъ—внимать ему, и вдвое
Печальнѣй—изрекать. Увы! Зачѣмъ
Онъ палъ на долю мнѣ! Зачѣмъ навѣки

Дни моего служенья запятналъ;
Дни памяти печальной, дни столь страшной,
Злокозненной измѣны—и кому?
Республикѣ—свободной, справедливой,
Призванной быть оплотомъ христіанъ
Отъ византійской схизмы, сарацина,
Отъ варварскаго гунна, а равно
И отъ свирѣпства франка; ей—открывшей
Для европейцевъ Индіи дары
И послужившей римлянамъ послѣдней
Защитой отъ Аттилы; наконецъ,
Царицѣ океана, что гордится
Побѣдой надъ соперницей такой,
Какъ Генуя. Да, такъ-то; эти люди
Погибшіе злодѣйскую ихъ жизнь
Безумно обрекали, чтобъ низвергнуть
Власть кроткую республики такой—
Такъ пусть они за то заплатятъ смертью.

Бертуччіо. Давно пора; ужь ваше колесо
Все сдѣлало. Такъ, дайте умереть намъ.

Бенинтендъ. Имѣете вы что нибудь сказать
Къ смягченью наказанья—юнта можетъ
Васъ выслушать; хотите ль облегчить
Признаньемъ вашу совѣсть—это будетъ.
Ко времени и, можетъ быть, не все.

Бертуччіо. Мы призваны не говорить, а слушать.

Бенинтендъ. Въ злодѣйствахъ вашихъ вы обличены
Уликами сообщниковъ; другія
Свидѣтельства дадутъ имъ только вѣсь.
Но мы не прочь услышать бы изъ вашихъ
Устъ собственныхъ признанье: на порогѣ
Ужасной этой бездны, что обратно
Никто не переходитъ, вамъ одна
Лишь истина помочь способна въ небѣ

И на землѣ. Скажите, что могло

Служить вамъ побужденьемъ?

Бертуччіо.

Справедливость.

Бенинтендъ. А цѣлю?

Бертуччіо.

Свобода.

Бенинтендъ.

О, вы кратки.

Бертуччіо. Тому причиной жизнь моя: вѣдь я

Солдатъ, а не сенаторъ.

Бенинтендъ.

Вы, быть можетъ,

Надѣетесь, такъ кратко здѣсь грубя,

Смутить судей, или заставить ихъ

Отсрочить осужденье?

Бертуччіо.

Будьте кратки,

Подобно мнѣ, и вѣрьте, эту милость

Я вашему прощенью предпочту.

Бенинтендъ. И это весь отвѣтъ вашъ трибуналу?

Бертуччіо. Спросите у застѣнка, что изъ насъ

Онъ вырвать могъ; иль снова насъ сведите

На колесо; изъ насъ еще не вся

Кровь выпита, и чувство боли въ этомъ

Избитомъ, рваномъ тѣлѣ не совсѣмъ

Утрачено: но этого вы сдѣлать

Не смѣете; вѣдь если бѣ довелось

Послѣднему остатку жизни въ насъ

На колесѣ подъ пытку погаснуть,

Вы зрѣлища публичнаго тогда

Рабовъ своихъ лишите; а оно

Такъ повлѣять на рабство ихъ способно!

И обморокъ притомъ вѣдь—не сознанье,

Стенанья—не слова, и показанье—

Не истина, когда душа и кровь

Намъ лгать велятъ, изъ-за минутной льготы,

Должны ль мы жить иль умереть потомъ.

Бенинтендъ. Кто съ вами былъ въ сообщникахъ?

Бертуччіо.

Сенатъ!

Бенинтендъ. Какъ это понимать должно?

Бертуччіо.

Спросите

У бѣднаго народа, что дошелъ

Черезъ ваши злодѣянья до злодѣйства.

Бенинтендъ. Вы знаете ли дожа?

Бертуччіо.

Я служилъ

Подъ Царой съ нимъ—на полѣ битвъ, когда

Вы пролагали путь себѣ къ карьерѣ

Теперешней; мы жертвовали жизнью,

Межъ тѣмъ, какъ вы, судьей или адвокатомъ,

Здѣсь рисковали жизнью другихъ.

Да наконецъ вѣдь дожа знаетъ вся

Венеція—и по его дѣяньямъ,

И вашей благодарности за нихъ.

Бенинтендъ. Вы были съ нимъ въ сношеньяхъ?

Бертуччіо.

Мнѣ противно...

Мнѣ слушать васъ противно больше смерти.

Нельзя ли къ приговору перейти?

Бенинтендъ. Къ тому идемъ. Ну, вы какъ, Календаро,

Вы чтонибудь не можете ль сказать,

За что бы васъ мы пощадить могли?

Календаро. Я никогда не слылъ говоруномъ,

Теперь же и совсѣмъ не нахожу,

Что стоило бъ труда сказать.

Бенинтендъ.

Вашъ тонъ,

Быть можетъ, переѣнится въ застѣнокъ?

Календаро. Навѣрное; застѣнокъ переѣннить,

И разъ уже переѣнялъ его;

За то мои слова все будутъ тѣ же.

Но если бъ я рѣшился—

Бенинтендъ.

Что тогда?

Календаро. Имѣло ль бы законный вѣсъ мое

Признанье съ колеса?

Бенинтендъ. Да, безъ сомнѣнья.

Календаро. Кто бѣ ни былъ тотъ, кого я назову
Измѣнникомъ?

Бенинтендъ. Онъ розыска конечно
Не избѣжить.

Календаро. И по моей уликѣ
Онъ можетъ быть погубленъ?

Бенинтендъ. Если вы
Представите подробности, что онъ

Предстанетъ здѣсь съ опасностію жизни.

Календаро. Такъ берегись, свѣсивый президентъ!

Я вѣчностью, передо мной разверстой,

Клянусь, что это ты, и только ты одинъ

Измѣнникъ тотъ, который будетъ названъ

Мной съ колеса—лишь прикажи меня

Вторично растянуть на немъ.

Одинъ изъ членовъ Юнты. Синьоръ,

Не лучше ль къ приговору приступить?

Намъ нечего и знать отъ нихъ ужъ больше.

Бенинтендъ. Заблудшіеся люди! вы должны

Всѣ быть готовы къ смерти, и теперь же.

Опасность государства-- свойство вашей

Преступности, и нашъ законъ не можетъ

И часу потерпѣть отсрочки. Стражи!

Возьмите ихъ. Пусть казнь надъ ними будетъ

Учинена на красномъ томъ балконѣ,

Куда выходятъ дожи, какъ у насъ

Заведено, въ четвергъ нашъ карнавальнй,

Смотрѣть на бой быковъ: пусть ихъ тѣла,

Дымящіяся кровью, остаются

На мѣстѣ исполненья, на показъ

Собравшейся тамъ черни. И— пусть небо

Надъ душами ихъ сжалится!

Юнта.

Аминь!

- Б е р т у ч ч і о. Прощайте же, синьоры; намъ уже
Не встрѣтитесь въ одномъ и томъ же мѣстѣ,
Б е н и н т е н д ъ. А чтобъ они зѣвающій тамъ сбродъ,
Поднять не покусились—стража, рты
Имъ заклепать *, и въ этомъ состоянн
И казнь имъ учинить. Возьмите ихъ.
- К а л е н д а р о. Какъ, неуже ль намъ не дадутъ сказать
Какимъ нибудь друзьямъ своимъ прощайте?
Или съ послѣднимъ словомъ отнестись
Къ духовнику?
- Б е н и н т е н д ъ. Священникъ ждетъ въ сѣняхъ;
Что до друзей же вашихъ, имъ такое
Свиданье было бѣ слишкомъ тяжело,
А вамъ оно конечно бесполезно.
- К а л е н д а р о. Я знаю, что при жизни мы не смѣли
Устъ раскрывать, иль открывали ихъ,
Рискуя нашей жизнью; но чтобъ въ этотъ
Послѣдній мигъ, наперекоръ правамъ
Всѣхъ умирающихъ, намъ приказали
Рты заклепать, я этого не думалъ...
- Б е р т у ч ч і о. Оставимъ ихъ, любезный Календаро;
И что за важность въ нѣсколькихъ словахъ?
Умремъ, не получивъ малѣйшей тѣни
Ихъ милости; быть можетъ, такъ скорѣй
Кровь наша, вопіющая на небо,
Возстанетъ противъ нихъ и обличитъ
Сильнѣе ихъ, чѣмъ цѣлый свитокъ словъ,
Написанныхъ иль сказанныхъ предъ смертью!
Они дрожатъ при нашихъ голосахъ,
Ихъ повергаетъ въ трепетъ даже наше
Молчаніе—пусть этотъ страхъ всю жизнь
Имъ отравить!.. Оставимъ ихъ теченью

* Историческій фактъ.

Ихъ черныхъ думъ, свои же вознесемъ
Теперь туда... Ведите, мы готовы.

Календаро. Не слушался меня ты, Израэль;
А этого бы не было, и тотъ
Мерзавецъ вонъ, постылый трусъ, Бертрамъ
Давно бы былъ...

Бертуччіо. Молчи, другъ Календаро;
Пора ль теперь объ этомъ помышлять!

Бертрамъ. Ахъ, я бъ хотѣлъ, чтобъ умереть могли вы
Со мною въ братскомъ мирѣ; я не самъ
Сталъ въ это положенье, но къ тому
Былъ принужденъ. Скажите, что вы мнѣ
Прощаете, хотя я никогда
Простить себѣ не буду въ состояньи.
Не хмурьтесь на меня!

Бертуччіо. Я умираю.
Прощай!

Календаро (*плюя на него*). Я умираю—вотъ тебѣ.
(*Бертуччіо и Календаро, Стража и проч. уходятъ*).

Бенинтендъ. Теперь, когда мы съ этими людьми
Покончили, не время-ль приступить
Къ рѣшенью надъ измѣнникомъ, какаго
Досель не представляла ни одна
Намъ лѣтопись—надъ дожемъ Фалиеро?
Процессъ его мы кончили, а время
И обстоятельства велятъ спѣшить:
Угодно ль вамъ воздать ему награду
Сегодня же?

Юнта. Да, да.

Бенинтендъ. Авогадоры,
Распорядитесь, чтобы дождь въ Совѣтъ
Представленъ былъ.

Одинъ изъ Юнты. Когда жъ мы здѣсь увидимъ
Всѣхъ остальныхъ?

Бенинтендъ. Когда избудемъ главныхъ
Зачинщиковъ. Инымъ изъ нихъ бѣжать,
Къ несчастью, удалось—на острова
Иль материкъ. Но мы ихъ всѣхъ погоней
Преслѣдуемъ, и можетъ уповать,
Что гнусный этотъ заговоръ не будетъ
Намъ притчей поносительной служить
Въ чужихъ земляхъ.

(Входитъ Дождь подъ стражею и проч.).

Дождь Фалиеро—ибо

Вы дождь еще, и таковымъ законъ
Васъ признаетъ, пока наступитъ часъ
Токъ дожескій снять съ этой головы,
Что не могла дозвольна быть короной,
Столь много затмѣвающей вѣнцы
Всѣхъ королей, но думала вамъ равныхъ
И такъ васъ возвеличившихъ сразить
Измѣною и погасить ихъ кровью
Отчины нашей части и славу—мы,
Избравъ къ тому авогадоровъ, вами
Здѣсь видимыхъ, уже не разъ во всей
Обширности на видъ вамъ поставляли
Возникшія улики противъ васъ:
Намъ болѣе кровавыхъ обличеній
И болѣе способныхъ поразить
Измѣнника—встрѣчать не доводилось.
Что вы сказать имѣете въ защиту?

Дождь. Что я скажу, когда моя защита
Должна быть осужденіемъ для васъ?
Вы знаете, что вы здѣсь и злодѣи,
И вмѣстѣ обвинители; вы судьи
И палачи. Ведите этотъ судъ
На собственный вашъ страхъ.

Бенинтендъ. Но такъ какъ ваши

Сообщники признались, то для васъ
Нѣтъ никакой надежды.

Дождь. Кто они?

Бенинтендъ. Число ихъ такъ велико; но одинъ

Изъ первыхъ—передъ вами, на судѣ:

Бертрамо изъ Бергама—не хотите ль

Вы предложить ему вопроса?

Дождь (*смотря на него пренебрежительно*). Нѣтъ.

Бенинтендъ. И два другихъ, Филиппо Календаро

И Израэль Бертуччо, признались

Въ сообществѣ ихъ съ дожемъ.

Дождь. Эти гдѣ?

Бенинтендъ. Ихъ нѣтъ уже; теперь они отвѣтъ

Даютъ, быть можетъ, небу за свои

Дѣла земныя.

Дождь. Ахъ, плебейскій Брутъ—

Его ужъ нѣтъ? И съ нимъ горячій Кассій,

Начальникъ арсенала? Какъ они

Рѣшенье встрѣтили?

Бенинтендъ. Вы о своемъ

Подумайте. Оно вѣдь тоже близко...

Иль вы держать защиты не хотите?

Дождь. Я не могу передъ низшими себя

Держать ее, какъ не могу признать

Законной вашу власть судить меня.

Представьте мнѣ законъ.

Бенинтендъ. Въ такихъ великихъ

Случайностяхъ мы можемъ поправлять

И отмѣнять законы: наши предки

Не учредили кары за такое

Преступное дѣянье, точно такъ,

Какъ римляне на древнихъ ихъ таблицахъ

Забыли запретить отцеубійство.

Могли ль они законы положить

Противъ злодѣйствъ, которыхъ и названье
Сердцамъ ихъ благороднымъ не могло
Представиться? Кто могъ предусмотрѣть,
Чтобы природа пасть могла до этихъ
Ужасныхъ преступленій, каковы—
Дѣтей противъ отцовъ и государей
Противъ ихъ царствъ? Но ваше злодѣянье
Внушило намъ издать уже законъ,
Могущій впредь карать и тѣхъ надменныхъ
Измѣнниковъ, что въ гордости своей
Возвыситься дерзнуть до тиранніи;
Измѣнниковъ, что легкой скипетръ свой
Безумно превратить бы захотѣли
Въ мечъ обоюдоострый. Неуже ль
Вамъ дожемъ быть казалось не довольно?
Да и при томъ, что можетъ благороднѣй
Синьоріи найтись?

До жъ.

Венеціанской

Синьоріи? Но вы мнѣ измѣнили;
Да, вы, что здѣсь сидите, вы— мои
Предатели! Я былъ не ниже васъ
Рожденіемъ, и выше по заслугамъ.
Вы отвлекли меня отъ славныхъ дѣлъ—
Въ чужихъ земляхъ, на полѣ битвъ, въ столицахъ,
И на моряхъ; вы выбрали меня,
Какъ жертву обреченную, стоять
Увѣнчаннымъ, но жалкимъ и безсильнымъ,
При алтарѣ, гдѣ вы одни могли
Священнодѣйствовать. Я не искалъ—
Не ожидалъ—не зналъ—я не желалъ
Избранія; о немъ впервые въ Римѣ
Вѣсть до меня дошла; я покорился.
Но что же я нашель здѣсь? Кромѣ вашихъ
Ревнивыхъ подозрѣній, безъ того

Такъ унижавшихъ вашихъ государей,
Вы даже въ междоцарствіе моей
Дороги въ этотъ городъ послѣшили
Укоротить тѣ жалкія права,
Что все еще здѣсь оставались дожу.
Я это перенесъ, и я хотѣлъ
Забуть про это все; но вы очагъ мой—
Вы басней сквернословной обнесли
И самый мой очагъ,—и сквернословъ,
Котораго я вижу между вами,
Какъ моего судью...

Бенинтендъ (*прерывая его*). Микеля Стено
Вы видите межъ насъ, какъ одного
Изъ «Сорока»: вѣдь «Десять» пожелали,
Чтобы Сенатъ назначилъ юнту имъ
Для помощи въ такомъ необычайномъ
И щекотливомъ дѣлѣ; а что онъ
Освобожденъ отъ дѣйствія рѣшенья,
Надъ нимъ произнесеннаго, то дожъ,
Желавшій ниспровергнуть всѣ законы,
Не можетъ притязанія имѣть,
Чтобъ за него карали по статутамъ,
Которыхъ силы онъ не признаетъ,

Дождь. Карали! Нѣтъ: я радъ скорѣ видѣть
Его сидящимъ здѣсь, моимъ судью,
Чѣмъ преданнымъ той карѣ, что ему
Разыгранный для виду только вами
Вашъ лицемѣрный судъ опредѣлилъ.
Его злодѣйство мерзкое, въ сравненьи
Съ потачкою такой, я нахожу
Невинностью.

Бенинтендъ. Возможно ли, чтобъ славный,
Едва не съ сотней лѣтъ на головѣ,
Венеціанскій дожъ, какъ пылкій мальчикъ,

Могъ обуяться страстію такой,
Забыть про всякій разумъ, страхъ, присягу,
Изъ-за одной обиды молодого
Патриція?

Дождь. Пожаръ рождаетъ искра;
Что черезъ край изъ чаши льется—это
Послѣдняя лишь капля, и она
Была мнѣ подлита: вы угнетали
Народъ и государя; я хотѣлъ
Освободить обоихъ, и мнѣ это
Не удалось: наградою успѣха
Подобнаго была бы слава, месть,
Побѣда, что могла бы возвеличить
Венецію не меньше Сиракузъ
И Греціи, съ паденьемъ тиранніи
Столѣтья процвѣтавшихъ; и я самъ
Геленомъ бы прослылъ и Тразибуломъ.
Возмездіемъ же падшему, я знаю,
Позоръ и смерть должны быть въ настоящемъ
А въ будущемъ... оно насъ разберетъ...
Погибни лишь Венеція, иль будь
Свободною! До тѣхъ же поръ не можетъ
Быть истины. Не колебайтесь; я
Вамъ не далъ бы пощады, и отъ васъ
Не требую; я вѣлъ съ могучимъ рискомъ
Игру на жизнь, и проигралъ: берите
Проигранную ставку! Я одинъ
Межъ вашими могилами стоялъ бы;
Теперь вы соберетесь вокругъ моей
И будете топтать ее, какъ сердце
При жизни растоптали вы мое.

Бенингендъ. Вы, значить, признаете трибуналъ нашъ?

Дождь. Я признаю мою оплошность только:

Фортуна—женщина; я съ юныхъ дней

Всѣхъ ласкъ ея былъ избраннымъ любимцемъ.

Но я имѣлъ оплошность ожидать

До этихъ лѣтъ ея улыбокъ прежнихъ.

Бенингендъ. Такъ, стало быть, свою намъ подсудимость
Вы не хотите больше отрицать?

До жъ. Но... благородные венеціанцы!

Не приводите въ гнѣвъ меня; я все

Готовъ принять, что худшаго есть въ мірѣ;

Но я въ себѣ отъ крови прежнихъ дней

Частицу сохраняю, и едва-ли,

Могу служить въ терпѣнны образцомъ.

Оставьте же дальнѣйшіе допросы,

Что ни къ чему не клонятся притомъ,

А только судъ преобразуютъ въ пренне.

Вѣдь то, что я вамъ стану отвѣчать,

Все будетъ лишь на зло вамъ, и на радость

Врагамъ несчетнымъ вашимъ. Эти стѣны

Не отражаютъ эхо; но у стѣнъ

Есть уши—даже больше—языки;

И если бы проникнуть изъ-за нихъ

Для истины пути, не оставалось,

То сами вы, которые меня

Здѣсь судите, боитесь и убьете—

Въ могилу бы съ собой не унесли

Того, что я сказалъ бы; тайна слишкомъ

Была бы велика для вашихъ душъ;

Такъ пусть она въ моей спитъ, если только,

Опасность миновавъ, вы не хотите

Съ сугубой повстрѣчаться. Такова

Была бъ моя защита, если бъ я

Ее хотѣлъ лишь сдѣлать знаменитой.

Нелживыя слова вѣдь существа,

Слова же умирающихъ не только

Живучія созданья, но еще

И мстятія; такъ если вы хотите
Ужъ пережить меня, оставьте мнѣ
Слова мои. Таковъ мой вамъ совѣтъ,
И какъ меня ни часто раздражали
При жизни вы, позвольте умереть
Спокойно мнѣ, что вамъ легко и сдѣлать:
Вѣдь я не отрицаю ничего,
Вѣдь я не защищаю ничего,
Я ничего не требую, какъ только
Молчанья для себя и приговора
Отъ васъ самихъ.

Бенинтендъ. Столь полное признанье
Спасаетъ насъ отъ скорби прибѣгать
За истиною къ пыткамъ.

Дождь. Къ пыткамъ? Вы
Меня ей подвергали каждодневно,
Съ тѣхъ поръ какъ я сталъ дожемъ. Если вамъ
Нужна еще вещественная пытка...
Что жъ, это въ вашей власти: какъ старикъ,
Я не могу ручаться ужъ за прочность
Костей моихъ; но ваши палачи
Взамѣнъ того найдутъ, быть можетъ, нѣчто
Въ моей душѣ, что дастъ работу имъ.

(Входитъ Чиновникъ).

Чиновникъ. Синьоры! Догаресса Фалиеро
Желааетъ быть появиться передъ юнтой.

Бенинтендъ. Отцы сенаторы, какъ ваше мнѣнье?
Одинъ изъ членовъ Юнты. Мы отъ нея услышимъ,
можетъ быть,

Открытія особаго значенья;

Такъ было бы неразумно отказать ей.

Бенинтендъ. Могу ль считать я это мнѣнье общимъ?
Всѣ. Да, можете.

Дождь. О, дивные законы

Венеціи, что ласковый пріемъ
Даютъ женѣ, въ надеждѣ, не пришла ли
Она затѣмъ, чтобы предать супруга!
Какая честь для непорочныхъ дамъ
Венеціи! Но для такихъ судей,
Ругателей надъ всяческою честью,
Подобные законы исполнять
Въ порядкѣ дѣлъ. Теперь, презрѣнный Стено!
Найди что эта женщина могла
Фальшивой быть, и я тебѣ прощу
И ложь твою, и ихъ къ тебѣ потачку,
И смерть мою на плахѣ, и твою
Жизнь подлую!

(Догаресса входитъ).

Бенинтендъ. Синьора, правосудный
Сей трибуналь рѣшилъ оказать
Вниманье къ вашей, просьбѣ, хоть отчасти
Ему и не понятной; онъ готовъ,
Каковъ притомъ бы ни былъ вашъ предметъ,
Васъ выслушать съ терпѣньемъ и вниманьемъ,
Достойнымъ вашихъ предковъ, васъ самихъ,
И вашихъ добродѣтелей... Но вы
Блѣднѣете... Скорѣе—гей! скорѣе
Вниманье оказать синьорѣ! Мѣсто
Ей предложить.

Анджіолина. Минутное волненье...
Оно прошло; вы извините мнѣ—
Я не сижу въ присутствіи супруга
И государя моего, когда
Онъ на ногахъ.

Бенинтендъ. Цѣль вашего прихода,
Высокая синьора?

Анджіолица. Странный слухъ,
Но очень вѣроятный, если все,

Что вижу я и слышу здѣсь—не призракъ,—
Достигъ меня, и я пришла узнать—
Хотя бы то, что хуже самихъ слуховъ.
Простите мнѣ; быть можетъ, я должна
Вести себя иначе. Неужели...
Я не могу—не знаю, какъ спросить
И что спросить... Но этотъ взглядъ суровый
И этотъ видъ нахмуренный!.. я въ нихъ
Предвижу вашъ отвѣтъ мнѣ... Боже! это
Молчаніе могилы.

Бенинтендъ (*послѣ нѣкотораго молчанія*). Вамъ, синьора,
Ужъ лучше бы не знать того, къ чему
Принудилъ насъ нашъ долгъ неумолимый
Передъ людьми и небомъ!

Анджіолина. Я однако
Желаю знать; я не могу—ахъ, нѣтъ—
> Нѣтъ, этому повѣрить не могу я.
Ужель онъ осужденъ?

Бенинтендъ. Увы!

Анджіолина. И онъ
Виновенъ былъ?

Бенинтендъ. Синьора, вашъ вопросъ,
При явномъ омраченьи вашихъ мыслей
Въ подобную минуту, долженъ быть
Забвенью преданъ нами; а не то—
Одно уже сомнѣнье въ правосудьи
Такаго трибунала вамъ могло
Вмѣниться въ преступленье. Но вы вправѣ
Спросить у бога самого; пусть онъ
Отринетъ обвиненье, и тогда
Вы можете считать его невиннымъ,
Какъ собственное сердце.

Анджіолина. Что я слышу?
Мой государь... мой повелитель... ты,

Столь мудрый на совѣтѣ и столь славный
На полѣ битвъ... другъ моего отца
Несчастливаго—что этотъ человѣкъ
Мнѣ говорить?.. Но ты молчишь!

Бенинтендъ. Да, онъ,
Однажды учинивъ уже признанье,
Какъ видите, не хочетъ отрицать
Вину свою.

Анджіолина. Пусть такъ, но неужель
Онъ долженъ умереть!.. Вы пощадите
Лѣта его, которымъ безъ того
Печаль и стыдъ предѣль положить скоро.
Одинъ преступный день уже ль затмить
Десятки лѣтъ, обремененныхъ славой
Великихъ дѣлъ?..

Бенинтендъ. Рѣшеніе надъ нимъ
Исполниться должно безъ проволочки
И всякаго смягченія: оно
Подписано...

Анджіолина. Виновному; но вы
Могли бѣ еще къ нему быть милосерды.

Бенинтендъ. Мы были бы тогда неправосудны.

Анджіолина. Увы, синлоръ, кто только правосуденъ,
Тотъ кровожадный извергъ; кто бы могъ
Жить на землѣ, когда бы всѣ мы были
Судимы правосудно?

Бенинтендъ. Насъ къ тому
Спасенье государства вынуждаетъ.

Анджіолина. Онъ государству этому служилъ,
Какъ подданный; онъ это государство
Спасалъ, какъ генераль; онъ управлялъ,
Какъ государь вашъ, этимъ государствомъ.

Одинъ изъ членовъ Совѣта. Онъ предалъ государство,
какъ измѣнникъ.

Анджіолина. Но безъ него у васъ и государства
Совѣмъ бы уже не было, и вы,
Что собрались предать позорной смерти
Его освободителя—теперь
Надъ веслами галеры мусульманской
Трудились бы, иль въ гунскихъ рудникахъ
Работали въ цѣпяхъ бы.

Членъ Совѣта. Нѣтъ, синьора,
Найдутся и другіе, что скорѣй
Рѣшатся умереть, чѣмъ жить въ неволѣ.

Анджіолина. Ахъ, если бы такіе и нашлись
Средь этихъ стѣнъ, ты не изъ ихъ числа:
Вѣдь храбрые великодушны къ падшимъ.
Уже ли нѣтъ надежды?

Бенингендъ. Да, синьора,
Надежды нѣтъ.

Анджіолина (*обращаясь къ дождю*). Такъ умирай, Фальеро,
Когда такъ суждено; но умирай,
Какъ другу моего отца пристойно.
Какъ ни тяжка вина твоя, она
На половину падаетъ на этихъ
Безчувственныхъ людей. Я шла сюда
Просить ихъ, докучать имъ, умолять ихъ,
Какъ нищяя о хлѣбѣ, вопіять
Предъ ихъ судомъ, какъ и они къ ихъ Богу
Возопіютъ, чтобъ Онъ ихъ услышалъ,
Какъ ими я услышана... Но это
Напрасно лишь унизило бы насъ:
Ихъ взоры леденящіе такъ ясно
О полномъ безсердечьи говорятъ!

Такъ встрѣть свою судьбу, какъ государь.

Дождь. Я слишкомъ долго жилъ, чтобы не знать
Какъ умереть!.. Твои мольбы предъ ними
Не больше означали бы, чѣмъ вопль

Матросовъ къ пожирающей ихъ безднѣ,
Или бляенье агнца къ мяснику.
И я изъ рукъ презрѣнныхъ этихъ тварей,
Изъ-подъ ярма которыхъ я хотѣлъ
Освободить народъ нашъ, не приму
Безсмертія, не только жизни!

Стено. Дождь,
Я смѣю отнестись къ тебѣ и къ этой
Синьорѣ благородной, мною такъ
Обиженной! Ахъ, если бъ сокрушенье,
Раскаянье иль стыдъ могли вернуть
Прошедшее! Но такъ какъ это свыше
Возможнаго, позвольте мнѣ желать
Разстаться христіански съ вами, въ мирѣ.
Я не могу прощень быть, но молю
О состраданьи вашемъ, предлагая
Съ смиреніемъ обоимъ вамъ взаимнѣ
Мои молитвы—грѣшныя конечно.

Анджіолина. Разумный Бенинтендъ, теперь верховный
Судья венеціанскій, я хочу
Тому вонъ господину отвѣчать
Черезъ тебя. Скажи мерзавцу Стено,
Что я, дочь Луредана, никогда
Не принимала словъ его иначе,
Какъ съ жалостью, достойною такихъ
Существъ, какъ онъ. Ахъ, если бъ и другіе
Его лишъ презирали, такъ какъ я!
Я честь мою предпочитаю жизни
И сотнямъ тысячъ жизней—если бъ я
Имѣла ихъ; но я бы и одной
Лишилась не желала, и лишиться
Изъ-за ничтожной выдумки—про то,
Чего никто не въ силахъ обезславить,
Про добродѣтель, что такую быть

Желаетъ для себя, а не для славы.
 Слова нахала были для меня,
 Какъ вѣтеръ для скалы; но ахъ! есть души,
 Которыя къ вещамъ подобнымъ чутки,
 Какъ волны къ урагану; существа,
 Которымъ тѣнь безчестія одна
 Страшнѣй, чѣмъ смерть и все, что есть за нею;
 Созданія, которыхъ весь порокъ—
 Не выносить насмѣшки отъ порока,
 И люди, закаленные во всѣхъ
 Превратностяхъ, могучіе надъ всѣми
 Соблазнами, но слабые, когда
 Нечистое дыханіе коснется
 Ихъ имени, какъ высшаго предмета
 Ихъ гордости, къ которому они
 Ревнивы, какъ орлы къ ихъ поднебесью.
 Пускай же то, что видимъ мы теперь
 И чувствуемъ, послужить низкимъ тварямъ
 Урокомъ въ томъ, какъ дѣйствуетъ ихъ ядъ
 На существа столь высшаго разряда.
 Да, жала насѣкомыхъ заставляютъ
 Льва въ ярость приходить; стрѣла въ пяту
 Низвергнула храбрѣйшаго изъ храбрыхъ;
 Безчестіе жены сгубило Трою;
 Безчестіе жены служило Риму
 Причиною изгнанія царей;
 Обиженный супругъ открылъ для галловъ
 Дорогу въ Римъ, вдругъ ставшій на краю
 Погибели; земля сносила звѣрства
 Калигулы, но непристойный жестъ
 Тирану стоилъ жизни; оскорбленье
 Дѣвичьей чести сдѣлало страну
 Испанскую провинцію мавровъ;
 Двѣ строчки лжи безсовѣстнаго Стено

Венецію на казни обрекли,
Подвергнули Сенатъ восьмистолѣтній
Опасностямъ, низвергли государя,
Развѣнчанную голову его
Влекутъ подъ мечъ, и въ новыя оковы
Стенающій народъ нашъ закуютъ.

Пусть негодяй, сравнявшійся съ блудницей,
Что нѣкогда спалила Персеполь,
Гордится, если хочеть—эта гордость
Поистинѣ была бъ его достойна!

Но пусть онъ не дерзаетъ оскорблять
И самую молитвою послѣднихъ

Минуть того, кто—чѣмъ бы ни былъ нынѣ—
Героемъ былъ. Вѣдь добраго отъ Стено

Не можетъ ничего быть, точно также,
Какъ мы имѣть не можемъ ничего.

Съ нимъ общаго: мы предаемъ его
Лишь самому себѣ, какъ преисподней

Паденія и подлости. Прощать
Возможно только людямъ, но не гадамъ;

Для Стено нѣтъ поэтому у насъ
Прощенія, какъ нѣтъ и злобы; твари,

Подобныя ему, должны язвить,
А высшія созданія—терпѣть;

Таковъ законъ ужъ жизни. Человѣкъ,
Отъ жала умирающій, способенъ

Ехидну раздавить, но гнѣва къ ней
Не чувствуетъ; червякъ своей природѣ

Покорствуеть; а люди иногда
Подходятъ больше къ червякамъ, чѣмъ твари,

Живущія наслѣдіемъ могиль.

До жъ (*къ Беннинтенду*). Синьоръ, кончайте то, что
составляетъ

Вашъ мнимый долгъ.

Бенинтендъ. Чтобъ приступить къ тому,
Мы предложить обязаны синьорѣ—
Покинуть засѣданье: для нея
Такъ будетъ тяжело все это видѣть.

Анджіолина. Я знаю, что такъ будетъ, но я это
Обязана перенести, какъ долгъ.
Стоять рука съ рукой съ моимъ супругомъ—
Ты силой запретишь лишь мнѣ. Кончай!
Не бойся отъ меня ни слезъ, ни крику;
Я надорву, быть можетъ, грудь мою,
Но буду молчалива. Говори!
Я чувствую внутри себя способность
Все превозмочь.

Бенинтендъ. Марино Фалиеро, дожъ
Венеціанскій! графъ Валь-ди-Марино!
Сенаторъ, бывшій предводитель силъ
Морскихъ и сухопутныхъ! Дворянинъ
Республики, служившій ей такъ часто
Въ высокихъ должностяхъ, а подъ конецъ
И въ самой высшей! Выслушай теперь
Свой приговоръ. Всемирно уличенный
Свидѣтельствомъ сообщниковъ твоихъ
И собственнымъ признаньемъ въ преступленіи
Измѣны государственной, какой
До сей поры не слыхано примѣра,
Ты примешь смерть. Имѣнія твои
Отписаны уже на государство;
Твои дѣла и имя навсегда
Изгладятся изъ лѣтописей нашихъ,
За исключеньемъ дня, который мы
На память о чудесномъ избавленіи,
Въ народный праздникъ возведемъ; ты будешь
Стоять въ календаряхъ у насъ въ ряду
Съ нашествіемъ враговъ, чумою, голодомъ,

Съ землетрясенями, какъ врагъ людей
И какъ предметъ благодареній небу
За избавленье отъ твоихъ злодѣйствъ
Страны и нашихъ жизней. Мѣсто, гдѣ
Твое изображеніе, какъ дожа,
Должно бы быть написано въ ряду
Твоихъ предшественниковъ славныхъ, будетъ—
Какъ бы пятно---оставлено пустымъ;
Его завѣсятъ чернымъ покрываломъ
И вырѣжутъ, подь нимъ сии слова:
«Здѣсь мѣсто обезглавленнаго дожа
«Преступнаго Марино Фалиеро».

До ж ъ. «Преступнаго?» Пусть будетъ такъ: вѣдь это
Немного вамъ поможетъ. Покрывало,
Которое должно чернѣть пятномъ
Надъ очерненнымъ именемъ и эти
Слова скрывать—скорѣе привлечетъ
Вниманіе, чѣмъ лики вашихъ рабскихъ
Сообщниковъ, что будутъ вкругъ него
Блестать въ своихъ малярныхъ украшеньяхъ.
«Преступнаго!» Но гдѣ же преступленья?
Вы лучше написали бы о нихъ,
Чтобъ созерцатель самъ могъ быть судьбою,
Иль могъ понять, по крайней мѣрѣ—какъ
Возникъ такой преступникъ. Если нужно,
Чтобъ свѣтъ узналъ о дождѣ, что хотѣлъ
Низвергнуть государство, пусть онъ вмѣстѣ
Узналъ бы и причину: это—ваша
Исторія.

Бенинтендъ. Насъ въ этомъ разберетъ
Съ тобою время; наши сыновья
Разсудятъ судъ отцовъ своихъ, что нынѣ.
Я изрекаю. Ты, въ одеждахъ дожа,
Послѣдуешь подь стражею отсель

До «Лѣстницы Гигантовъ», гдѣ мы власть
Вручаемъ государямъ нашимъ; тамъ,
Впервые обнаженный отъ короны,
На той вершинѣ, гдѣ ты въ первый разъ
Надѣлъ ее—ты будешь преданъ казни
Черезъ отрубленье головы; и пусть
Душа твоя найдетъ пощаду въ небѣ.

Дождь. Ты произнесъ рѣшенье юнты?
Бенинтендъ. Да,

Дождь. Я не могу противиться. А срокъ?

Бенинтендъ. Немедленный. Слѣши мириться съ Богомъ:
Ты черезъ часъ предстанешь передъ Нимъ.

Дождь. Я предстаю уже; и кровь моя
Успѣетъ къ небесамъ подняться прежде,
Чѣмъ души тѣхъ, что пролили ее.
Вы всѣ мои владѣнья отобрали
На государство?

Бенинтендъ. Всѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ
Пожитки, драгоценности, всѣ роды
Богатствъ твоихъ. Тебѣ разрѣшено
Располагать лишь денежною суммой
Въ двѣ тысячи дукатовъ.

Дождь. Это грустно.
Мнѣ жаль моихъ владѣній близъ Тревизо,
Которыя въ наслѣдственное лено
Мнѣ и моимъ потомкамъ подарилъ
Лоренцо, графъ-епископъ ди Кенеда;
Я думалъ раздѣлить ихъ—оставляя
На вашу грабежъ всѣ прочія богатства—
Между моей супругой и родными.

Бенинтендъ. Твои родные сами подъ опалой
Находятся, а новый ихъ глава—
Племянникъ твой—бояться долженъ даже
За жизнь свою: Совѣтъ лишь отложилъ

Процессъ его. Что до твоей супруги,
Синьоры догарессы, то твой даръ
Дойдетъ по назначенію, не бойся;
Мы будемъ справедливы къ ней.

Анджіолина. Синьоры,

Дѣлитесь безъ меня своей добычей.
Да будетъ вамъ извѣстно—я отнынѣ
Принадлежу лишь Богу; я найду
Прибѣжище себѣ въ монастырѣ.

Дождь. Идемъ! Мой часъ мнѣ будетъ очень труденъ;
Но онъ пройдетъ... Я больше ничему
Не буду подвергаться?

Бенинтендъ. Да, тебѣ

Осталась только исповѣдь—и смерть.

Священникъ облаченъ уже, сѣкира

Обнажена, и оба ждуть за дверью.

Главнѣй всего—не помышляй къ народу

Съ словами обратиться; онъ уже

Толпами у крыльца кишить, но сѣни

Мы заперли. Авогадоры, Десять,

Старѣйшіе изъ Сорока и юнта

Единственными зрителями будутъ

Твоей судьбы; они уже спѣшатъ

Составить свиту дожа.

Дождь. Дожа?

Бенинтендъ. Да;

Ты жилъ и ты умрешь какъ государь;

До той поры, пока не наступила

Послѣдняя минута—снять съ тебя

Злокозненную голову, корона

Не будетъ съ головы твоей снята.

Унизившись до заговора съ шайкой

Бездѣльниковъ, ты забывалъ свое

Достоинство; но мы не такъ: мы въ самомъ

Измѣнникѣ не забываемъ дожа.
Плебейскіе сообщники твои,
Какъ псы иль волки умерли; но ты
Падешь, какъ левъ, ловцами окруженный,
Которые проникнуты къ тебѣ
Надменнымъ сожалѣніемъ и даже
Оплачутъ неизбежный твой конецъ,
Накликанный неукротимой страстью—
Свирѣпою, но царственной. Теперь
Иди кончать свои приготовления:
Они должны быть кратки; а затѣмъ
Ты въ насъ самихъ найдешь себѣ почетныхъ
Проводниковъ до Лѣстницы, гдѣ мы
Клялись тебѣ на подданство и службу,
Какъ твой Сенатъ; и вотъ теперь должны
Отъ нашихъ обязательствъ отректись
На томъ же мѣстѣ... Стража! Проводить
Ихъ свѣтлость въ ихъ дворцовые покои. (*Уходятъ*).

СЦЕНА II.

Дворцовая комната.

Дождь, подъ карауломъ, и Догаресса.

Дождь. Вотъ мой и духовникъ ушелъ, и мнѣ
Еще остались нѣсколько минутъ,
Ни для чего негодныхъ. Лишній разъ
Прощусь съ тобою; лишнее мученье
Почувствую—и эта горсть песку,
Что измѣряетъ часъ мой, продолжая
Покуда падать, подойдетъ къ концу—
И кончитъ время для меня.

Анджіолина.

Увы!

И я причиной этому была!

За этотъ погребальный бракъ, за этотъ

Союзъ печальный, принятый тобой
По волѣ умирающаго друга,
У смертнаго одра его, ты—вотъ,
Идешь на смерть.

Дождь. Не думай такъ: нѣтъ, я
Всегда носилъ въ душѣ моей, всегда,
Предчувствіе бѣды великой. Дивно
Здѣсь только то, что я подвергся ей
Въ такіе дни. Но мнѣ и это было
Предсказано.

Анджіолина. Предсказано?.. Какъ... Кѣмъ?

Дождь. Тому назадъ ужъ много лѣтъ, такъ много,
Что память измѣняетъ мнѣ; но это
Хранится въ лѣтописяхъ нашихъ!.. Я
Тогда еще былъ молодъ и служилъ
Республикѣ военнымъ и гражданскимъ
Начальникомъ Тревизы. Разъ, въ одинъ
Великій праздникъ, я былъ раздраженъ
Епископомъ, который позамѣшкалъ
Съ Дарами выйти и на мой укоръ
Мнѣ отвѣчалъ въ высокомерномъ тонѣ...
Я поднялъ руку, и ударъ въ лице
Свалилъ его съ его святою ношей!
Такъ вотъ тогда, поднявшись и пылая
Священнымъ изступленьемъ, онъ воздѣлъ
Глаза и руки къ небу, и затѣмъ,
Указывая пальцемъ мнѣ на Жертву,
Упавшую изъ рукъ его, въ лице
Мнѣ произнесъ: «Настанетъ часъ, когда
Повергнутый тобою ниспровергнетъ
Тебя вотъ такъ: Онъ уничтожитъ славу
Въ дому твоёмъ; Онъ поколеблетъ мудрость
Въ душѣ твоей; въ то время какъ твой разумъ
Обогатится опытностью лѣтъ,

Ты будешь обуянъ безумьемъ сердца;
Тебя терзать когтями будетъ страсть,
Когда въ другихъ кончаются всѣ страсти;
Величіе, что на главу другихъ,
Какъ божья власть нисходитъ, на твою
Сойдетъ затѣмъ, чтобъ ты былъ обезглавленъ;
Отличія послужать для тебя
Герольдами погибели; сѣдины—
Безславія; тѣ и другія—смерти;
Но смерти не такой, какъ умереть
Прилично было бѣ старцу. Онъ сказалъ—
И продолжалъ свое святое дѣло.
Часъ наступилъ.

Анджіолина. Но съ этимъ упрежденьемъ,
Какъ ты не постарался отвратить
Минуту роковую и загладить
Раскаяньемъ великій этотъ грѣхъ?

Дождь. Его слова—я признаюсь—запали
Такъ въ душу мнѣ, что весь житейскій гулъ
Не могъ вполнѣ покрыть могильный голось,
Который мнѣ ихъ повторялъ, какъ будто
Въ какомъ-то снѣ. Я и молился, но
Не отъ меня зависѣло взять мѣры:
Что не могло иначе быть—того
Предотвратить не могъ я, и не въ силахъ
Былъ опасаться. Нѣтъ: ты не могла
Забуть вѣдь и того—объ этомъ память
Свѣжа у всѣхъ—что въ день, когда сюда
Вернулся дожемъ я, предъ Буцентавромъ
Шло облако необычайной тьмы,
Подобіемъ столба, что заставлялъ
Израиля блуждать въ его пустынѣ.
Мой кормчій былъ обмануть, и присталь
На мѣсто Делля-Палья, къ двумъ столбамъ—

У площади Св. Марка *)—тамъ,
Гдѣ наше правосудіе караетъ
Преступниковъ противу государства.
Въ то время вся Венеція была
Потрясена подобнымъ предвѣщаньемъ.

Анджіолина. Ахъ, для чего припоминать объ этихъ
Вещахъ теперь!

Дождь. Я нахожу отраду
Считать Судьбу виновницей всего.
Мнѣ уступить хотѣлось бы скорѣе
Богамъ, чѣмъ этимъ людямъ; я готовъ
Увѣрвать скорѣй въ опредѣленье,
Чѣмъ допустить, что смертные, которыхъ
Я знаю недостойными, какъ прахъ,
Служили чѣмъ другимъ, а не простыми
Орудьями всемогущей силы; нѣтъ,
Они бы никогда не побѣдили
Ихъ собственною силою того,
Кто побѣждалъ за нихъ.

Анджіолина. Употреби
На болѣе спасительныя думы
Последнія минуты; примиришь
И съ этими несчастными, куда
Еще не призванъ въ небо.

Дождь. Я мирюсь:
Мирюсь на достовѣрности, что часъ
Такой придетъ, когда сыны сыновъ ихъ,
И этотъ гордый городъ, и его
Синѣющія воды, и все это,
Что придаетъ такую славу имъ,
Подвергнется проклятью, запустѣнью,
Презрѣнью, освистанію народовъ,

*) Историческій фактъ.

Какъ Тирь, какъ Карфагенъ, какъ Вавилонъ
Океаническій.

Анджіолина. Ахъ, перестань
Такъ говорить; порывы гнѣвной страсти
Тебя обуреваютъ до конца;
Но это — обольщенье: ты не можешь
Имъ повредить — не раздражай себя.

Дождь. Я вѣчностью объять уже, смотрю
Въ нее среди ея, и я ихъ вижу —
Такъ явственно, какъ кроткое твое
Лице передъ собою — эти дни,
Которые предсказываю этимъ,
Волнами опоясаннымъ стѣнамъ,
И тѣмъ, кто въ ихъ оградѣ обитаетъ.

Начальникъ Караула (*выступая впередъ*).

Дождь, Десять ожидаютъ вашу свѣтлость.
Позвольте мнѣ —

Дождь. Прощай, Анджіолина!

Дай поцалуй прощенья старику,
Который былъ тебѣ супругомъ — нѣжнымъ,
Но роковымъ. Люби воспоминать
О мнѣ порой... Мнѣ было бѣ это много,
Когда бѣ я живъ остался; но теперь,
При видѣ умиренья во мнѣ
Всѣхъ злобныхъ чувствъ, ты можешь благосклоннѣй
Судить о мнѣ. А сверхъ того, отъ всѣхъ
Столь длинныхъ-длинныхъ лѣтъ моихъ, отъ славы,
Величья, власти, имени, богатствъ,
Ото всего, что даже на могилѣ
Даетъ цвѣсти какимъ-нибудь цвѣтамъ,
Я ничего не сохранилъ... ни даже
Любви къ себѣ настолько, иль такой
Хоть памяти, чтобъ у родни тщеславной
Исторгнуть эпитафію; я въ часъ

Какой нибудь всё связи уничтожилъ
Съ моею прежней жизнію, со всёмъ,
Кромѣ твоей лишь груди—доброй, чистой
И ласковой... Такъ пусть хотя она,
Съ безмолвною, невыплаканной скорбью
Хранить не перестанетъ... Ты блѣдна!
Увы! Съ ней обморокъ! она не дышетъ—
Не движется... Хоть вашу помощь—стража!..
Я не могу оставить такъ ее...
Нѣтъ, я ее оставлю—и тѣмъ лучше;
Безпамятство приносить ей съ собой
Безчувствіе лишь мукъ. Когда она
Отъ этой смерти временной очнется,
Я буду съ Вѣчнымъ. Пзовите женщинъ
На помощь къ ней... Одинъ, послѣдній взглядъ!..
Какъ холодна рука ея!—не меньше,
Чѣмъ будетъ холодна моя, когда
Она опомнится... Ахъ, будьте съ нею
Поласковѣй, и дайте мнѣ уйти
Ко всёмъ вамъ—благодарнымъ... Я готовъ.

(Андржіолина, въ обморокъ, остается окруженная женщинами своего штата, которыя оказываютъ ей помощь. Дожь, стража и проч. уходятъ).

СЦЕНА III.

Сѣни дожескаго дворца; двери съ улицы заперты, изъ опасенія, чтобы не ворвался народъ. Дожь входитъ въ своихъ дожескихъ одеждахъ, въ сопровожденіи Десяти и другихъ патриціевъ, подъ стражею; процессія останавливается у вершины Лѣстницы Гигантовъ (гдѣ дожи принимали присягу при своемъ вступленіи); на виду палачъ со своимъ топоромъ. Тогда глава Десяти снимаетъ съ головы Дожа его дожескую корону.

Дожь. Такъ дожь теперь—ничто, и я опять

Марино Фалиеро становлюсь:

Я радъ тому, хоть это не надолго.

Я здѣсь надѣлъ вѣнецъ, и здѣсь ты, небо,
Свидѣтелемъ! во сколько разъ охотнѣй
Я съ царственной игрушкой расстаюсь,
Чѣмъ принялъ роковое украшенье.

Одинъ изъ Десяти. Фальеро, ты дрожишь.
Дождь. Отъ лѣтъ преклонныхъ.

Бенинтендъ. Не хочеть ли Фальеро чтонибудь,
Въ предѣлахъ справедливости, Сенату
Препоручить?

Дождь. Я благости его
Племянника хотѣлъ бы поручить
И справедливости просить къ моей супругѣ.
Я полагаю, смерть моя, притомъ—
Такая смерть—должна бы порѣшить
Всѣ счеты между мною и Сенатомъ.

Бенинтендъ. За ихъ судьбу ты можешь быть спокоенъ
При всемъ твоёмъ неслыханномъ злодѣйствѣ.

Дождь. Неслыханномъ? Да, точно; мы во всей
Исторіи, на всѣхъ ея страницахъ,
Вѣнчаныхъ заговорщиковъ найдемъ
Противъ народа; но доселѣ былъ
Всего одинъ, что за его свободу
Возсталъ и умеръ—и другой умереть.

Бенинтендъ. Кто жъ эти павшіе въ подобномъ дѣлѣ?

Дождь. Спартанскій царь и дожъ венеціанскій—
Агисъ и Фалиеро.

Бенинтендъ. Можетъ быть,
Ты намъ еще имѣешь что сказать,
Иль поручить?

Дождь. Могу я говорить?

Бенинтендъ. Да, говори; но только не забудь,
Что голосъ человѣческой отсюда
Напрасно бы къ народу вопіялъ.

Дождь. Я буду говорить не человѣку,

А Времени и Вѣчности, сейчасъ
Принять меня готовымъ. Вы, стихіи,
Съ которыми солюсь я! Пусть мой голосъ,
Какъ бурная душа въ васъ, перейдетъ!
Вы, голубыя волны, что носили
Мой гордый флагъ! Вы, вѣтры, что играть
Любили съ нимъ и паруса мои,
Летѣвшіе къ побѣдамъ, надували!
Ты, родина, изъ-за которой я
Лилъ кровь мою, и вы, чужія земли,
Изъ столькихъ ранъ поенныхъ той кровью!
Вы, камни, на которые она
Пролетѣла съ тѣмъ, чтобы подняться къ небу!
Вы, небеса, что примете ее!
Ты, солнце, что глядишь на этихъ тварей!
И Ты, что зажигаешь и гасишь
Громады солнць! Я призываю васъ
Въ свидѣтели! Я не безвиненъ; но
Они ли неповинны?.. Я погибну,
Но отомщенный: грозные вѣка
Надъ бездною временъ встаютъ, и взору,
Готовому погаснуть, открываютъ
Судьбу, что ждетъ надменный этотъ городъ,
Который я и проклиная. Да,
Въ молчаньи зараждается день мщенья,
Когда тотъ самый городъ, что возникъ,
Какъ щитъ противъ Аттилы, покорится
Исчадію Аттилы; безъ борьбы,
Позорно покорится, не проливъ
Въ послѣдней оборонѣ больше крови,
Чѣмъ приметъ въ возліаніе изъ этихъ
Жилъ старческихъ, изсякнувшихъ въ бояхъ
За честь его. Онъ будетъ продаваться
И покупаться съ торгу, и за то

Онъ будетъ презираемъ торгашами.
Изъ царства онъ въ помѣстье, изъ столицы
Въ такой презрѣнный городъ превратится,
Что нищѣ—патрициевъ, рабы—
Сенаторовъ, продажный сбродъ—народъ
Въ немъ будутъ представлять. Тогда, въ то время,
Когда твои дворцы займутъ жида,
А управлять тобою будутъ гунны,
А по твоимъ базарамъ будутъ греки
Расхаживать съ улыбкою хозяевъ;
Когда твои патрициі пойдутъ
Вымалывать по темнымъ переулкамъ
Свой горькій хлѣбъ и жалобить своимъ
Униженнымъ дворянствомъ проходящихъ;
Когда и тѣ, что жалкую кроху
Уберегутъ отъ громкаго наслѣдства
Отцовскаго, почтутъ себѣ за честь
Предъ варварскимъ намѣстникомъ сгибаться
Въ стѣнахъ дворца, гдѣ были ихъ отцы
Владыками, и гдѣ они владыку
Убить хотятъ; когда твои сыны
Гордятся будутъ знатностью въ то время,
Какъ гордость матерей ихъ низойдетъ
Да иноземнаго солдата, гондолбера
Плечистаго—и этотъ срамъ дѣтей,
Такъ прижитыхъ, удѣломъ будетъ внуковъ;
Когда они на лѣстницѣ существъ
Такъ упадутъ, что побѣдитель будетъ
Ихъ возвращать разбитому врагу,
Бездѣльникъ—презирать за ихъ негодность,
Послѣдній негодяй—пренебрегать
За мерзость ихъ чудовищныхъ пороковъ,
Немыслимыхъ, какихъ вообразить
Еще не смѣлъ ничей на свѣтѣ кодекст;

Когда твой Кипръ, утраченный тобой,
Оставить по себѣ въ твое наслѣдство
Лишь тотъ развратъ, въ которомъ превзошелъ
Гоморру онъ... но не такихъ блудницъ,
Какими будутъ дочери твои;
Когда къ тебѣ вампирами прильнуть
Всѣ бѣдствія народовъ покоренныхъ—
Порокъ безъ увлеченія, развратъ,
Нескрашенный смягчающей любовью,
Грѣхи плотеугодыя изъ одной
Безстрастной, оскверняющей, холодной
Привычки, изощренной ремесломъ;
Когда всѣ эти язвы на тебя
Со множествомъ другихъ падутъ; когда
Твой смѣхъ безъ радости, твои забавы
Безъ прелести, сѣдины безъ почета;
Безъ увлеченій молодость, позоръ
Безсилія, давленность и чувство
Носимаго ярма—противъ чего
Возстать ты будешь низко, возрощать
Не будешь смѣть—когда тебя все это
Межъ людными пустынями поставитъ
Зловѣщимъ пустыремъ—тогда, въ твоей
Послѣдней агоніи, вспоминая
Про всѣ твои убійства, не забудь
И о моемъ! Ты—ты вертепъ опоиць,
Спивающихся кровью государей *)!
Геенна водная! морской Содомъ!
Богамъ я преисподнимъ предаю,

*) Изъ первыхъ пятидесяти венеціанскихъ дождей пять совершили отреченіе; пять были наказаны ослѣвленіемъ и изгнанны; пять зарѣзаны и девять низвергнуты.

Имъ предаю тебя и все твое
Змѣнное рожденье!

*(Оборачивается и обращается
къ палачу).*

Рабъ, кончай.

Рази, какъ я разилъ его враговъ!

Рази, какъ я хотѣлъ разить тирановъ!

Рази, какъ глубоко мое проклятье!

Рази—лишь разъ!

*(Дождь быстро опускается
на колѣни; палачъ поднимаетъ
топоръ; сцена закрывается).*

СЦЕНА IV.

Большая и Малая площади св. Марка.— Крыльце дожескаго дворца; рѣшетчатя
двери крыльца заперты; кругомъ толпа народа.

1-й горожанинъ. Вотъ такъ!—я у дверей; вонъ наши Де-
сать;

Одѣты всѣ въ парадъ, стоятъ кружкомъ;
Въ срединѣ дождь.

2-й горожанинъ. Нѣтъ, я ужь не могу
Никакъ къ тебѣ протиснуться. Что тамъ?
Дай хоть послушать, все полегче будетъ;
Тамъ у дверей-то видно.

1-й горожанинъ. Вотъ одинъ
Подходить къ дождю—съ головы его
Срываютъ дожескую шапку... Онъ
Глаза возводитъ къ небу—вотъ на нихъ
Вперяетъ взглядъ—вотъ что-то говорить.
Чу! стойте!.. чу!.. Нѣтъ, ничего не слышно.
Фу, даль проклятая! ни одного,
Какъ есть, не слышно слова... А ворчить
Онъ что-то шибко—словно громъ вдали.
Хоть что нибудь бы услышать.

2-й горожанинъ.

Чу! стой!

Быть можетъ, мы словце какое схватимъ.

1-й горожанинъ. Нѣтъ, не слыжать. Какъ вѣтромъ воздымаеть

Его сѣдые волосы—точь въ точь
Мерскую пѣну. Вотъ онъ на колѣни
Становится... Они сомкнулись цѣпью
Вокругъ него... Теперь ужь ничего
Не разберешь... Но вотъ уже топоръ
На воздухъ... Ахъ! ахъ! онъ опустился!

(Въ народъ глухой ропотъ).

3-й горожанинъ. Онъ насъ освободить хотѣлъ, а вотъ
Они его убили.

4-й горожанинъ. Онъ всегда

Былъ добрымъ человѣкомъ для народа.

5-й горожанинъ. Ну, благо имъ, что дверь то заперта.

Знай только мы заранѣй, что за дѣло

Они тутъ затѣвали, мы могли

Взять топоры, чтобъ отворить ее.

6-й горожанинъ. Да точно ль съ нимъ покончили еще?

1-й горожанинъ. Я видѣлъ, какъ топоръ упалъ... Пстой!

Намъ что-то объявить хотять—смотри!

(На балконъ дворца, обращенномъ къ площади св. Марка, появляется Президентъ Десяти, съ окровавленнымъ топоромъ. Онъ трижды взмахиваетъ имъ передъ народомъ и провозглашаетъ):

«Измѣнника постигло правосудье!»

(Дверь отворяютъ; толпы устремляются къ Лѣстницѣ Гигантовъ. Очутившіеся впереди кричатъ заднимъ):

По ступенямъ Гиганта голова

Кровавая кувиркается книзу.

Содержаніе.

	Стр.
I. Элиза Ожешко. Низины, повѣсть. Переводъ Р. А. Гарднеръ	1
II. Маркъ Твайгъ. Приключенія Гокльберри Финна, романъ. Переводъ А. Г. Маркеловой. (Окончаніе)	74
III. Л. Анценгруберъ. Позорное Пятно, романъ. Переводъ П. З. Крылова (Продолженіе)	106
IV. Эрнестъ Вильденбрухъ. Еще Одна, повѣсть. Переводъ Е. К. Келтисъ	142
V. Фридрихъ Шильгагенъ. У цѣлебнаго источника, романъ. Переводъ А. Г. Каррикъ	201

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

VI. Памяти В. Гюго.	1
VII. Изъ современныхъ китайскихъ правовъ	11

VIII. Приложеніе: Марино Фальеро. Трагедія Байрона. Переводъ Е. Ф. Зарина. (Восьмой, девятой и десятый листы. Окончаніе).

П О В Ъ Д И Л А !

КОМЕДИЯ ВЪ 3-ХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ОЛИВЕРА ГОЛЬДСМИТА *).

Переводъ Г. Райсъ.

Л И Ц А :

Сэръ Чарльзъ Марловъ.
Гарднестль.
Молодой Марловъ.
Гастингсъ.
Тони Лемпинъ.
Стинго.
Диггори.
Роджеръ.
Ральфъ.
Грегори.

Томъ Твистъ.
Джень Сленгъ.
Томъ Тимль.
Днереми.
Меть Меггинсъ.
Слуга.
Мистриссъ Гарднестль.
Миссъ Гарднестль.
Миссъ Невиль.
Служанна.

*) Оливеръ Гольдсмита (1728—1774), одинъ изъ самыхъ популярныхъ писателей своего времени, знакомъ русской публикѣ, да и вообще европейской только по одному своему произведенію «Векфильдскій Священникъ». Но онъ также писалъ поэмы и комедіи. Въ лозмахъ, напр. въ «Путешественникѣ» и «Опустѣлой Деревнѣ», Гольдсмита проявилъ чрезвычайно искреннее и тонкое пониманіе красоты природы и связъ ихъ воспріятія съ личнымъ настроеніемъ чловѣка. Въ своихъ же комедіяхъ онъ является настоящимъ ирландцемъ, котораго любить самъ отъ души посмѣяться и другихъ умѣетъ насмѣшить. — Комедія «Побѣдила» принадлежитъ къ числу любимыхъ пьесъ въ Англіи.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

СЦЕНА I.

Комната въ старинномъ помѣщицкѣмъ домѣ.

Входятъ Гардкестль и мистриссъ Гардкестль.

М-ръ Гардкестль. Какой ты, право, глупый! Ну, найдется ли хоть одинъ человѣкъ у насъ въ околотеѣ, который бы не ѣздилъ иногда въ Лондонъ, чтобы стряхнуть съ себя плѣсень? И обѣ миссъ Гопсъ, и наша сосѣдка мистриссъ Григзби каждую зиму уѣзжаютъ на мѣсяць провѣтриться.

Гардкестль. И запасаются тщеславіемъ и гримасами на цѣлый годъ. Удивлюсь, отчего онѣ не остаются тамъ. Въ мое время лондонскія глупости медленно доходили до насъ, а теперь онѣ почту обгоняютъ. Щегольство проникаетъ всюду.

М-ръ Гардкестль. Твое время! Чтѣ и говорить! Который годъ ты намъ рассказываешь про него! Вотъ мы живемъ въ старомъ домѣ, который похожъ на гостиницу, а общества не видимъ. Старая-мистриссъ Одфишъ, жена священника да маленькій Криплгетъ, хромой учитель танцевъ—вотъ наши гости, а наше развлеченіе — твои вѣчныя исторіи про герцога Мальбору и принца Евгенія. Я ненавижу эту старину.

Гардкестль. А я такъ люблю все старое: старыхъ друзей, старыя времена, книги, обычаи старинныя, вино старое. И ты должна сознаться, Доротей, что старую жену я также очень люблю.

М-ръ Гардкестль. Боже! Ужъ ты вѣчно со своими Доротейми и старыми женами! Можешь воображать себя Филимономъ, но я не желаю быть Бавкидой. И я вовсе не такъ стара, какъ ты думаешь. Сложи-ка двадцать и двадцать, чтѣ выйдесть?

Гардкестль. Посчитаемъ. Двадцать да двадцать, и будетъ пятьдесятъ семь.

М-рсь Гардкестль. Неправда, мистеръ Гардкестль. Мнѣ было двадцать лѣтъ, когда у меня отъ перваго мужа, м-ра Лемпкина, родился Тони, а онъ еще несовершеннолѣтній.

Гардкестль. И никогда имъ не будетъ, могу за него отвѣтить. Прекрасно ты, его воспитала, нечего сказать!

М-рсь Гардкестль. Не бѣда. У Тони хорошее состояніе. Моему сыну не прійдется кормиться своею ученостью. Мальчику не нужно большое ученье, чтобы умѣть проживать полторы тысячи въ годъ.

Гардкестль. Ученье! Одно повѣсничанье да шалости!

М-рсь Гардкестль. Веселый характеръ, голубчикъ, веселый характеръ! Полно, мистеръ Гардкестль, дай же пофѣзвиться мальчику.

Гардкестль. Если жечь лакейскіе сапоги, пугать горничныхъ, мучить котятъ означаетъ веселый характеръ, то у него дѣйствительно веселый характеръ. Не далѣе какъ вчера, онъ привязалъ мой парикъ къ спинкѣ стула, и когда я нагнулся, то ударился голою головой въ лице мистриссъ Фрицль.

М-рсь Гардкестль. Развѣ я въ этомъ виновата? Бѣдный мальчикъ былъ всегда слабаго здоровья, и въ школѣ онъ навѣрно умеръ бы. Вотъ когда онъ поправится, тогда поступить на годъ или на два. Латынь, можетъ быть, исправить его.

Гардкестль. Латынь для него! Все равно, что скрипка для кота. Нѣтъ, нѣтъ. Трактиры и конюшни — вотъ единственная школа для него.

М-рсь Гардкестль. Все равно, не надо обижать бѣднаго мальчика. Я думаю, онъ не долго проживетъ. Стоитъ только взглянуть на него—сейчасъ видно, что онъ чахоточный.

Гардкестль. Ну да, если толщина признаковъ болѣзни...

М-рсь Гардкестль. Онъ часто кашляетъ.

Гардкестль. Да, когда водка попадетъ не туда, куда слѣдуетъ.

М-рсь Гардкестль. Я боюсь за его легкія.

Гардкестль. Я также—потому, что онъ иногда горланить, какъ труба. (*За сценой голосъ Тони*). Вотъ онъ идетъ. Что и говорить, чахоточное лице!

Входитъ Тони.

М-рсь Гардкестль. Тони, куда ты идешь, моя прелесть? Не посидишь ли немного съ нами?

Тони. Я тороплюсь, мамаша, и не могу остаться.

М-рсь Гардкестль. Неужели ты намѣренъ выйти въ такой сырой вечеръ? Но у тебя ужасный видъ.

Тони. Я не могу остаться, говорю вамъ. Меня ждуть въ трактирѣ «Трехъ Голубей». Тамъ знатная штука готовится.

Гардкестль. Ну да, въ трактирѣ, извѣстное дѣло. Я такъ и зналъ.

М-рсь Гардкестль. Тамъ собирается всякій сбродъ.

Тони. Вовсе не сбродъ, мамаша. Дикъ Меггинсъ, акцизный чиновникъ, Джекъ Сленгъ, лошадиный докторъ, маленький Аминадебъ, что вытаскиваетъ музыкальные ящики, и Томъ Твистъ, который торгуетъ оловянными шариками.

М-рсь Гардкестль. Пожалуйста, голубчикъ, измѣни имъ хоть на этотъ разъ.

Тони. Я не очень-то дорожу ими, но себя огорчать не желаю.

М-рсь Гардкестль. (*Удерживая его*). Ты не пойдешь.

Тони. А пойду.

М-рсь Гардкестль. Не пойдешь, говорю тебѣ.

Тони. Мы увидимъ, кто сильнѣе: вы или я. (*Уходитъ, увлекая ее за собою*).

Гардкестль. Милая парочка! Только портятъ другъ друга! Въ нынѣшнее время право все, кажется, готовы выкинуть за дверь здравый смыслъ и скромность. Вотъ идетъ моя милочка Кетъ; она поддалась новому вѣянію. Прожила годъ или два въ Лондонѣ и полюбила французскія балаболки, какъ любая изъ тамошнихъ щеголихъ.

Входитъ миссъ Гардкестль.

Гардкестль. Добро пожаловать, моя прелестная невинность. Раздѣта по обыкновенію. Боже! Сколько лишняго шелку на тебѣ, дѣвочка! Нѣтъ, видно не втолкуешь безумнымъ въ этомъ возрастѣ, что нѣсколько человѣкъ нищихъ можно было бы одѣть и обуть на деньги, заплаченные за всѣ эти ваши украшения.

Миссъ Гардкестль. Вы помните наше условіе? По утрамъ вы разрѣшили мнѣ принимать и отдавать визиты и одѣваться такъ, какъ мнѣ нравится, а вечеромъ я надѣваю домашнее платье, чтобы сдѣлать вамъ удовольствіе.

Гардкестль. Хорошо. Я требую соблюденія этого условія и сегодня же вечеромъ испытаю твое послушаніе.

Миссъ Гардкестль. Я васъ не понимаю.

Гардкестль. Я буду откровененъ съ тобою, Кетъ. Я ожидаю сегодня изъ Лондона молодаго человѣка, котораго выбралъ тебѣ въ мужья. Я получилъ письмо отъ его отца. Онъ пишетъ, что сынъ его уже уѣхалъ, и самъ онъ скоро послѣдуетъ за нимъ.

Миссъ Гардкестль. Неужели? Жаль, что я не знала этого раньше. Господи! Чтò мнѣ теперь дѣлать? Тысяча шансовъ, что онъ мнѣ не понравится, и наша встрѣча выйдетъ такая церемонная, въ родѣ дѣловаго свиданія, что я не въ состояніи буду почувствовать расположеніе или уваженіе къ нему.

Гардкестль. Будь увѣрена, дитя мое, что принуждать тебя я не стану, но мистеръ Марловъ—сынъ моего стараго пріятеля, сэра Чарльза, о которомъ я вамъ много рассказывалъ. Молодой джентльменъ хорошо образованъ и долженъ получить хорошее мѣсто. Мнѣ говорили, что онъ человѣкъ очень умный.

Миссъ Гардкестль. Умный?

Гардкестль. И очень добрый.

Миссъ Гардкестль. Почему знать, можетъ быть, онъ и понравится мнѣ.

Гардкестль. Молодой, храбрый.

Миссъ Гардкестль. Наверно понравится.

Гардкестль. И красивой наружности.

Миссъ Гардкестль. Милый папа, ни слова болѣе. (*Цылуетъ у него руку*). Онъ мнѣ нравится.

Гардкестль. И къ довершенію всего, Кетъ, онъ одинъ изъ самыхъ скромныхъ и застѣнчивыхъ людей.

Миссъ Гардкестль. Ну! Вотъ вы меня и испугали до смерти! Всѣ его совершенства теряютъ отъ этого свою прелесть. Я отъ многихъ слышала, что застѣнчивый женихъ бываетъ подозрительнымъ мужемъ.

Гардкестль. Напротивъ, скромность рѣдко можно встрѣтить въ человѣкѣ; не надѣленнымъ благородными добродѣтелями. А мнѣ такъ очень нравится именно эта черта въ его характерѣ.

Миссъ Гардкестль. А чтобы мнѣ понравиться, онъ долженъ имѣть болѣе выдающіяся качества. Но если онъ молодой и такъ красивъ, какъ вы говорите, можетъ быть, я полажу съ нимъ.

Гардкестль. Но, Кетъ, тутъ есть еще одно препятствіе. Почему знать, можетъ быть, ты не понравишься ему?

Миссъ Гардкестль. Милый папа, зачѣмъ вы огорчаете меня? Если онъ не захочетъ меня, то я, вмѣсто того, чтобы разбить свое сердце, разобью свое зеркало за его лестъ, передѣлаю шляпку на новый фасонъ и буду искать другаго, менѣе придирчиваго, жениха.

Гардкестль. Молодцемъ рѣшила! Теперь я пойду и займусь прислугой для его приѣма. Такъ какъ у насъ рѣдко бываютъ гости, то ихъ надо учить также долго, какъ новобранцевъ въ первый день смотра. (*Уходитъ*).

Миссъ Гардкестль. Однако, папа смутилъ меня своею новостью. Молодой, красивый—онъ это ни во что не ставитъ,

а для меня это самое главное. Доброе сердце—это недурно. Но скромный и застѣнчивый—вотъ ужъ это плохо. Впрочемъ онъ можетъ вылечиться отъ своей рбоости, выучившись гордиться своею женой. Я не прочь отъ такого мужа. Признаюсь въ этомъ, хотя и не знаю, поправлюсь ли я ему.

Входитъ миссъ Невиль.

Миссъ Гардкестль. Голубушка Констанція, я рада, что ты пришла. Скажи ты мнѣ, какъ я выгляжу сегодня? Не замѣчаешь ли ты во мнѣ чего нибудь особеннаго? Какъ на твои глаза, интересна я?

Миссъ Невиль. Очень. Погляди-ка на меня. Надѣюсь, ничего не случилось ни съ канарейками, ни съ золотыми рыбками? Не подрался ли твой братецъ съ котомъ? Или, можетъ быть, тебя растрогаль новый романъ?

Миссъ Гардкестль. Нѣтъ, ничего такого. Но мнѣ угрожаетъ опасность, отъ которой врядъ ли можно избавиться... Жениха сватають мнѣ.

Миссъ Невиль. Его фамилія?

Миссъ Гардкестль. Марловъ.

Миссъ Невиль. Неужели?

Миссъ Гардкестль. Сынъ сэра Чарльза Марлова.

Миссъ Невиль. Близкій другъ мистера Гастингса, моего поклонника. Они неразлучны. Ты его вѣрно видѣла, когда мы были въ Лондонѣ.

Миссъ Гардкестль. Никогда.

Миссъ Невиль. У него очень странный характеръ. Въ обществѣ порядочныхъ женщинъ онъ удивительно какой скромный, но его знакомые говорятъ, что онъ совсѣмъ иной, когда бываетъ съ женщинами другаго сорта. Ты понимаешь?

Миссъ Гардкестль. Въ самомъ дѣлѣ, странный характеръ. Мы не сойдемся. И что мнѣ дѣлать?.. Ну, да Богъ съ нимъ, не стану думать о немъ. Какъ твои дѣла идутъ, голубчикъ? Мамаша все еще надоѣдаетъ тебѣ съ братцемъ Тони?

Миссъ Невиль. Я сейчасъ только имѣла съ нею одинъ

изъ нашихъ пріятныхъ tête-a-tête. Она осыпала меня любезностями и восхваляла своего уродца, какъ верхъ совершенства.

Миссъ Гардкестль. Она такъ пристрастна къ нему, что въ самомъ дѣлѣ считаетъ его такимъ. А твое богатство соблазняетъ ее, и ей бы не хотѣлось выпустить его изъ своихъ рукъ.

Миссъ Невиль. Мое состояніе, состоящее изъ драгоценныхъ камней, вовсе не такой ужъ большой соблазнъ. Во всякомъ случаѣ, если только мой дорогой Гастингсъ не измѣнитъ мнѣ, я поступлю жестоко съ ней, а пока пусть думаетъ, что я влюблена въ ея сына. Она и не подозрѣваетъ, что я люблю другаго.

Миссъ Гардкестль. Мой братецъ также идетъ ей наперекоръ. Я почти рада тому, что онъ тебя терпѣть не можетъ.

Миссъ Невиль. У него въ сущности доброе сердце, и я увѣрена, что онъ былъ бы очень радъ, если бъ я вышла замужъ, все равно за кого, лишь бы не за него... Никакъ тетинъ колокольчикъ... насъ зовутъ на прогулку. Пойдемъ и запасемъ мужествомъ, такъ какъ дѣла наши плохи.

Миссъ Гардкестль. Вотъ было бы славно, если бъ теперь была уже ночь и можно бы пойти спать. (*Уходятъ*).

СЦЕНА II.

Трактиръ.

За столомъ кампанія ободранныхъ людей; пьютъ и курятъ. Тони на главномъ мѣстѣ, выше всѣхъ, держитъ молотокъ.

Всѣ. Ура, ура, ура, браво!..

Тикль. Господа, теперъ помолчите. Сквайръ будетъ пѣть.

Тони. Я спою вамъ, господа, пѣсню въ честь трактира Трехъ Голубей. (*Поетъ пѣсню*).

Всѣ. BRAVO, BRAVO!

Сленгъ. Я люблю слушать сквайра, потому что онъ никогда не поетъ мужицкихъ пѣсень.

Тони. Къ чорту мужичье! Я не выношу его.

Меггинсъ. Благородная штука всегда благородная штука, и человекъ остается джентльменомъ, чѣмъ бы онъ ни занимался.

Твистъ. Справедливо сказано, мистеръ Меггинсъ. Я обучаю медвѣдя танцамъ, и все-таки джентльменъ. Пусть я отправлюсь вотъ этимъ напиткомъ, если я вру: мой медвѣдь танцуетъ только подъ звуки самой благородной музыки, напр: «Вода потекла» или менуэтъ изъ «Аriadны».

Сленгъ. Какая жалость, что сквайръ не имѣетъ своей воли! Возликовали бы тогда всѣ трактирщики на десять миль въ округности.

Тони. Такъ и будетъ, мистеръ Сленгъ. Я тогда покажу, что значить возвращаться въ избранномъ обществѣ.

Сленгъ. О, онъ ^{якобы} ~~будетъ~~ подражать своему отцу. Старый сквайръ Лемкинъ былъ изъ джентльменовъ джентльменъ, какихъ я только видѣлъ когда нибудь. Затрубить ли въ рогъ, загнать ли зайца или дѣвку въ кустарникъ—онъ умѣлъ, какъ никто. И у него были самыя лучшія лошади, собаки и дѣвухи во всей этой мѣстности.

Тони. Погодите, я не ударю лицомъ въ грязь, когда придетъ мое время. Я уже подумываю о Бетъ Бонсеръ и также о сѣрой кобылѣ мельника. Но что же, друзья? Пейте и будьте веселы, не вамъ платить... Ну, Стинго, что случилось?

Входитъ Стинго, хозяинъ.

Стинго. Приѣхали два джентльмена въ почтовой каретѣ, говорятъ, что заблудились въ лѣсу, въ разговорѣ поминали мистера Гардкестля.

Тони. Одинъ изъ нихъ навѣрно тотъ, что приѣхалъ для моей сестры. Похожи они на лондонцевъ?

Стинго. Кажется, похожи. А больше смахиваютъ на французовъ.

Тони. Такъ проси ихъ остановиться здѣсь. Я имъ укажу дорогу. (*Стинго уходитъ*). Господа, вы уйдите-ка на минут-

ку, они могутъ вамъ помѣшать, я скоро присоединюсь къ вамъ. (*Онъ уходитъ*). Цѣлые полгода меня вотчимъ ругалъ и щенкомъ, и собакой; теперь я могу, если хочу, отомстить старому брюзгѣ. Правда, страшновато... ну, да чего мнѣ бояться! Я вѣдь скоро буду совершеннолѣтній, такъ что онъ со мной подѣлаетъ?

Входятъ Стинго, Марловъ и Гастингсъ.

Марловъ. Какой скучный день выдался! Сказали, что не болѣе сорока миль будетъ, а мы проѣхали трижды сорокъ.

Гастингсъ. И все это, Марловъ, благодаря твоему нежеланію почаще справляться насчетъ дороги.

Марловъ. Признаюсь, я не люблю обязываться всякому встрѣчному-поперечному, рискуя получить невѣрный отвѣтъ.

Гастингсъ. А теперь намъ никакого отвѣта не получить.

Тони. Извините, господа, но я слышала, что вы спрашивались о мистерѣ Гардкестлѣ. Вамъ извѣстно, въ какой мѣстности вы находитесь?

Гастингсъ. Нѣтъ, мы не знаемъ и будемъ благодарны, если вы намъ сообщите.

Тони. И по какой дорогѣ вы ѣхали, не знаете?

Гастингсъ. И того не знаемъ, но если вы...

Тони. И такъ, господа, если вы не знаете, въ какую сторону вамъ ѣхать, не знаете, куда заѣхали, по какой дорогѣ ѣхали, то первымъ дѣломъ имѣю сообщить вамъ, что вы заблудились.

Марловъ. Это и безъ васъ намъ извѣстно.

Тони. А смѣю я спросить, откуда вы ѣдете?

Марловъ. Вамъ вовсе не нужно этого знать, чтобы указать намъ дорогу.

Тони. Прощу извинить, но спросъ не бѣда. Это тотъ самый Гардкестль, старикъ, злой, взбалмошный и безобразный, у котораго есть дочь и также сынъ красивой наружности?

Гастингсъ. Мы лично не знаемъ этого господина, но у него есть дѣйствительно семейство, о какомъ вы упоминаете.

Тони. Дочка — неуклюжая, болтливая, грязная дылда, а сынъ — образованный, красивый юноша, который пользуется всеобщей симпатіей.

Марловъ. Мы слышали совсѣмъ другое. Дочь, говорятъ, очень хороша собою и образована, а сынъ — глупый повѣса, совсѣмъ избалованный своею матерью.

Тони. Гм... гм... Такъ я долженъ вамъ доложить, господа, что сегодня вы не попадете къ мистеру Гардкестлю.

Гастингсъ. Какая досада!

Тони. Дорога длинная, отератительная, грязная, ухаби-стая. Стинго, объясни имъ, какъ проѣхать къ мистеру Гардкестлю. (*Дѣлаетъ ему знаки*). Мистеръ Гардкестль, что жить на «Болотѣ», знаешь?

Стинго. Мистеръ Гардкестль! Порядочный крюкъ вы сдѣлали, господа. Вамъ надо было свернуть въ Тыквенный переулокъ и ѣхать до перекрестка, гдѣ четыре дороги...

Марловъ. Четыре дороги?

Тони. Вы должны знать, которую выбрать изъ нихъ.

Марловъ. Вы, я вижу, любите посмѣяться.

Тони. Съ перекрестка надо свернуть направо, ѣхать до «Пустовщины», а тамъ прямо вплоть до «Гумной» фермы. Потомъ повернуть направо, потомъ налѣво, потомъ снова направо, и когда доѣдете до Старой мельницы...

Марловъ. Чортъ возьми! Это все равно, что меридіанъ отыскивать.

Гастингсъ. Что же дѣлать, Марловъ?

Марловъ. Помѣщеніе здѣсь небольшое, но можетъ быть, хозяинъ приютитъ насъ на ночь.

Стинго. Ахъ, сударь! Въ домѣ-то у меня одна лишь кровать порожняя.

Тони. И та уже занята, насколько мнѣ извѣстно, тремя

ночлежниками. (*Посль паузы*). А нельзя ли устроиться какъ нибудь на трехъ стульяхъ около камина? Какъ ты думаешь, Стинго? Подушка вѣдь найдется.

Гастингсъ. Я терпѣть не могу спать около камина.

Марловъ. А я ненавижу ваши стулья и подушки.

Тони. Не нравится? Такъ что же придумать?.. Ба! да вѣдь близехонько отсюда «Оленья Голова», одна изъ лучшихъ гостиницъ въ этомъ околдкѣ.

Гастингсъ. О, такъ мы, значить, найдемъ пристанище на эту ночь.

Стинго (*тихо Тони*). Неужели вы пошлете ихъ къ вашему отцу, какъ въ гостиницу?

Тони (*тихо*). Молчи, дуракъ, пускай сами догадываются. (*Громко*). Вы поѣзжайте прямо; какъ увидите большой домъ на дорогѣ съ большими рогами надъ дверью, такъ въѣзжайте во дворъ и громко позвоните.

Гастингсъ. Мы вамъ очень благодарны, сэръ. Наши люди, я думаю, найдутъ дорогу.

Тони. Конечно. Но я васъ долженъ предупредить, что хозяинъ богатый человѣкъ, думаетъ продать свою гостиницу и любить, чтобы къ нему относились съ почтеніемъ. Онъ себя считаетъ джентльменомъ... Ха, ха, ха! Онъ сочтетъ своимъ долгомъ занять васъ разговоромъ и будетъ увѣрять васъ, что матушка его занимала мѣсто старшины, а тетушка была мировымъ судьей.

Стинго. Старый болтунъ онъ, это правда, но за то у него лучшее вино и лучшія постели во всей этой мѣстности.

Марловъ. Намъ только это и нужно. Такъ вы говорите, направо надо повернуть?

Тони. Нѣтъ, нѣтъ, все прямо ѣхать. Я выйду вмѣстѣ съ вами и покажу вамъ. (*Тихо Стинго*). Молчокъ. (*Уходятъ*).

Стинго. Вотъ такъ сыночекъ миленькій, забавникъ!..

(*Уходитъ*).

СЦЕНА III.

Та же комната, что и въ первой сценѣ.

Входятъ Гардкестль, Диггори, Роджеръ и другіе слуги.

Гардкестль. Я надѣюсь, что вы теперь знаете, какъ служить за столомъ. Я училъ васъ цѣлыхъ три дня. Запомнили вы? Вы конечно знаете свои мѣста и покажете, что привыкли служить въ хорошемъ обществѣ.

Всѣ. Да, да!

Гардкестль. Когда гости пріѣдутъ, вы не выскакивайте, не пяльте глазъ, не бѣгайте, какъ угорѣлые, какъ испуганные кролики въ норѣ.

Всѣ. Нѣтъ, нѣтъ!

Гардкестль. Ты, Диггори, прежде хлѣбъ молотившій, будешь ходить вокругъ стола, а ты, Роджеръ, до сихъ поръ ходившій за плугомъ, теперь стой за моимъ стуломъ. Да не стойте такъ, руки по карманамъ. Долой руки изъ кармановъ. Ты, Роджеръ, сними руки съ головы, пустоголовый! Смотрите, какъ Диггори держитъ руки. Грубоваты онѣ немножко, ну, да не бѣда.

Диггори. Сначала развѣ я такъ держалъ?.. А вотъ побылъ въ солдатахъ и выучился... Бывало, на ученѣ...
Гардкестль. Ты, Диггори, не болтай такъ много. Вы смотрите, будьте внимательны къ гостямъ и не вмѣшивайтесь въ наши разговоры. Вы только смотрите на насъ, какъ мы будемъ пить, и не думайте сами о питьѣ, смотрите, какъ мы будемъ ѣсть, и не думайте о ѣдѣ.

Диггори. Это никакъ нельзя, ваша милость. Я какъ увижу, что люди ѣдятъ, и самъ всегда захочу полакомиться.

Гардкестль. Болванъ! Не все ли равно, гдѣ поѣсть: въ кухнѣ или въ столовой? Успокой свое брюхо этой мыслью.

Диггори. Покорнѣйше благодарю! Я успокою его въ чуланѣ кускомъ холодной говядины.

Гарджестль. Диггори, какой ты болтунъ! Стало быть, если я скажу что нибудь смѣшное, начну рассказывать хорошую исторію какую нибудь, вы не смѣйте хохотать, какъ будто и вы въ числѣ гостей.

Диггори. Ну, въ такомъ случаѣ ваша милость не должны рассказывать про стараго Груза. Мнѣ не втерпезъ, когда я слышу про него... Ха, ха, ха! Двадцать слишкомъ лѣтъ мы потѣшаемся надъ нимъ. (*Всѣ смѣются*).

Гарджестль. Ха, ха, ха! Исторія-то забавная. Ну, пожалуй, смѣйся, братецъ. Но будьте внимательны, слышите? Если кто нибудь изъ гостей попроситъ вина, какъ вы сдѣлаете?.. Прошу стаканъ вина! (*Обращается къ Диггори*). Ну, что же ты не двигаешься?

Диггори. Я, ваша милость, робѣю, пока не поставятъ на столъ ѣду и питье; тогда я сдѣлаюсь храбрый какъ левъ.

Гарджестль. Стаканъ вина подайте! Ну, опять никто ни съ мѣста.

1-й слуга. Я не смѣю сойти со своего мѣста.

2-й слуга. Это не мое дѣло.

3-й слуга. И не мое.

Гарджестль. Ахъ, вы болваны этикіе! Вы будете спорить, а гости, по вашей милости, голодные останутся. Чортовы дѣти! Опять, видно, мнѣ возиться съ вами... Что это, никакъ экипажъ вѣхалъ во дворъ. (*Звонокъ*). По мѣстамъ, болваны! Я пойду гостей встрѣчать. (*Уходитъ*).

Диггори. Дюжина чертей! Не помню, вотъ те убей, гдѣ мое мѣсто. (*Уходитъ*).

Роджеръ. Гдѣ нибудь да долженъ же я стоять.

1-й слуга. Ахъ, чортъ... гдѣ мнѣ стоять?

2-й слуга. У меня работа есть, я уйду.

(*Убѣгаютъ въ разныя стороны*).

Входятъ Диггори, Марловъ и Гастингсъ. Диггори ставитъ свѣчи на столъ, кланяется по военному и уходитъ.

Гастингсъ. Наконецъ-то мы, послѣ сегодняшнихъ неприятностей, въ чистой и теплой комнатѣ. Честное слово, домъ очень недурень. Старинный, но удобный.

Марловъ. Обыкновенная судьба помѣщичьихъ домовъ. Хозяинъ вѣроятно разорился, живя на широкую ногу, и вотъ теперь наслѣдіе отцевъ превратилось въ постоянный дворъ.

Гастингсъ. Да, и за всѣ эти штуки намъ, путешественникамъ, приходится платить. Очень часто столовое серебро и лишнее украшеніе на каминѣ въ счетъ собственно не ставятся, но увеличиваютъ его весьма сильно.

Марловъ. Путешественники, Джоржъ, должны вездѣ платить, съ тою только разницей, что въ хорошей гостинницѣ платишь за роскошь и комфортъ, а въ плохой за то, что голодомъ тебя моряютъ и надуваютъ.

Гастингсъ. Ты порядочно поплатился по бѣлому свѣту. И для меня удивительно, что ты, со своимъ здравымъ смысломъ и опытностью, до сихъ поръ еще такой застѣнчивый и неразвязный.

Марловъ. Общая болѣзнь англичанъ! Да и гдѣ мнѣ было прибрѣсти эту развязность и самоувѣренность! Моя жизнь главнымъ образомъ протекла въ школѣ и трактирахъ, совсѣмъ далеко отъ той благородной части созданія, которая одна способна научить мужчину быть прямымъ и открытымъ. Ни одной порядочной женщины я не зналъ, кромѣ моей матери. Ну, а особы женскаго пола другаго сорта... Ты ихъ знаешь.

Гастингсъ. Съ ними ты даже дерзокъ.

Марловъ. Что съ ними церемониться, онѣ нашъ братъ.

Гастингсъ. Но за то въ обществѣ порядочныхъ женщинъ ты ведешь себя, какъ идіотъ, какъ бука какой. Ты имѣешь видъ человѣка, только и думающаго о томъ, какъ бы улізнуть изъ комнаты.

Марловъ. Да я и испытываю подобное желаніе всякій разъ, какъ нахожусь въ обществѣ; честное слово, я часто рѣшался преодолѣть свою робость, во что бы ни стало быть раз-

вязнымъ, но вся моя рѣшительность пропадаетъ передъ однимъ взглядомъ прекрасныхъ глазекъ. Нахаль можетъ надѣть на себя личину скромности, но пусть меня повѣсятъ, если скромный челоѣкъ въ состояніи когда нибудь разыграть нахала.

Гастингсъ. Если бы ты сказалъ имъ хоть половину тѣхъ любезностей, которыя при мнѣ ты расточалъ горничной въ гостиницѣ или въ коллегіи...

Марловъ. Но, Джоржъ, я не въ состояніи говорить имъ любезности. Онѣ замораживаютъ меня, страхъ на меня наводятъ. Люди боятся кометы, вулкановъ и т. п. пустяковъ, а для меня страшнѣе всего на свѣтѣ — красивая, нарядно одѣтая женщина изъ хорошаго круга.

Гастингсъ. Ха, ха, ха! Въ такомъ случаѣ, какже ты рассчитываешь жениться?

Марловъ. Я никогда не женюсь, развѣ только если можно будетъ заочно посвататься, какъ это водится у королей и принцевъ. Въ самомъ дѣлѣ, если бѣ можно было, по обычаю восточныхъ жениховъ, приобрести жену, не выдавъ ее раньше, это еще куда ни шло. Но самому пройти черезъ всѣ ужасы церемоннаго ухаживанія съ придачей тетушекъ, бабушекъ, кузинъ, и наконецъ напрямикъ брякнуть: согласны вы мнѣ выйти за меня? — нѣтъ, нѣтъ, это выше моихъ силъ.

Гастингсъ. Мнѣ жаль тебя. Но какъ ты намѣренъ держать себя въ отношеніи той леди, которую ты пріѣхалъ навѣстить по желанію твоего отца?

Марловъ. А такъ, какъ я держу себя со всѣми леди. Низкіе поклоны, «да» и «нѣтъ» на всѣ ея вопросы; а затѣмъ не думаю, чтобы я рискнулъ взглянуть ей въ лицо до пріѣзда моего отца.

Гастингсъ. Меня удивляетъ, что челоѣкъ, будучи такимъ горячимъ другомъ, можетъ быть такимъ холоднымъ женихомъ.

Марловъ. Правду сказать, мой дорогой Гастингсъ, такъ моею главной цѣлью въ этомъ дѣлѣ было содѣйствовать тво-

ему счастью, а не моему. Миссъ Невиль любить тебя; семейство тебя не знаетъ; въ качествѣ же моего друга тебя, можешь быть увѣренъ, отлично примуть.

Входитъ Гардкестль.

Гардкестль. Джентльмены, еще разъ сердечно привѣтствую васъ. Который будетъ мистеръ Марловъ? (*Марловъ выступаетъ*). Сэръ, добро пожаловать. Не въ моихъ привычкахъ, какъ видите, встрѣчать друзей, грѣя спину у огня; я сердечно встрѣчаю ихъ на старинный ладъ, у своихъ воротъ; я люблю самъ присмотрѣть, чтобы лошади ихъ были накормлены, а чемоданы поставлены на мѣсто.

Марловъ (*въ сторону*). Онъ ужъ узналъ наши имена отъ прислуги. (*Громко*). Мы одобряемъ ваше вниманіе и ваше гостепріимство, сэръ. (*Гастингсу*). Джоржъ, я думалъ о томъ, не перемѣнить ли намъ дорожный костюмъ на утренній? Мнѣ ужасно стыдно въ своемъ.

Гардкестль. Я прошу, мистеръ Марловъ, быть безъ церемоній въ этомъ домѣ.

Гастингъ. Мнѣ кажется, Чарльзъ, что ты правъ: первый ударъ — половина битвы. Мы же должны открыть кампанію.

Гардкестль. Мистеръ Марловъ, мистеръ Гастингсъ... джентльмены... прошу васъ не стѣсняться въ этомъ домѣ. Это домъ свободы, джентльмены: вы можете поступать, какъ вамъ угодно.

Марловъ. Но, Джоржъ, если мы поведемъ атаку слишкомъ ретиво, то намъ понадобится подкрѣпленіе, прежде чѣмъ она окончится. Мы должны показать свое искусство какъ полководцевъ, обезпечивъ себѣ въ случаѣ необходимости подкрѣпленіе.

Гардкестль. Вы говорите объ отступленіи, мистеръ Марловъ, это напоминаетъ мнѣ герцога Мальбору, когда онъ осаждалъ Денанъ. Сначала онъ призвалъ гарнизонъ...

Марловъ. Мы призовемъ вашъ гарнизонъ, старина. (*Хлопаетъ его по плечу*).

Гардкестль. Призвалъ гарнизонъ, который состоялъ почти изъ пятисотъ человѣкъ...

Гастингсъ. Марловъ, который часть?

Гардкестль. Я сказалъ, джентльмены, что онъ призвалъ гарнизонъ, который состоялъ почти изъ пятисотъ человѣкъ...

Марловъ (*смотритъ на часы*). Пять минутъ сегомаго.

Гардкестль. Который состоялъ почти изъ пятисотъ человѣкъ, снабженныхъ припасами, амуницией и другими предметами войны. «Теперь,—сказалъ герцогъ Мальбору Джоржу Бруксу, который стоялъ возлѣ него... вы, конечно, слыхали про Джоржа Брукса...—держу пари на мое герцогство, что овладѣю гарнизономъ, не проливъ ни одной капли крови...» И такъ...

Марловъ. Послушайте, любезный, если вы дадите намъ стаканъ пуншу, то это поможетъ намъ съ твердостью вынести осаду.

Гардкестль. Пуншу, сэръ! (*Въ сторону*). Въ первый разъ вижу такую удивительную скромность.

Марловъ. Да, сэръ, пуншу. Послѣ дороги стаканъ теплаго пунша доставить намъ удовольствіе. Это вѣдь домъ свободы.

Входитъ Диггори съ подносомъ.

Гардкестль. Сэръ, вотъ чаша.

Марловъ. (*Гастингсу*). Въ своемъ домѣ свободы онъ по своему хочетъ насъ угощать.

Гардкестль (*беретъ чашу*). Я надѣюсь, что это придется по вашему вкусу. Я самъ приготавливалъ. Вы согласитесь, надѣюсь, что ингредиенты сносны. Сэръ, не будете ли вы такъ любезны, чтобы выпить со мною? За упроченіе на-

шего знакомства, мистеръ Марловъ! (*Отпиваетъ немного и передаетъ чашу Марлову*).

Марловъ (*въ сторону*). Порядочный нахаль, но онъ типиченъ, я посмѣюсь надъ нимъ. (*Громко*). Сэръ, и къ вашимъ услугамъ.

Гастингсъ (*садится и въ сторону*). Этотъ человѣкъ навязываетъ свое общество и забываетъ, что онъ содержатель гостиницы, прежде чѣмъ онъ научился быть джентльменомъ.

Марловъ. Судя по отличнымъ качествамъ вашего напитка, я думаю, что у васъ много дѣла въ этой мѣстности. Во время выборовъ, горячая работа, я думаю. (*Передаетъ подносъ Гардкестлю*).

Гардкестль. Нѣтъ, сэръ. Я давно бросилъ эту работу. Мы совсѣмъ не занимаемся этимъ съ тѣхъ поръ, какъ наши власти стали выбирать другъ друга. (*Передаетъ подносъ Гастингсу*).

Марловъ. Вы, значитъ, не занимаетесь политикой?

Гардкестль. Нисколько. Прежде, бывало, и меня, какъ другихъ, волновали ошибки правительства; но такъ какъ съ каждымъ днемъ я все болѣе и болѣе злился, а правительство и не думало исправляться, то я предоставилъ имъ раздѣляться, какъ они знаютъ. И съ тѣхъ поръ, я столько же интересуюсь тѣмъ, кто у нихъ тамъ входитъ и кто выходитъ, сколько Джономъ Ноксомъ или Томомъ Стилемъ. Я въ нашемъ распоряженіи.

Гастингсъ. И такъ, кушая наверху и попивая внизу, принимая друзей у себя въ домѣ и забавляя ихъ внѣ дома, вы ведете пріятную, хлопотливую жизнь.

Гардкестль. Да, хлопочу изрядно, это вѣрно. Половина спорныхъ дѣлъ прихода рѣшается вотъ въ этой самой комнатѣ.

Марловъ (*нѣтъ*). И этой чашѣ, старый джентльменъ, вы находите аргументы получше тѣхъ, что находятъ въ Вестминстерѣ?

Гардкестль. Да, молодой джентльменъ, это и также немножко философіи.

Марловъ (*въ сторону*). Ну, въ первый разъ мнѣ приходится слышать о философіи содержателя гостиницы.

Гастингсъ. Вы, какъ опытный полководецъ, атакуете ихъ со всѣхъ пунктовъ. Когда вы находите, что можно дѣйствовать на ихъ разсудокъ, вы пускаете въ ходъ философію, когда же вы видите, что разсудка у нихъ нѣтъ, то употребляете этотъ способъ атаки. За ваше здоровье, философъ! (*Пьетъ*).

Гардкестль. Хорошо, очень хорошо, благодарю васъ. Ха, ха!.. Ваши слова объ искусствѣ полководца напоминаютъ мнѣ, что когда принцъ Евгенийъ воевалъ съ турками, то въ сраженіи при Бѣлградѣ...

Марловъ. вмѣсто сраженія при Бѣлградѣ, я думаю, теперь пора потолковать объ ужинѣ. Что ваша философія приговорила къ ужину?

Гардкестль. Къ ужину?... (*Въ сторону*). Было ли когда нибудь заявлено подобное требованіе хозяину дома!..

Марловъ. Да, сэръ, ужинъ, сэръ. Я начинаю чувствовать аппетитъ. Я чертовски опустошу сегодня ваши кладовыя.

Гардкестль (*въ сторону*). Мои глаза еще никогда не видали такой наглой скотины. (*Громко*). Ну, сэръ, что касается до ужина, я и самъ хорошенько не знаю. Моя Доротея и кухарка занимаются этимъ дѣломъ. Я совершенно предоставилъ имъ это.

Марловъ. Вы предоставили имъ?

Гардкестль. Совершенно. Кстати, я увѣренъ, что въ настоящую минуту онѣ заняты въ кухнѣ совѣщаніемъ, что приготовить къ ужину.

Марловъ. Такъ пусть онѣ меня примутъ на совѣщаніе. Я привыкъ такъ поступать. Когда я путешествую, я всегда самъ заказываю ужинъ. Позовите вашу кухарку. Вы не обидитесь, надѣюсь, сэръ.

Гардкестль. О, нѣтъ, сэръ, нисколько; но я право не знаю, наша Бриджетъ, кухарка, не очень-то сообщительна въ подобныхъ случаяхъ. Если мы призовемъ ее, она выругаетъ насъ на весь домъ.

Гастингсъ. Такъ покажите намъ карту блюдъ. Прошу этого какъ милости. Я принаравливаю свой аппетитъ къ цѣнѣ блюдъ.

Марловъ. Сэръ, онъ правъ; это также и мое правило.

Гардкестль (*смотритъ на нихъ съ удивленіемъ*). Сэръ, вы можете распоряжаться здѣсь. Диггори! Принеси намъ карту ужина. Я думаю, она составлена. Ваши манеры, мистеръ Гастингсъ, напоминаютъ мнѣ моего дядю, полковника Уалопа. Его поговорка была, что ни одинъ человѣкъ до тѣхъ поръ не можетъ быть увѣренъ въ своемъ ужинѣ, пока не съѣстъ его.

Диггори приноситъ карту и уходитъ.

Гастингсъ (*въ сторону*). Пошелъ хвастать! Его дядя полковникъ! Скоро мы услышимъ о его матушкѣ, которая была мировымъ судьей. Но послушаемъ, какая карта.

Марловъ (*разсматривая карту*). Что тутъ такое? Первое блюдо, второе... десертъ. Чортъ возьми! Воображаете вы, что мы привели съ собой на ужинъ артель столяровъ или корпорацію изъ Бедфорда? Два, три легкихъ блюда вкусно приготовленныхъ — для насъ достаточно.

Гастингсъ. Но ты прочти.

Марловъ (*читаетъ*). Первое блюдо: во главѣ, свинина и черносливный соусъ.

Гастингсъ. Къ чорту вашу свинину, скажу я.

Марловъ. Къ чорту вашъ соусъ черносливный, скажу я.

Гардкестль (*въ сторону*). И къ чорту ваши милые желудки, скажу я. (*Громко*). Но, джентльмены, для голодныхъ людей свинина подъ черносливнымъ соусомъ очень вкусное блюдо. (*Въ сторону*). Ихъ нахальство поражаетъ меня. (*Громко*). Джентльмены, вы мои гости, дѣлайте, какія вамъ

угодно измѣненія. Желательно вамъ еще что нибудь вычеркнуть или измѣнить, джентльмены!

Марловъ. Item. Пирогъ со свиной, вареный кроликъ, сосиски, рассыпчатый пуддингъ, битыя сливки.

Гастингсъ. Ну, ужь ваши кушанья! Придется мнѣ голодать здѣсь, какъ на воздушныхъ обѣдахъ у французскаго посланника. Я люблю простую пищу.

Гардкестль. Мнѣ очень жаль, джентльменъ, что я не могу предложить вамъ то, что вы любите; но если вамъ чего нибудь особенно бы хотѣлось...

Марловъ. Сэръ, положительно ваша карта такъ превосходно составлена, что всѣ кушанья одинаково хороши. Пришлите намъ чего хотите. Съ ужиномъ покончено. А теперь надо посмотреть, чтобы провѣтрили и хорошо постлали наши постели.

Гардкестль. Я прошу васъ, сэръ, предоставить это мнѣ. Вамъ не надо трогаться.

Марловъ. Предоставить это вамъ? Я протестую, сэръ, ужь вы извините меня, но я всегда самъ присматриваю за этими вещами.

Гардкестль. Я настаиваю, сэръ, чтобы вы не удручали себя этимъ.

Марловъ. Вы видите, я рѣшился это сдѣлать. (*Въ сторону*). Докучливѣйшій человекъ, какаго я когда либо видѣлъ. (*Уходитъ*).

Гардкестль. Хорошо, сэръ, но я долженъ по меньшей мѣрѣ проводить васъ. (*Въ сторону*). Пусть это современная скромность, но я никогда еще ничего не видалъ, что бы такъ походило на старинную наглость. ((*Уходитъ*)).

Гастингсъ. Я нахожу, что вѣжливость этого человека начинаетъ докучать. Но какой человекъ въ состоянii разсердиться на ухаживанья, которыя имѣють цѣлью угодить ему? Ба! Кого я вижу!... Миссъ Невиль... Вотъ такъ счастье.

Входитъ миссъ Невиль.

Миссъ Невиль. Мой милый друг! Какому счастливому случаю должна я приписать эту встрѣчу?

Гастингсъ. Этотъ же самый вопросъ скорѣе мнѣ надо предложить вамъ, такъ какъ я никогда не думалъ встрѣтить мою дорогую Констанцію въ гостиницѣ.

Миссъ Невиль. Въ гостиницѣ? Вы ошибаетесь; моя тетка, мой опекунъ живутъ здѣсь, Что побудило васъ принять этотъ домъ за гостиницу?

Гастингсъ. Моего друга, мистера Марлова, съ которымъ я прѣхалъ, и меня послали сюда какъ въ гостиницу, увѣряю васъ. Молодой человекъ, съ которымъ мы встрѣтились въ трактирѣ, направилъ насъ сюда.

Миссъ Невиль. Конечно, это шутики моего милаго кузена, о которомъ я вамъ много рассказывала.

Гастингсъ. Того, которому ваша тетюшка предназначила васъ? Котораго я имѣю справедливое основаніе бояться?

Миссъ Невиль. Вамъ нечего бояться, увѣряю васъ. Вы бы обожали его, если бъ знали, до какой степени онъ ненавидитъ меня. И моя тетка знаетъ это, за него любезничаетъ со мной и начинаетъ думать, что одержала побѣду.

Гастингсъ. Милая притворщица! Да будетъ вамъ извѣстно, Констанція, что я воспользовался поѣздкой моего друга, чтобы познакомиться съ вашими родными. Лошади, которыя привезли насъ, устали, но онѣ отдохнуть, и тогда, если моя милѣйшая дѣвушка довѣрится своему вѣрному Гастингсу, мы скоро очутимся внѣ ихъ власти.

Миссъ Невиль. Я много разъ вамъ говорила, что хотя я и готова повиноваться вамъ, но мнѣ жаль оставить мое маленькое состояніе. Большая часть его оставлена мнѣ моимъ дядей, директоромъ ость-индской компаніи, и главнымъ образомъ состоитъ изъ драгоценныхъ вещей. Я давно уже упрашиваю мою тетку дать мнѣ ихъ поносить. Я думаю, что мнѣ скоро удастся это, и какъ только эти вещи будутъ въ моихъ рукахъ, я и онѣ въ вашемъ распоряженіи.

Гастингсъ. А пусть пропадают игрушки! Я только васъ желаю. Марлову пока не надо говорить о его ошибкахъ. Я знаю, удивительная застѣнчивость его характера такова, что если вдругъ ему сообщить это, онъ тотчасъ покинетъ этотъ домъ, прежде чѣмъ нашъ планъ созрѣетъ для исполненія.

Миссъ Невиль. Но какже мы поддержимъ обманъ? Миссъ Гардкестль только что вернулась съ прогулки. А что, если мы увѣримъ его, что она также пріѣхала сюда, какъ въ гостиницу? Подите-ка сюда. (*Совѣщаются*).

Входитъ Марловъ.

Марловъ. Ухаживанія этихъ добрыхъ людей надѣли мнѣ до смерти. Мой хозяинъ ходитъ за мной, какъ тѣнь, потому что считаетъ невѣжливымъ оставить меня одного, и не только онъ увязался за мной, но также и жена его, барыня стариннаго покроя. Они намѣреваются ужинать съ нами, тогда и остальные члены семейки пристанутъ къ намъ. Что намъ теперь предпринять?

Гастингсъ. Мой дорогой Чарльзъ, дай мнѣ поздравить тебя. Наисчастливейшій случай! Какъ ты думаешь, кто сейчасъ пріѣхалъ?

Марловъ. Не могу угадать.

Гастингсъ. Наши невѣсты, пріятель: миссъ Гардкестль и миссъ Невиль. Позволь мнѣ представить тебя миссъ Констанціи Невиль. Онѣ обѣдали въ гостяхъ здѣсь по сосѣдству и заѣхали сюда перемѣнить лошадей. Миссъ Гардкестль только что вышла въ сосѣдную комнату и черезъ минуту вернется. Не правда ли, какъ кстати это?

Марловъ (*въ сторону*). Меня сейчасъ вывели изъ себя, а теперь еще это на прибавку къ моему затрудненію.

Гастингсъ. Ну, не счастливейшій ли это случай въ свѣтѣ?

Марловъ. О, да, очень пріятная... самая радостная встрѣча. Но нашъ костюмъ, Чарльзъ, ты знаешь, въ безпорядкѣ. Что, если мы отложимъ до завтра наше счастье? Зав-

тра въ ея собственномъ домѣ это будетъ также удобно и пожалуй приличнѣе. Лучше завтра. (*Хочетъ уйти*).

Миссъ Невиль. Ни въ какомъ случаѣ, сэръ. Ваши перемоніи ей не понравятся, а беспорядокъ вашего костюма покажетъ ей ваше нетерпѣніе. Къ тому же она знаетъ, что вы здѣсь, и согласна видѣть васъ.

Марловъ (*Гастингсу*). О, чортъ!.. Какъ я перенесу это! Гм... Гм... Гастингсъ, ты не долженъ уходить... Ты мнѣ долженъ помочь. Я буду ужасно смѣшонъ. Провались она! Соберусь съ духомъ. Гм!

Гастингсъ (*Марлову*). Полно, братецъ. Стоитъ только начать—и все прошло. Ты знаешь, она вѣдь женщина.

Марловъ. Изъ всѣхъ женщинъ съ ней-то я и боюсь встрѣтиться.

Входитъ миссъ Гардкестль, какъ будто вернувшись съ прогулки, въ шляпѣ и плащѣ.

Гастингсъ (*представляя ихъ*). Миссъ Гардкестль, мистеръ Марловъ. Я горжусь тѣмъ, что могу познакомить двухъ особъ, которымъ надо только узнать другъ друга, чтобы почувствовать взаимное уваженіе.

Миссъ Гардкестль (*въ сторону*). Встрѣтимъ нашего скромнаго джентльмена съ чиннымъ видомъ, подъ стать его собственному. (*Послѣ паузы, въ продолженіе которой Марловъ очень сконфуженъ и смущенъ*). Очень рада вашему благополучному приѣзду, сэръ... Я слышала, что вы имѣли приключенія въ дорогѣ.

Марловъ. Самую малость, сударыня. Да, мы испытали нѣкоторыя. Да, сударыня, порядочное количество приключеній; но я былъ бы опечаленъ, сударыня... или скорѣе радъ... всякому приключенію, которое такъ счастливо оканчивается... Гм!..

Гастингсъ (*въ сторону, Марлову*). Ты во всю жизнь не говорилъ лучше. Продолжай такъ, и я ручаюсь тебѣ въ побѣдѣ.

Миссъ Гардкестль. Я боюсь, что вы льстите намъ, сэръ. Вы, вращавшійся въ избранномъ обществѣ, найдете очень мало развлеченій въ нашемъ захолустьѣ.

Марловъ (*собралъсь съ духомъ*). Дѣйствительно я жилъ въ свѣтѣ, сударыня; но тутъ меня было мало знакомыхъ. Я только наблюдалъ жизнь, сударыня, тогда какъ другіе наслаждались ею.

Миссъ Гардкестль. Такой наблюдатель, какъ вы, я думаю, долженъ былъ испытывать неудовольствіе при такомъ занятіи, потому что вамъ чаще приходилось порицать, нежели одобрять.

Марловъ. Простите, сударыня, но я всегда любилъ, чтобы меня забавляли. Глупости большей части людей были для меня скорѣе предметомъ забавы, чѣмъ огорченія.

Гастингсъ (*въ сторону Марлову*). Bravo, bravo! Ты никогда въ жизни не говорилъ лучше. (*Громко*) Знаете миссъ Гардкестль, я вижу, что вы и мистеръ Марловъ скоро будете друзьями. Я думаю, что наше присутствіе здѣсь только стѣсняетъ васъ.

Марловъ. Ни малѣйшимъ образомъ, мистеръ Гастингсъ. (*Хватаетъ его за платье*). Ваше общество пріятнѣе намъ всего. (*Въ сторону Гастингсу*). Черти! Джоржъ, ты конечно не уйдешь! Какъ ты можешь оставлять насъ?

Гастингсъ. Наше присутствіе только помѣшаетъ разговору, и потому мы удалимся въ сосѣднюю комнату. (*Въ сторону Марлову*). Ты не хочешь понять, братецъ, что намъ также хочется устроить свой tête-à-tête.

Гастингсъ и миссъ Невиль уходятъ.

Марловъ (*послѣ паузы*). Что я, чертъ возьми, стану дѣлать?.. (*Беретъ стулъ и садится, спохватывается и встаетъ въ смущеніи, ставитъ стулъ для нея, затѣмъ садится; другая пауза*). Я говорю, сударыня..

Миссъ Гардкестль. Сэръ?

Марловъ. Сударыня! *(Пауза)*. Я боюсь, сударыня... я... я не такъ... счастливъ... чтобы... чтобы...

Миссъ Гардкестль. Чтобы, сэръ?

Марловъ. Чтобы... умѣть быть... то есть умѣть быть интереснымъ... для дамъ...

Миссъ Гардкестль. Я надѣюсь, сэръ, онѣ отчасти испытали вашу любезность. *(Придвигаетъ свой стулъ къ нему)*.

Марловъ *(впадая въ робость)*. Простите, сударыня... я... я... я... до сихъ поръ старался... только... угодить имъ.

Миссъ Гардкестль. Говорять, что это самый худшій способъ, чтобы понравиться имъ.

Марловъ. Можетъ быть, сударыня; но я люблю разговаривать съ самыми серьезными и разсудительными особами женскаго пола. *(Встаетъ)*. Боюсь, что надоѣлъ вамъ.

Миссъ Гардкестль. Нисколько, сэръ. Я сама ничего такъ не люблю, какъ серьезный разговоръ. Я готова его вѣчно слушать... право, я часто удивляюсь, какъ можетъ благодумный человѣкъ любить пустыя удовольствія, которыя ничего не говорятъ сердцу.

Марловъ *(садится, отодвинувъ свой стулъ отъ нея)*. Это... болѣзнь... ума, сударыня. Среди разнообразія вкусовъ, должны попадаться и такіе, которымъ недостаетъ...

Миссъ Гардкестль *(придвигаетъ свой стулъ къ нему)*. Я понимаю васъ, сэръ. Есть такіе люди, которые, не понимая тонкихъ удовольствій, дѣлаютъ видъ, что презираютъ то, чѣмъ они неспособны наслаждаться. *(Придвигается ближе)*.

Марловъ. Это мое мнѣніе, сударыня... только безконечно лучше выраженное. И я не могу не замѣтить, что въ наше время лицемѣрія... *(Отодвигаетъ свой стулъ)*.

Миссъ Гардкестль *(въ сторону)*. Кто бы подумалъ, что этотъ человѣкъ можетъ быть нахаломъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ! *(Громко)*. Вы хотѣли сказать, сэръ...

Марловъ. Я хотѣлъ сказать, сударыня... увѣряю васъ, сударыня, я забылъ то, что хотѣлъ сказать.

Миссъ Гардкестль *(въ сторону)*. Я побожусь, что и я также. *(Громко)*. Вы сказали, сэръ, что въ наше время лицемѣрія... что-то о лицемѣрії, сэръ.

Марловъ. Да, сударыня; въ этотъ вѣкъ лицемѣрія мало найдется такихъ людей, которые, по строгомъ изслѣдованіи, не... не...

Миссъ Гардкестль. Я отлично понимаю васъ, сэръ.

Марловъ *(въ сторону)*. Вотъ! Понимаетъ меня, когда я самъ себя не понимаю!

Миссъ Гардкестль. Вы хотите сказать; что въ нашъ вѣкъ лицемѣрія, мало найдется людей, которые не осуждали бы публично того, чему сами тайкомъ предаются, и не считали бы поконченными всѣхъ своихъ обязательствъ по отношенію къ добродѣтели; разъ что они восхваляютъ ее.

Марловъ. Это вѣрно, сударыня: у кого съ языка не сходитъ добродѣтель, тѣ менѣе всѣхъ имѣютъ ее въ сердцѣ. *(Встаетъ)*. Но я вижу, что миссъ Невиль ожидаетъ насъ въ сосѣдней комнатѣ. Я ни за что на свѣтѣ не желалъ бы надѣсть вамъ.

Миссъ Гардкестль. Увѣряю васъ, сэръ, что я никогда еще въ жизни не имѣла такого пріятнаго собесѣдника. Прошу васъ, продолжайте.

Марловъ. Да, сударыня. Я... Но она зоветъ насъ. Сударыня, могу я имѣть честь проводить васъ?

Миссъ Гардкестль. Хорошо, я иду.

Марловъ *(въ сторону)*. Поконченъ миленькій разговоръ. *(Кланяется, натыкается на стѣну и уходитъ)*.

Миссъ Гардкестль. Ха, ха, ха!... Происходило ли когданибудь такое чопорное, сентиментальное свиданіе! Я увѣрена, что онъ ни разу не взглянулъ на меня. Но онъ очень недурень, если бъ только не его непонятная робость; у него есть здравый смыслъ, но такъ глубоко запрятанный подъ

страхомъ, что это утомляетъ болѣе, чѣмъ невѣжество. Если бы я могла научить его самоувѣренности, я бы оказала хорошую услугу кое-кому. А кто этотъ кое-кто?.. Честное слово, это вопросъ, на который я врядъ ли отвѣчу. (*Уходитъ*).

Входитъ Тони съ кружкой эля и миссъ Невиль.

Тони. Чтѣ вы преслѣдуете меня, кузина Кони? Удивляюсь, какъ вамъ не стыдно такъ навязываться.

Миссъ Невиль. Я надѣюсь, кузень, что можно разговаривать со своимъ родственникомъ, не подвергаясь за это порицанію.

Тони. Знаю я, какого родственника хотите вы сдѣлать изъ меня. Но не удастся вамъ это. Говорю вамъ, кузина, что не удастся вамъ. И я прошу васъ держаться подальше отъ меня. Я не желаю болѣе близкаго родства.

(*Она слѣдуетъ за нимъ, кокетничая, и оба уходятъ*).

Входятъ м-ръ Гардкестль и Гастингсъ.

М-ръ Гардкестль. Признаюсь, мистеръ Гастингсъ, вы очень занимательны. Я ничего такъ не люблю на свѣтѣ, какъ разговаривать о модахъ и Лондонѣ, хотя я никогда не бывала тамъ.

Гастингсъ. Никогда не бывали! Вы поражаете меня! По вашему обращенію и вашимъ манерамъ я заключилъ, что вы выросли въ Ранелэ, или С. Джемсъ, * или на набережной Тоузэра.

М-ръ Гардкестль. О, сэръ, вы изъ любезности только говорите это. У насъ, провинціаловъ, никакихъ манеръ не можетъ быть. Я влюблена въ Лондонъ, и это ставитъ меня выше нѣкоторыхъ нашихъ деревенскихъ сосѣдей; но какія ужъ манеры могутъ быть у того, кто никогда не видалъ Пантеона, Пещерныхъ Садовъ, Бору **) и тому подобныхъ мѣстъ, которыя главнымъ образомъ посѣщаетъ цвѣтъ общества? Все, чтѣ

*) Аристократическія улицы въ Лондонѣ.

**) Предмѣстье Лондона.

мнѣ доступно—это наслаждаться Лондономъ изъ вторыхъ рукъ. Я интересуюсь каждымъ tête-a-tête въ «Скандалезномъ Обозрѣніи» и узнаю о модахъ, какъ только онѣ выходятъ, изъ писемъ обѣихъ миссъ Рикешъ, изъ Круквудъ-лэна. Скажите, какъ вамъ нравится эта прическа, мистеръ Гастингсъ?

Гастингсъ. Чрезвычайно элегантная и degagée, честное слово, сударыня. Вашъ куафёръ французъ, я полагаю?

М-рсъ Гарджестль. Увѣряю васъ, что я сама такъ причесалась по картинкѣ прошлогодняго «Memorandum для дамъ.»

Гастингсъ. Неужели! Такая головка въ боковой ложѣ театра привлекла бы столько же зрителей, какъ и супруга мера на городскомъ балу.

М-рсъ Гарджестль. Необходимо одѣваться немножко оригинально, иначе будешь незамѣтенъ въ толпѣ.

Гастингсъ. Но съ вами, сударыня, этого быть не можетъ ни въ какомъ костюмѣ. (*Раскланивается передъ ней*).

М-рсъ Гарджестль. Ну, что значить мой костюмъ, когда возлѣ меня такая древность, какъ мистеръ Гарджестль? Все, что я бы ни говорила ему, не заставитъ его разстаться ни съ одной пуговицей на одеждѣ. Я много разъ уговаривала его бросить старый, громадный, русый парикъ, и тамъ гдѣ у него плѣшь, носить напудренную накладку, какъ милордъ Патели.

Гастингсъ. Вы правы, сударыня; потому что, какъ между леди не должно быть ни одной безобразной, такъ и между мужчинами не должно быть ни одного старика.

М-рсъ Гарджестль. Но какъ вы думаете, что онъ отвѣтилъ мнѣ? Со своей обычной готической живостью онъ отвѣтилъ мнѣ, что я потому только уговариваю его бросить парикъ, что сама желаю воспользоваться имъ для моего собственнаго употребленія.

Гастингсъ. Несносный! Въ ваши годы вы можете носить, что вамъ угодно, и все будетъ вамъ къ лицу.

М-р съ Гардкестль. Пожалуйста, скажите, мистеръ Гастингсъ, у васъ въ Лондонѣ какой возрастъ считается самымъ моднымъ?

Гастингсъ. Недавно былъ въ модѣ сорокалѣтній возрастъ; но я слышалъ, что на слѣдующую зиму леди намѣрены отдать предпочтеніе пятидесятилѣтнему.

М-р съ Гардкестль. Серьезно? Такъ я, значить, буду слишкомъ молода для моды.

Опять *входитъ* Тони, *преслдуемый* миссъ Невиль.

Гастингсъ. Ни одна леди не носитъ теперь брилліантовъ ранѣе сорока лѣтъ. Эта миссъ напимѣръ въ образованномъ кругу считалась бы ребенкомъ, подросточкомъ.

М-р съ Гардкестль. А между тѣмъ моя племянница воображаетъ себя взрослой и также любитъ золотыя вещи, какъ самая старая изъ насъ.

Гастингсъ. Она ваша племянница? А молодой чловѣкъ вашъ братъ, я полагаю?

М-р съ Гардкестль. Мой сынъ, сэръ. Они помолвлены. Обратите вниманіе на ихъ милыя шалости. Они ссорятся разъ десять на дню, какъ будто они уже мужъ и жена. (*Обращается къ нимъ*). Тони, дитя мое, какія любезности ты говоришь теперь твоей кузинѣ Констанціи?

Тони. Никакихъ любезностей я не говорилъ; но это ужасно, когда чловѣка такъ преслѣдуютъ. Во всемъ домѣ нѣтъ для меня спокойнаго уголка, развѣ только въ конюшнѣ.

М-р съ Гардкестль. Не вѣрь ему, душечка Кони. Безъ тебя онъ другое поетъ.

Миссъ Невиль. Въ характерѣ моего кузена есть что-то великодушное. Онъ ссорится при чужихъ, чтобы быть прощеннымъ наединѣ.

Тони. Это наглое хвастовство.

М-р съ Гардкестль. Ахъ онъ лукавецъ! Не находите ли вы, что у нихъ рты одинаковые, мистеръ Гастингсъ?

И одинаковаго роста они. Станьте спиной къ спинѣ, миленькіе, чтобы мистеръ Гастингсъ могъ видѣть.

Тони. Вамъ бы лучше не заставлятъ меня дѣлать это, скажу я.

(Мѣряются, и онъ стучается головой объ ея голову).

Миссъ Невиль. Ой! Онъ расшибъ мнѣ голову.

М-ръ Гарджестль. О, чудовище! Постыдись, Тони. Ты мужчина и такъ ведешь себя!

Тони. Если я мужчина, такъ отдайте мнѣ мое состояніе. Я не позволю больше дурачить себя.

М-ръ Гарджестль. И это мнѣ награда, неблагодарный мальчишка, за всѣ мои заботы о твоёмъ воспитаніи? Мнѣ, которая качала тебя въ люлькѣ и кормила съ ложки этотъ миленькій ротикъ?..

Тони. Ну, а вамъ бы хотѣлось кормить съ лопаты, да?

М-ръ Гарджестль. Не я ли спила тебѣ этотъ жилетъ, чтобы ты выглядѣлъ красивенькимъ?

Тони. Но я говорю вамъ, что не позволю дурачить себя.

М-ръ Гарджестль. Не для твоего ли добра все это, гадина? Не для твоего ли добра все это было?

Тони. Тогда я желаю, чтобы вы меня и мое добро оставили въ покоѣ. Такъ дразнить меня, когда я въ хорошемъ расположеніи духа! Если мнѣ надо получить добро, я и получу его; нечего звонить да перезванивать передъ человѣкомъ.

М-ръ Гарджестль. Это ложь; я никогда не вижу тебя, когда ты въ духѣ. Нѣтъ, Тони, тогда ты уходишь въ трактиръ. Я лишена удовольствія слышать пѣніе твоего миленькаго, дикаго голоса, безчувственное чудовище!

Тони. Ну, мамаша, вашъ собственный голосокъ болѣе дикій, чѣмъ мой.

М-ръ Гарджестль. Слышано ли что нибудь подобноо? Но я вижу, онъ хочетъ разбить мое сердце, я вижу, онъ хочетъ этого.

Гастингсъ. Сударыня, позвольте мнѣ урезонить немножко

этого юнаго джентльмена. Я увѣренъ, что въ состояніи буду склонить его къ исполненію его обязанностей.

М-ръ съ Гардкестль. Хорошо, я должна удалиться. Пойдемъ, Констанція, моя любовь. Вы видите, мистеръ Гастингсъ, мое горестное положеніе: была ли когда нибудь бѣдная женщина такъ оскорбляема дорогимъ, милымъ, хорошенькимъ, раздражительнымъ, своевольнымъ мальчикомъ? (*М-ръ съ Гардкестль и миссъ Невиль уходятъ*).

Тони (*поетъ*).

Ѣхаль мимо юноша,
Было весело ему.
Съ шумомъ Ѣхаль, дили дил.

Не обращайтесь вниманія на нее. Пусть поплачетъ. Это утѣшеніе для ея сердца. Я видѣлъ, какъ разъ она и сестра цѣлый часъ плакали надъ книгой, и онѣ сказали, что чѣмъ больше книга заставляетъ ихъ плакать, тѣмъ сильнѣе она нравится имъ.

Гастингсъ. Вы не долюбливаете женщинъ, я вижу, мой прекрасный, юный джентльменъ?

Тони. Это смотря по тому, каковы онѣ.

Гастингсъ. Но она, выбранная вашей матушкой, не въ вашемъ вкусѣ, осмѣлюсь замѣтить? А между тѣмъ на мой взглядъ она хорошенькая, кроткая дѣвушка.

Тони. Это потому, что вы ее не знаете такъ хорошо, какъ я. Я знаю ее вдоль и поперекъ; во всемъ христіанскомъ мірѣ не найдется болѣе ѣдкой, лицемѣрной жабы.

Гастингсъ (*въ сторону*). Приятныя слова для жениха.

Тони. Я зналъ ее вотъ какой. Она лукава, какъ заяцъ въ кустарникѣ, или какъ жеребецъ, котораго выѣзжаютъ.

Гастингсъ. На мой взглядъ она скромна и молчалива.

Тони. Да, при постороннихъ, но когда она съ подругами, то оретъ, какъ свинья у ворота.

Гастингсъ. Но въ ней проглядываетъ милая скромность, которая очаровала меня.

Тони. Да, но попробуйте хоть легонько взнудать ее, такъ лягнетъ, что вы живо полетите въ канаву.

Гастингсъ. Хорошо, но сознайтесь, что вы не можете отказать ей въ нѣкоторой красотѣ.

Тони. Коробка! Расфуфыренная штука она, и только. Ахъ, если бъ вы видѣли Бетъ Бонсеръ, вотъ тогда вы могли бы толковать о красотѣ! У ней пара глазъ, черныхъ, какъ ягоды терновника, а щеки широкія и красныя, какъ подушка на кафедрѣ... Она могла бы двухъ сдѣлать изъ себя.

Гастингсъ. Ну, что бы вы сказали другу, который взялся бы избавить васъ отъ этой плохой партіи?

Тони. Что?...

Гастингсъ. Были ли бы вы благодарны тому, кто женился бы на миссъ Невиль, а вамъ бы предоставилъ наслаждаться счастьемъ и красавицей Бетси!

Тони. Но гдѣ взять такого друга, который бы женился на ней?

Гастингсъ. Я—онъ. Если вы только поможете мнѣ, я берусь увезти ее во Францію, и вы никогда больше не услышите о ней.

Тони. Помочь вамъ! О, я буду помогать до послѣдней капли крови. Я впрягу въ вашу карету пару лошадей, которая умчитъ васъ въ мгновеніе ока; и можетъ случиться, что вы получите часть ея состоянія—драгоценныя вещи, о которыхъ вы и понятія не имѣете.

Гастингсъ. Мой милый сквайръ, вы говорите, какъ умный малый.

Тони. Пойдемте, вы найдете меня еще умнѣе, прежде чѣмъ разстанетесь со мною. *(Поетъ).*

Мы ребята, никакого

Шуму не боимся!

(Уходятъ).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

СЦЕНА I.

Комната та же.

Входитъ Гарджестль.

Гарджестль. Что хотѣлъ выразить мой старыи пріятель, сэръ Чарльзъ, рекомендуя мнѣ своего сына, какъ самаго скромнаго молодаго человѣка въ Лондонѣ? По мнѣ, такъ онъ самый безстыжій наглець, какой когда нибудь только говорилъ человѣческимъ языкомъ. Онъ уже завладѣлъ моимъ кресломъ у камина. Онъ снялъ сапоги въ гостиной и хотѣлъ, чтобы я распорядился велѣть ихъ вычистить. Мнѣ интересно знать, какое впечатлѣніе произвело его нахальство на мою дочь... Она конечно будетъ поражена имъ.

Входитъ миссъ Гарджестль (*просто одѣтая*).

Гарджестль. Ну, Кетъ, я вижу, ты переодѣлась, какъ я приказалъ тебѣ; а впрочемъ, большей нужды въ этомъ не было.

Миссъ Гарджестль. Я нахожу такое удовольствіе, сэръ, въ исполненіи вашихъ приказаній, что стараюсь исполнять ихъ, никогда не разсуждая о значеніи ихъ.

Гарджестль. Однако, Кетъ, иногда я же говорю тебѣ причину—сегодня въ особенности, когда я предлагалъ тебѣ въ женихи моего скромнаго джентльмена.

Миссъ Гарджестль. Вы приготовили меня къ ожиданію чего-то необыкновеннаго, но я нахожу, что оригиналь превосходитъ описаніе.

Гарджестль. Я въ жизнь свою никогда не былъ такъ удивлень! Онъ разстроилъ всѣ мои мысли.

Миссъ Гарджестль. Я никогда не видала ничего подобнаго! А еще свѣтскій человѣкъ!

Гарджестль. Онъ выучился этому за границей.

Миссъ Гарджестль. Все это въ немъ, кажется, отъ природы.

Гардкестль. Много также помогли ему дурное общество и французъ учитель танцевъ.

Миссъ Гардкестль. Вы конечно ошибаетесь, папа; французъ учитель танцевъ никогда не могъ бы передать ему этотъ робкій взглядъ... этотъ неуклужій видъ... эти неловкія манеры...

Гардкестль. Чьи взгляды? Чьи манеры, дитя?

Миссъ Гардкестль. Мистера Марлова. Его *mauvaise honte*, его робость поразила меня съ перваго же взгляда.

Гардкестль. Такъ тебя обмануль твой первый взглядъ; я считаю его за величайшаго безстыдника, какаго я когда либо видѣлъ.

Миссъ Гардкестль. Сэръ, вы конечно шутите. Я еще никогда не видала такого скромника.

Гардкестль. И ты это серьезно можешь говорить? Я, какъ родился, такъ никогда еще не встрѣчалъ такого хвастливаго, наглаго дурака.

Миссъ Гардкестль. Удивительно! Онъ встрѣтилъ меня низкимъ поклономъ, говорилъ дрожащимъ голосомъ, смотрѣлъ въ землю.

Гардкестль. Онъ говорилъ со мной громкимъ голосомъ, съ видомъ лорда и съ фамиллярностью, отъ которой вновь закипѣла моя кровь.

Миссъ Гардкестль. Онъ обращался ко мнѣ съ робостью и почтеніемъ; порицалъ нынѣшнія манеры; восхищался разсудительностью дѣвушекъ, которыя никогда не смѣются; надоѣлъ мнѣ своими извиненіями въ томъ, что надоѣдаетъ мнѣ, затѣмъ съ поклономъ оставилъ комнату и сказалъ: «Сударыня, ни за что въ свѣтѣ не посмѣлъ бы я задержать васъ». (*Передразниваетъ его*).

Гардкестль. Онъ говорилъ со мной, какъ будто зналъ меня всю жизнь. Предлагалъ двадцать вопросовъ и ни одного отвѣта не выслушалъ. Прерывалъ мои лучшія замѣчанія пустыми двусмысленностями; и когда я сталъ рассказывать

свою лучшую исторію, про герцога Мальбору и принца Евгенія, онъ спросилъ меня, умѣю ли я готовить пуншъ.

Миссъ Гарджестль. Ктонибудь изъ насъ да ошибается.

Гарджестль. Если онъ окажется такимъ, какимъ показалъ себя, то никогда не получитъ моего согласія.

Миссъ Гарджестль. И если онъ такое угрюмое созданіе, какимъ я считаю его, то онъ никогда не получитъ моего согласія.

Гарджестль. Въ одномъ мы сходимся—отказать ему.

Миссъ Гарджестль. Да, но съ нѣкоторыми условіями. Если вы найдете его менѣе наглымъ, а я болѣе смѣлымъ; если вы найдете его болѣе вѣжливымъ, а я менѣе скучнымъ... Я не знаю... онъ довольно хорошъ для мужчины. Ужъ конечно мы немного встрѣтимъ такихъ у насъ на скачкахъ.

Гарджестль. Если мы найдемъ его такимъ... но это невозможно! Я сужу по первому взгляду. И я рѣдко обманывался.

Миссъ Гарджестль. Однако бываетъ много качествъ, которыхъ не видно при первомъ взглядѣ. Но такъ какъ ктонибудь изъ насъ долженъ ошибаться, не продолжать ли намъ наши открытія?

Гарджестль. Я согласенъ, но ты увидишь, что я правъ.

Миссъ Гарджестль. И вы увидите, что я не совѣмъ неправъ. (*Уходятъ*).

Тони вбѣгаетъ со шкатулкой.

Тони. Я достала ихъ. Вотъ онѣ. Ожерелья, серьги и всякая штука кузины Кони. Моя мать не лишитъ бѣдняжекъ ихъ состоянія. О! мой духъ-хранитель, это вы?

Входитъ Гастингсъ.

Гастингсъ. Мой милый другъ, какъ вы поладили съ вашей матушкой? Надѣюсь, вы потѣшили ее мнимой любовью къ вашей кузинѣ и вашимъ согласіемъ окончательно

примириться съ этимъ. Наши лошади скоро отдохнуть, и намъ скоро можно будетъ отправиться въ путь.

Тони. И вотъ вамъ кое-что на дорожные расходы. (*Даетъ шкатулку*). Драгоценности вашей невѣсты. Берегите ихъ, и пусть повѣсятъ тѣхъ, скажу я, кто украдетъ у васъ хоть одну изъ нихъ.

Гастингсъ. Но какъ вы ихъ достали отъ вашей матушки?

Тони. Вы меня ни о чемъ не спрашивайте, и я не стану врать вамъ. Я достала ихъ съ помощью большого пальца. Если бъ у меня не было ключа къ каждому ящику ея бюро, развѣ я могъ бы такъ часто ходить въ портерныя? Честный человѣкъ можетъ во всякое время украсть у самого себя.

Гастингсъ. Тысячи это дѣлаютъ. Но, говоря откровенно съ вами, миссъ Невиль въ настоящую минуту упрасиваетъ вашу матушку отдать эти вещи ей. Если она успѣетъ въ этомъ, это будетъ самый деликатный способъ получить ихъ.

Тони. Хорошо, а вы поберегите ихъ, пока не узнаете, что изъ этого выйдетъ. Я такъ напередъ знаю, что будетъ: она скорѣе согласна будетъ потерять свой единственный здоровый зубъ во рту.

Гастингсъ. Но я боюсь послѣдствій ея гнѣва, когда она увидитъ, что онѣ пропали.

Тони. Не обращайтесь вниманія на ея гнѣвъ... дайте мнѣ уладить это. Для меня ея гнѣвъ все равно, что трескъ отъ хлопушки. Черти! Вотъ онѣ! Улепетывайте! Живѣе! (*Гастингсъ уходитъ*).

Входятъ м-ръ Гардкестль и миссъ Невель.

М-ръ Гардкестль. Серьезно, Констанція, вы поражаете меня. Такой дѣвочкѣ, какъ вы, нужны брильянты! Для брильянтовъ наступить пора, моя милочка, лѣтъ черезъ двадцать, когда нужно будетъ освѣжить вашу красоту.

Миссъ Невиль. Но что можетъ украсить въ сорокъ лѣтъ, то конечно украшаетъ и въ двадцать.

М-р-съ Гардкестль. Для вашей красоты ничего такого не нужно. Этотъ природный румянецъ выше тысячи украшений. Вы развѣ не видите, что половина нашихъ знакомыхъ леди... миледи Киль-Дейлейтъ, и мистриссъ Кремпъ, и остальные увозятъ свои брильянты въ Лондонъ и привозятъ поддѣлку?

Миссъ Невиль. Но кто знаетъ, можетъ быть, съ этими украшениями я бы еще больше понравилась одному человѣку, котораго не назову?

М-р-съ Гардкестль. Посовѣтуйтесь съ вашимъ зеркаломъ, моя милочка, и вы тогда увидите, нуженъ ли вамъ еще большій блескъ при такой парѣ глазъ? Какъ ты думаешь, Тони, голубчикъ, на твои глаза, нужны кузинѣ Кони брильянты, чтобы выставить ея красоту?

Тони. Это смотря по тому, что дальше будетъ.

Миссъ Невиль. Милая тетя, если бѣ вы знали, какъ вы обяжете меня!

М-р-съ Гардкестль. Старинныя розы и грубо сдѣланныя вещи! Въ нихъ вы будете походить на придворную царя Саломона съ кукольной выставки. Къ тому же, я не могу отыскать ихъ; можетъ быть, онѣ потерялись.

Тони (*въ сторону, м-р-съ Гардкестль*). Отчего вы не скажете ей этого, если ей ужъ такъ захотѣлось ихъ? Скажите, что онѣ пропали, и меня въ свидѣтели позовите.

М-р-съ Гардкестль (*въ сторону, Тони*). Ты знаешь, голубчикъ, я вѣдь берегу ихъ только для тебя. Такъ если я скажу, что онѣ пропали, ты будешь свидѣтелемъ, да? Ха, ха, ха!...

Тони (*въ сторону, ей*). Меня не бойтесь. Я скажу, что самъ своими глазами видѣлъ, какъ ихъ украли.

Миссъ Невиль. Я прошу у васъ ихъ только на одинъ день; только чтобы показать ихъ, какъ дорогое воспоминаніе, а потомъ ихъ опять можно спрятать.

М-р-съ Гардкестль. Говоря окровенно, моя дорогая

Кони, если бы могла отыскать ихъ, вы бы получили ихъ. Но онѣ затерялись, увѣряю васъ. Пропали, да и только; мы должны примириться съ ихъ исчезновеніемъ.

Миссъ Невиль. Я не повѣрю этому. Это только одна пустая отговорка, чтобы обмануть меня. Я знаю, что онѣ слишкомъ цѣнныя, чтобы не беречь ихъ, и вѣдь вы отвѣчаете въ случаѣ потери.

М-ръ Гардкестль, Вы не безпокойтесь. Если онѣ пропали, я выплачу сумму денегъ, равную ихъ стоимости. Но мой сынъ знаетъ, что онѣ потерялись, и ихъ не найти.

Тони. Да, я могу это засвидѣтельствовать. Онѣ потерялись, и ихъ не найти... Я готовъ поклясться...

М-ръ Гардкестль. Вы должны привыкать къ покорности, моя милочка; потому что, хотя мы и теряемъ наше состояніе, но терпѣніе мы не должны терять. Посмотрите на меня... какъ я спокойна.

Миссъ Невиль. Да, люди всегда спокойны въ виду чужаго несчастія.

М-ръ Гардкестль. Меня удивляетъ, какъ дѣвушка съ вашимъ разсудкомъ можетъ безпокоиться о такихъ пустякахъ. Мы скоро отыщемъ ихъ; а вы поносите мои гранаты, пока не найдутся ваши брильянты.

Миссъ Невиль, Я презираю гранаты.

М-ръ Гардкестль. Самая подходящая вещь на свѣтѣ для блага цвѣта лица. Вы видѣли, какъ они красивы на мнѣ! (*Уходитъ*).

Миссъ Невиль. Я больше всего не люблю эти камни. Напрасно безпокойтесь. Можетъ ли быть чтонибудь досаднѣе: мои вещи заложить, и взамѣнъ ихъ предлагать мнѣ поддѣльные камни!

Тони. Не будьте глупой. Если она даетъ вамъ гранаты, такъ и берите то, что можете получить. Брильянты уже ваша собственность. Я укралъ ихъ у нея изъ бюро, и она не знаетъ

этого. Бѣгите къ вашему любезному, онъ вамъ объяснить все дѣло. Предоставьте мнѣ управиться съ ней.

Миссъ Невиль. Мой милый кузень! (*Уходитъ*).

Тони. Исчезайте. Она идетъ, узнала, что ихъ вѣтъ. Черти! Какъ она вертится и плочется! Точно веретено!

Входитъ М-рсь Гарджестль.

М-рсь Гарджестль. Воры! Мошенники!... Насъ обокрали, ограбили, взломали, уничтожили!..

Тони. Чтò случилось, чтò случилось, мама? Надѣюсь, ничего не стряслось ни съ кѣмъ въ семействѣ?

М-рсь Гарджестль. Насъ обокрали! Мое бюро взломали, вещи похитили, и я убита.

Тони. О! только-то всего? Ха, ха, ха! Клянусь законами, никогда въ жизнь свою не видѣлъ я лучшей игры. Я было подумалъ, что васъ и въ самомъ дѣлѣ обокрали! Ха, ха, ха!

М-рсь Гарджестль. Мальчикъ, вѣдь меня въ самомъ дѣлѣ обокрали! Мое бюро взломано, все унесено.

Тони. Стойте на этомъ, ха, ха, ха, стойте на этомъ; меня зовите въ свидѣтели!

М-рсь Гарджестль. Клянусь тебѣ, Тони, всѣмъ, чтò дорого, брильянты пропали, и я несчастна навѣки.

Тони. Конечно, я знаю, что они пропали, и мнѣ надо такъ говорить.

М-рсь Гарджестль. Мой милый Тони, ты пойми меня. Они пропали, говорю я.

Тони. Клянусь законами, мама, вы только смѣшите меня, ха, ха! Я отлично знаю, кто ихъ взялъ, ха, ха, ха!

М-рсь Гарджестль. Былъ ли когданибудь такой болванъ, который не могъ бы отличить шутки отъ серьезнаго? Я не въ шутку говорю, олухъ.

Тони. Это вѣрно, это вѣрно: вы должны быть въ сильномъ гнѣвѣ, и никто тогда не станетъ подозрѣвать насъ. Я могу быть свидѣтелемъ, что они пропали.

М-рсь Гарджестль. Ты можешь быть свидѣтелемъ,

что ты дуракъ — и больше ничего! Была ли когда вѣбудь бѣдная женщина такъ преслѣдуема съ одной стороны дураками, съ другой — ворами!

Тони. Я могу быть свидѣтелемъ.

М-ръ съ Гарджестль. Повтори еще разъ, такъ я тебя, болвана этакаго, изъ комнаты вышвырну! Моя бѣдная племянница, что съ ней будетъ! Ты смѣешься, безчувственная скотина, ты никакъ радуешься моему горю?...

Тони. Я могу быть свидѣтелемъ.

М-ръ съ Гарджестль. Ты никакъ оскорбляешь меня, чудовище! Я научу тебя огорчать мать. Научу! (*Бьетъ его*).

Тони. Я могу быть свидѣтелемъ.

(*Убѣгаетъ, м-ръ съ Гарджестль бѣжитъ за нимъ*).

Входятъ миссъ Гарджестль и Служанка.

Миссъ Гарджестль. Что за невыносимое созданіе мой братецъ: выдумалъ направить ихъ къ намъ въ домъ, какъ въ гостиницу! Ха, ха, ха! Я не удивляюсь его нахальству.

Служанка. Еще того лучше, сударыня: какъ вы проходили въ этомъ самомъ платьѣ, такъ молодой джентльменъ спросилъ у меня, не прикащица ли вы? Онъ васъ принялъ за прикащицу, сударыня.

Миссъ Гарджестль. Да? Такъ я не намѣрена оставить его въ этомъ заблужденіи. Скажи мнѣ, какъ тебѣ нравится это мое платье? Не находишь ли ты, что я въ немъ немножко похожа на Шерри въ «Ловкихъ проискахъ»?

Служанка. Такое платье, сударыня, носить каждая леди у насъ, если не собирается въ гости и сама не ждетъ гостей.

Миссъ Гарджестль. И ты увѣрена, что онъ не помнитъ моего лица и моей фигуры?

Служанка. Увѣрена.

Миссъ Гарджестль. Признаюсь, я тоже думаю; хотя

мы и разговаривали нѣсколько времени, но страхъ его былъ такъ великъ, что онъ ни разу не взглянулъ на меня за все свиданіе.

Служанка. Какая вамъ выгода будетъ оттого, что вы обманете его?

Миссъ Гардкестль. Во первыхъ, онъ меня увидитъ; а это не малая выгода для дѣвушки, которая стала невѣстой. Затѣмъ, я прибрѣтаю знакомаго, и это не маленькая побѣда надъ человѣкомъ, который ухаживаетъ только за ничтожествомъ женскаго пола. Но моя главная цѣль — это застать моего джентльмена въ распλοхъ и, подобно невидимому бойцу въ романѣ, изслѣдовать сперва силу великана, прежде чѣмъ предложить ему сразиться.

Служанка. А вы увѣрены, что сыграете свою роль и измѣните свой голосъ, чтобы онъ могъ обмануться въ вашемъ голосѣ, какъ обманулъ въ вашемъ лицѣ.

Миссъ Гардкестль. За меня не бойся. Я думаю, что найду настоящій тонъ: «Ваша милость звала?.. Что прикажете?... Сію минуточку...»

Служанка. Сойдетъ, сударыня. А вотъ и онъ.

(Уходитъ).

Входитъ Марловъ.

Марловъ. Что за суетня по всему дому! Я не имѣю ни минуты покоя. Въ гостиную пойду — тамъ хозяинъ со своими исторіями. Въ галерею убѣгу — тамъ хозяйка съ книжками до земли. Наконецъ-то выдалась свободная минутка! Поразмыслимъ. (*Ходитъ и думаетъ.*)

Миссъ Гардкестль. Вы звали, сэръ? Звала ваша милость?

Марловъ. Что касается миссъ Гардкестль, то она слишкомъ серьезна и сентиментальна для меня.

Миссъ Гардкестль (*становится передъ нимъ*). Ваша милость звала?

Марловъ. Нѣтъ, малютка. Къ тому же, насколько я успѣлъ замѣтить, она какъ будто косить,

Миссъ Гардкестль. Я увѣрена, сэръ, что слышала звонокъ.

Марловъ. Нѣтъ, нѣтъ. (*Размышляетъ.*) Я сдѣлалъ удовольствіе отцу, пріѣхавъ сюда, а завтра себѣ доставлю удовольствіе, уѣхавъ отсюда. (*Вынимаетъ свою записную книжку и читаетъ.*)

Миссъ Гардкестль. Можетъ быть, другой джентльменъ звалъ, сэръ?

Марловъ. Я говорю вамъ нѣтъ.

Миссъ Гардкестль. Мнѣ бы хотѣлось знать, сэръ. У насъ много прислуги.

Марловъ. Да нѣтъ же, говорю вамъ! (*Смотритъ прямо ей въ лице.*) Да, малютка, пожалуй, что я звалъ. Мнѣ бы надо... надо... Признаюсь, малютка, вы прехорошенькая.

Миссъ Гардкестль. О, сэръ, вы конфузите!

Марловъ. Никогда не видалъ болѣе весело—лукавыхъ глазокъ. Да, да, малютка, я звалъ. Есть ли у васъ въ домѣ... какъ вы ихъ тамъ называете...

Миссъ Гардкестль. Нѣтъ, сэръ; всѣ эти десять дней у насъ ихъ не было.

Марловъ. Я думаю, что въ этомъ домѣ немного чего найдешь. Положимъ, я бы потребовалъ, такъ въ видѣ пробы, нектара съ вашихъ губокъ и въ этомъ, пожалуй, получилъ бы отказъ?

Миссъ Гардкестль. Нектаръ, нектаръ, сэръ? это напитокъ, котораго не спрашиваютъ въ здѣшнихъ мѣстахъ. Французскій, я полагаю? Мы не держимъ здѣсь французскихъ винъ, сэръ.

Марловъ. Чисто англійскаго происхожденія, увѣряю васъ.

Миссъ Гардкестль. Тогда странно, что я не знаю

его. У насъ варятъ всякіе сорта винъ, и я здѣсь живу уже восемнадцать лѣтъ.

Марловъ. Восемнадцать лѣтъ! Можно сказать, малютка, что вы стояли за прилавкомъ, прежде чѣмъ родились. Сколько вамъ лѣтъ?

Миссъ Гардкестль. О, сэръ! Я не должна говорить это. Женщинамъ и музыкѣ, говорятъ, не считаютъ года.

Марловъ. Если отгадывать на такомъ разстояніи, то вамъ немногимъ больше сорока. (*Приближается*). Но подойдя поближе, не думаю, чтобы вамъ было такъ много лѣтъ; (*ближе двигается*). Нѣкоторыя женщины вблизи моложе кажутся; но если подойти совѣмъ близко... (*хочетъ поцѣловать ее*).

Миссъ Гардкестль. Прошу васъ, сэръ, подальше держаться. Можно подумать, что вы хотите узнать по зубамъ года человѣка, какъ узнаютъ ихъ у лошадей.

Марловъ. Я заявляю, малютка, что вы обижаете меня. Если я буду держаться подальше, то какже въ такомъ случаѣ мы познакомимся?

Миссъ Гардкестль. А кому нужно знакомиться съ вами? Я не нуждаюсь въ вашемъ знакомствѣ, не нуждаюсь. Я увѣрена, что вы не такъ обходились съ миссъ Гардкестль, которая только что была здѣсь. Я голову прозакладываю, что при ней вы были смущены, и кланялись до земли, и разговаривали, словно стояли передъ мировымъ судьей.

Марловъ (*въ сторону*). Ну, угадала довольно вѣрно! (*Громко*). Страхъ передъ ней, малютка?.. Ха, ха, ха!.. Неуклюжее косоое созданье! Нѣтъ, нѣтъ; я вижу, что вы не знаете меня. Я слегка посмѣялся надъ ней; но я не хотѣлъ быть суровымъ; нѣтъ, я не могъ быть слишкомъ суровымъ, будь я проклять.

Миссъ Гардкестль. О, такъ вы, сэръ, я вижу, любимецъ дамъ?

Марловъ. Да, малютка, большой любимецъ. А между тѣмъ, пусть меня повѣсятъ, если я понимаю, что онѣ нахо-

дять во мнѣ. Въ дамскомъ клубѣ, въ городѣ, меня называютъ милой «Сорокой». «Сорока», милочка, не настоящее мое имя, но я извѣстенъ подъ этимъ именемъ. Мое имя Саломонсъ. Мистеръ Саломонсъ, милочка, къ вашимъ услугамъ. (*Хочетъ обнять ее*).

Миссъ Гарджестль. Стойте, сэръ; вы меня представили вашему клубу, а не самому себѣ. Такъ вы такой любимецъ тамошняго общества, говорите вы?

Марловъ. Да, моя милая. Мистриссъ Мантрэшь, леди Бетти Блеклегъ, графиня Слинго, мистриссъ Лонхорнъ, старая миссъ Биди Бекшанъ и вашъ покорный слуга поддерживаютъ тамъ веселье.

Миссъ Гарджестль. Такъ это очень веселое мѣсто, я полагаю?

Марловъ. Настолько веселое, насколько могутъ веселить карты, ужинъ, вино и старыя женщины.

Миссъ Гарджестль. И ихъ милая Сорока. Ха, ха, ха!

Марловъ (*въ сторону*). Мнѣ не очень-то нравится этотъ котенокъ; она кажется, себѣ на умѣ. (*Громко*). Вы смѣетесь, малютка?

Миссъ Гарджестль. Я не могу не смѣяться, если подумаю, когда же у нихъ бываетъ время на работу въ семьѣ?

Марловъ (*въ сторону*). Все благополучно, она не надомной смѣется. (*Громко*). Вы когда нибудь работаете, малютка?

Миссъ Гарджестль. Ну, конечно; ни одного (одѣяла, ни одного экрана не найдется во всемъ домѣ, которые бы не подтверждали мои слова.

Марловъ. Вы должны показать мнѣ ваше вышиванье. Я самъ немножко вышиваю и составляю рисунки. Если вамъ нуженъ цѣнителъ для вашей работы, вы должны обратиться ко мнѣ. (*Беретъ ее за руки*).

Миссъ Гарджестль (*вырывается*). При огнѣ цвѣта не такъ хороши. Вы увидите все утромъ.

Марловъ. Отчего жѣ не теперь, мой ангелъ? Такая красота воспламеняетъ; лишая силъ бороться. Тыфу!.. Отецъ пришелъ!.. Вѣчная мнѣ неудача! (*Уходитъ*).

Входитъ Гардкестль.

Гардкестль. Такъ-то, сударыня? Такъ это вашъ скромный обожатель?.. Это вашъ смиренный поклонникъ; который смотритъ въ землю и обожаетъ на почтительномъ разстояніи?.. Кетъ, Кетъ, тебѣ не стыдно обманывать такъ своего отца?

Миссъ Гардкестль. Пожалуй, не вѣрьте мнѣ, милый папа, но право онъ тотъ же скромный человекъ, какимъ и сперва показался мнѣ; вы сами скоро убѣдитесь въ этомъ, какъ и я.

Гардкестль. Клянусь, его безстыдство заразительно! Точно я не видѣлъ, какъ онъ схватилъ твои руки?.. Не видѣлъ я, какъ онъ тащилъ тебя, словно ты коровница?.. А ты мнѣ толкуешь о его почтительности, его скромности... Нечего сказать!

Миссъ Гардкестль. Но если мнѣ удастся убѣдить васъ въ его скромности и въ томъ, что у него только такіе недостатки, которые пройдутъ съ годами, и такіа добродѣтели, которыя еще болѣе разовьются со временемъ,—надѣюсь, вы тогда простите его?

Гардкестль. Дѣвчонка эта съума можетъ свести! Говорю тебѣ, что меня нечего убѣждать: я убѣжденъ. Онъ пробылъ не болѣе трехъ часовъ у насъ въ домѣ, а уже посягнулъ на мои права. Тебѣ можетъ нравиться его безстыдство, и ты можешь называть это скромностью; но мой зять, сударыня, долженъ имѣть совершенно другія свойства.

Миссъ Гардкестль. Сэръ, я прошу позволенія сегодня же вечеромъ убѣдить васъ.

Гардкестль. И половины этого срока не будетъ у тебя, потому что я намѣренъ сейчасъ же выгнать его вонъ.

Миссъ Гардкестль. Дайте мнѣ часъ времени, и я надѣюсь удовлетворить васъ.

Гардкестль. Хорошо, согласимся на одинъ часъ. Но я не позволю обманывать твоего отца. Дѣйствовать честно и открыто, помни!

Миссъ Гардкестль. Я надѣюсь, сэръ, вы всегда вадѣли, что я считала своею гордостью исполнять ваши приказанія; а ваша доброта такъ велика, что мои обязанности приятны для меня, какъ удовлетвореніе моихъ наклонностей. *(Уходитъ)*.

Входятъ Марловъ и Джереми, который слѣдуетъ за нимъ.

Марловъ. Удивляюсь, о чемъ только думалъ Гастингсъ, присылая мнѣ на храненіе такую цѣнную вещь, какъ шкатулка, когда онъ знаетъ, что единственное мѣсто, куда я могу спрятать—это скамейка въ почтовой каретѣ у воротъ гостиницы! Отдалъ ты хозяйкѣ шкатулку, какъ я приказалъ тебѣ? Въ руки ей отдалъ?

Джереми. Да, ваша милость.

Марловъ. Сказала она, что побережетъ ее, да?

Джереми. Да, она сказала, что будетъ беречь ее; она спросила меня, откуда я взялъ ее, и она сказала, что намѣрена привлечь къ отвѣту меня. *(Уходитъ)*.

Марловъ. Ха, ха, ха! Вещи во всякомъ случаѣ будутъ цѣлы. Среди какихъ непонятныхъ созданій очутились мы! Эта маленькая прикащица такъ и вертится у меня въ головѣ, выкупая всѣ глупости другихъ членовъ семьи. Она моя, она должна быть моей, или я жестоко ошибаюсь.

Входитъ Гастингсъ.

Гастингсъ. Боже мой! Я совсѣмъ забылъ сказать ей, что намѣренъ отправиться въ садъ. Марловъ здѣсь и въ веселомъ расположеніи духа.

Марловъ. Поздравь меня, Джоржъ. Вѣнчай меня лаврами! Джоржъ, наконецъ-то мы, скромные люди, имѣемъ успѣхъ среди женщинъ.

Гастингсъ. Нѣкоторыхъ женщинъ, ты хочешь сказать. Но за какіе такіе успѣхи слѣдуетъ увѣнчать скромность вашей милости, которая такъ хвастливо теперь высказывается?

Марловъ. Ты не замѣчалъ развѣ соблазнительнаго, живаго, хорошенкаго, маленькаго созданья, которое бѣгаетъ по дому, со связкой ключей у кушака?

Гастингсъ. Ну, и что же?

Марловъ. Она моя, плуть ты этакій! Такой огонь, такая живость, такіе глазки, такія губки!.. Но ўвы! она однако не позволяетъ мнѣ еще расцѣловать ихъ.

Гастингсъ. И ты такъ увѣренъ, такъ увѣренъ въ ней?

Марловъ. Ну, братецъ, она обѣщала мнѣ показать свою работу наверху, и я буду поправлять рисунокъ.

Гастингсъ. Но какъ ты можешь, Чарльзъ, рѣшиться похитить чѣсть у женщины?

Марловъ. Ну, ну!.. Я ничего не намѣренъ похищать у ней, даю слово; я за все въ этомъ дѣлѣ честно расплачусь.

Гастингсъ. Мнѣ кажется, что эта дѣвушка добродѣтельная.

Марловъ. Если она добродѣтельная, то я послѣдній человѣкъ на свѣтѣ, способный совратить ее.

Гастингсъ. Ты спряталъ, надѣюсь, шкатулку, которую я прислалъ? Въ безопасности она?

Марловъ. Да, да, въ безопасности. Я позаботился о ней. Но какъ ты могъ думать, что скамейка въ почтовой каретѣ у воротъ гостиницы представляетъ безопасное мѣсто? О, глупышъ! Я распорядился за тебя съ большею предосторожностью, я...

Гастингсъ. Что?

Марловъ. Я отослалъ шкатулку хозяйкѣ на храненіе.

Гастингсъ. Хозяйкѣ!..

Марловъ. Хозяйкѣ.

Гастингсъ. Ты отослалъ?

Марловъ. Да. И она будетъ отвѣчать за нихъ, ты понимаешь?

Гастингсъ. Да, и она представитъ ихъ со свидѣтелемъ.

Марловъ. Не правъ ли я былъ? Надѣюсь, ты согласишься, что я поступилъ въ этомъ случаѣ осторожно.

Гастингсъ (*въ сторону.*). Онъ не долженъ видѣть мое смущеніе.

Марловъ. Ты какъ будто немножко разстроены? Надѣюсь, ничего не случилось?

Гастингсъ. Нѣтъ, ничего. Мнѣ, никогда еще во всю мою жизнь не было такъ весело. Такъ ты отдалъ шкатулку хозяйкѣ, которая безъ сомнѣнія охотно взяла на себя эту обязанность?

Марловъ. Слишкомъ даже охотно. Она не только шкатулку оставила, но хотѣла также и человѣка оставить при себѣ. Ха, ха, ха!

Гастингсъ. Ха, ха, ха! Вещи будутъ цѣлы во всякомъ случаѣ.

Марловъ. Какъ гиней въ кошелькѣ скупца.

Гастингсъ (*въ сторону*). И такъ, теперь конецъ всѣмъ надеждамъ на состояніе, мы должны ѣхать безъ него. (*Громко.*) Ну, Чарльзъ, я оставляю тебя съ твоими мечтами о хорошенькой прикащицѣ и... ха, ха, ха! если ты для себя будешь дѣйствовать также удачно, какъ ты дѣйствовалъ для меня, то...

Марловъ. Что тогда?

Гастингсъ. Ну, тогда желаю тебѣ счастья отъ всего сердца. (*Уходитъ.*)

Входитъ Гардкестль.

Гардкестль (*въ сторону*). Я не узнаю болѣе своего дома. Все пошло шиворотъ-навыворотъ. Его слуги успѣли нализаться... Я не потерплю болѣе этого, но ради его отца я

буду сдержанъ. (*Громко*). Мистеръ Марловъ, вашъ слуга, вашъ покорный слуга. (*Кланяется*).

Марловъ. Сэръ, вашъ покорный слуга. (*Въ сторону*). Какая еще штука теперь произойдетъ?

Гардкестль. Я думаю, сэръ, вы согласны съ тѣмъ, что никто на свѣтѣ не могъ быть принять съ такимъ радушіемъ, какъ сынъ вашего отца? Я надѣюсь, вы согласны съ этимъ?

Марловъ. Согласенъ отъ всей души, сэръ. Но я не требую большого ухаживанія. Я вообще самъ забочусь о томъ, чтобы сынъ моего отца былъ вездѣ хорошо принятъ.

Гардкестль. Отъ души вѣрю, что вы заботитесь, сэръ. Я ничего не говорю о вашемъ собственномъ поведеніи, но поведеніе вашихъ слугъ невыносимо. Они такъ пьютъ, что это можетъ быть дурнымъ примѣромъ для этого дома. Увѣряю васъ.

Марловъ. Я заявляю, мой добрѣйшій сэръ, что это не моя вина. Если они не пьютъ такъ, какъ слѣдовало бы имъ пить, надо взискать съ нихъ; я отдалъ приказаніе не щадить вашего погреба; я приказалъ, увѣряю васъ. (*Зоветъ*). Эй вы, позовито котораго нибудь изъ моихъ слугъ! Такъ какъ самъ я не пью, то я дѣйствительно приказалъ, чтобы они на-верстали и за меня.

Гардкестль. Такъ это они по вашему приказанію ведутъ себя такъ? Я доволенъ.

Марловъ. По моему, увѣряю васъ; вамъ подтвердить это одинъ изъ нихъ.

Входитъ Джереми, пьяный.

Марловъ. Ну, Джереми! Иди-ка сюда, подлецъ! Какія были мои приказанія? Не было ли вамъ приказано пить, сколько хотите, и требовать всего, чего только вы не пожелаете, для пользы этого дома?

Гардкестль (*въ сторону*). Я начинаю терять всякое терпѣніе.

Джереми. Позвольте, ваша милость, хотя я слуга, но я такой же, какъ и всякій другой человѣкъ; я не стану пить до ужина, ни для кого на свѣтѣ; будь я проклятъ. Хорошее вино слѣдуетъ за хорошимъ ужиномъ; а не.. хорошій ужинъ.. за.. (Изнаетъ). По совѣсти, сэръ. (Уходитъ).

Марловъ. Вы видите, мой старый пріятель, онъ такъ пьянъ, какъ только можно быть пьянымъ. Не понимаю, чѣго вамъ еще надо! Остается только погрузить его въ бочку съ пивомъ.

Гардкестль (въ сторону). Черти! Онъ меня съ ума сведетъ, если я буду еще сдерживаться. (Громко). Мистеръ Марловъ, я выношу ваше нахальство уже четыре часа и не вижу конца ему. Я наконецъ рѣшился быть хозяиномъ здѣсь, сэръ, и я желаю, чтобы вы и ваши пьянчуги немедленно оставили мой домъ.

Марловъ. Оставить вашъ домъ! Конечно вы шутите, мой добрый другъ? Почему же, когда я все, что только могу; дѣлаю, чтобы понравиться вамъ.

Гардкестль. Я скажу вамъ, сэръ, что вы мнѣ не нравитесь: поэтому я желаю, чтобы вы оставили мой домъ.

Марловъ. Вы не можете это говорить серьезно. Ночью, и въ такую еще ночь! Вы хотите только пошмѣяться надо мной.

Гардкестль. Я объявляю вамъ, сэръ, что говорю серьезно; и такъ какъ я взбѣшенъ, то вотъ же вамъ: этотъ домъ мой, сэръ! Этотъ домъ мой, и я приказываю вамъ сейчасъ же оставить его.

Марловъ. Ха, ха, ха! Буря въ лужѣ. Я не двинусь съ мѣста, сэръ, увѣряю васъ. (Серьезнымъ тономъ). Такъ это вашъ домъ, пріятель? Это мой домъ; это мой домъ; мой, пока мнѣ угодно оставаться здѣсь. Какое право имѣете вы приказывать мнѣ оставить этотъ домъ, сэръ? Я никогда не видѣлъ

такого нахальства, пусть меня повесят, во всю жизнь свою никогда...

Гардкестль. И я также! Чортъ меня побери, если видаль! Явиться ко мнѣ въ домъ, требовать, чего только ни захотѣть, прогнать меня съ моего собственнаго кресла, оскорблять мое семейство, приказать своей прислугѣ напиться, — и потомъ говорить мнѣ: это домъ мой, сэръ! Клянусь нахальствомъ, меня это смѣшить! Прошу васъ, сэръ, (насмѣшливо) такъ какъ вы уже присвоили себѣ домъ, то не угодно ли вамъ также и обстановку? Вотъ пара серебряныхъ подсвѣчниковъ, вотъ экранъ, пара мѣховъ, можетъ бить, они приглянулись вамъ?

Марловъ. Принесите мнѣ вашъ счетъ, сэръ, принесите вашъ счетъ, и не будемъ болѣе говорить объ этомъ!

Гардкестль. Здѣсь есть также нѣсколько картинъ. Что вы думаете о «Прогрессѣ Свободы»? Не повѣсить ли въ вашу комнату?

Марловъ. Принесите мнѣ вашъ счетъ, говорю я; и я сейчасъ же оставлю васъ и вашъ проклятый домъ!

Гардкестль. Есть также блестящая мѣдная жаровня, въ которую вы можете смотрѣться и видѣть свое безстыжее лице.

Марловъ. Счетъ мой, говорю вамъ.

Гардкестль. Я и забылъ про большое кресло, въ которомъ вы можете дремать послѣ сытной ѣды.

Марловъ. Черти! Принесите мнѣ мой счетъ, говорю вамъ, и ни слова болѣе.

Гардкестль. Молодой человекъ, молодой человекъ, судя по письму вашего отца ко мнѣ, я ожидалъ къ себѣ въ гости хорошо воспитаннаго, скромнаго человекъ; но теперь я вижу, что онъ нахаль и буянъ; его отецъ скоро будетъ здѣсь и все узнаетъ. (Уходитъ).

Марловъ. Что такое?.. Не могъ же я ошибиться. Все похоже, какъ въ гостиницѣ... Слуги орутъ при приѣздѣ.

Служить не умѣють... также прикащица, чтобы прислуживать намъ... Но вотъ она пришла и объяснить мнѣ все. Куда такъ скоро, малютка? На, родно слово.

Входитъ Миссъ Гардкестль.

Миссъ Гардкестль. Говорите скорѣе, я тороплюсь. *(Въ сторону)*. Онъ, кажется, догадывается о своей ошибкѣ, но пока еще рано выводить его изъ заблужденія.

Марловъ. Прошу, малютка, отвѣтить на одинъ вопросъ. Кто вы здѣсь, какія у васъ обязанности въ этомъ домѣ?

Миссъ Гардкестль. Я родственница хозяина, сэръ.

Марловъ. Бѣдная родственница?

Миссъ Гардкестль. Да, сэръ. Бѣдная родственница, приставленная къ ключамъ и обязанная присматривать, чтобы гости ни въ чемъ не нуждались.

Марловъ. То есть вы дѣйствуете, какъ прикащица этой гостиницы?

Миссъ Гардкестль. Гостиница!.. О, какъ это пришло вамъ въ голову? Одно изъ лучшихъ семействъ въ мѣстности будетъ держать гостиницу! Ха, ха, ха! Домъ стараго мистера Гардкестля гостиница!

Марловъ. Домъ мистера Гардкестля! Это домъ мистера Гардкестля, малютка?

Миссъ Гардкестль. Чей же онъ можетъ быть, сэръ?

Марловъ. Такъ все понятно, и я чертовски былъ обмануть. О, чортъ побори мою дурацкую голову, теперь всѣ въ городѣ будутъ смѣяться надо мной. Во всѣхъ юмористическихъ журналахъ я буду представленъ въ карикатурѣ. Глуписсимо Макарони! Изъ всѣхъ домовъ именно этотъ принять за гостиницу, а стараго друга моего отца — за содержателя гостиницы! Какимъ наглымъ щенкомъ онъ долженъ считать меня! Какимъ глупымъ щенкомъ я самъ себя считаю! Вотъ также; будь я проклять, вѣдь я васъ, моя милая, принялъ за прикащицу.

Миссъ Гардкестль. Бѣдная я, бѣдная! Но я увѣ-

рена, что ничего въ моемъ поведеніи... (*Чуть не плачетъ*).

Марловъ. Ничего, моя милая, ничего. Но я дѣлалъ ошибку за ошибкой, такъ за одно ужъ и въ васъ ошибся. Моя глупость все мнѣ представляла въ ложномъ видѣ. Вашу заботливость я принялъ за назойливость, вашу простоту за заигрыванье. Но теперь это все кончено. Я въ этотъ домъ больше не загляну.

Миссъ Гардкестль. Я надѣюсь, сэръ, что я ничего такого не сдѣлала, что бы досадить вамъ. Мнѣ было бы грустно обидѣть джентльмена, который былъ такъ вѣжливъ и говорилъ мнѣ такія милыя вещи. Мнѣ было бы грустно (*дѣлаетъ видъ, что плачетъ*), еслибъ онъ покинулъ семейство изъ-за меня. И мнѣ было бы грустно, если бъ люди стали болтать дурное, такъ какъ у меня нѣтъ состоянія, а одно только доброе имя.

Марловъ (*въ сторону*). Клянусь небомъ, она плачетъ. Это первый знакъ нѣжности, который я когда либо получалъ отъ скромной женщины, и меня это трогаетъ.

Миссъ Гардкестль. Моя семья, я увѣрена, не хуже семьи миссъ Гардкестль, и хотя я бѣдная, но это не большое несчастіе для спокойнаго сердца; и до настоящей минуты я никогда не думала, что худо быть бѣдной.

Марловъ. Почему же теперь, моя очаровательная простота?..

Миссъ Гардкестль. Потому что она отдаляетъ меня отъ того, кому я дала бы тысячу фунтовъ, если бъ имѣла...

Марловъ (*въ сторону*). Эта простота чаруетъ меня, такъ что если я останусь, то потеряю голову. Я долженъ събратъся съ силами и оставить ее. (*Громко*). Простите меня, моя милая дѣвочка, вы здѣсь единственный членъ семьи, съ которымъ я расстаюсь съ грустью. Но, говоря откровенно съ вами, различіе въ происхожденіи, состояніи и воспитаніи дѣлаютъ невозможнымъ законное соединеніе; а я не смѣю и подумать о томъ, чтобы обмануть невинность, которая довѣ-

рилась моей чести, или погубить ту; единственная вина которой—что она слишком прелестна. (*Уходитъ*).

Миссъ Гарджестль. Я до сихъ поръ не знала и половины его достоинствъ. Онъ не уйдетъ, если только это въ моей власти, или если я съумю удержать его. Я буду продолжать свою роль, въ которой шла къ побѣдѣ, но я все открою милому папа, который, можетъ быть, осмѣетъ его рѣшеніе. (*Уходитъ*).

Входятъ Тони и миссъ Невиль.

Тони. Можете сами воровать въ слѣдующій разъ. Я свой долгъ исполнилъ. Она получила вещи обратно, это вѣрно; но она думаетъ, что это все перепутала прислуга.

Миссъ Невиль. Но, мой милый кузень, вы конечно не бросите насъ въ этомъ несчастіи? Если она только хоть немного подозрѣваетъ, что я собираюсь уѣхать, она меня запретъ въ комнату, или отошлетъ къ тетускѣ Педигри, что еще въ десять разъ хуже.

Тони. Извѣстное дѣло, всякія тетуски—чертовски дурныя вещи. Но что я могу сдѣлать? Я приготовилъ для васъ пару лошадей, которыя полетятъ, какъ свистъ, и вы, конечно, не скажете, что я за вами ухаживалъ въ ея присутствіи. Вотъ она идетъ. Мы должны полюбезничать немножко, чтобы она не стала подозрѣвать насъ.

Входитъ м-рсь Гарджестль.

М-рсь Гарджестль. Ну, я порядкомъ похлопотала, это вѣрно. Мой сынъ говоритъ, что все прислуга перепутала. Я конечно не буду спокойна, пока они не обвиняются, и тогда я ей вручу ея состояніе. Но что я вижу?.. Любезничаютъ! Я никогда не видала Тони прежде такимъ веселымъ. А! Поймала-таки васъ, мои голубки! Что, милуетесь. перемигиваетесь, шепчетесь? а!..

Тони. Что касается шопота, мамаша, то мы конечно немножко ворчимъ иногда. Но любовь у насъ даромъ не пропадаетъ.

М-рсь Гардкестль. Только раздуваніе пламени, Тони, чтобы оно горѣло ярче.

Миссъ Невиль. Кузень Тони общаетъ чаще бывать дома, съ нами. Серьезно, онъ не будетъ больше оставлять насъ. Не будете оставлять насъ, кузень Тони, нѣтъ?

Тони. Вотъ милое созданье! Нѣтъ, я скорѣе лошадь оставлю въ пруду, нежели оставлю васъ, когда вы такъ улыбаетесь. Смѣхъ дѣлаетъ васъ такой интересной!

Миссъ Невиль. Милый кузень! Кто можетъ не восхищаться этой натуральной веселостью, этимъ пріятнымъ, широкимъ, краснымъ, беззаботнымъ... (*щиплетъ его за щеку*). Экое смѣлое лице?

М-рсь Гардкестль. Милая невинность!

Тони. Мнѣ всегда нравились глаза кузины Кони, глаза газели, и ея хорошенькіе длинные пальчики, которые и такъ, и этакъ прыгаютъ по струнамъ арфы, точно коклюшки.

М-рсь Гардкестль. Онъ способенъ приманить птицу съ дерева. Я никогда прежде не была такъ счастлива. Мой мальчикъ очень походить на своего отца, бѣднаго мистера Лемкина. Драгоценныя вещи, милочка Кони, скоро будутъ у васъ; вы получите ихъ. Не кроткій ли онъ мальчикъ, моя милочка? Вы завтра же будете обвѣнчаны, окончаніе же его воспитанія мы отложимъ, какъ проповѣди доктора Дроуза, до болѣе удобнаго случая.

Входитъ Диггори.

Диггори. Гдѣ сквайръ? У меня письмо къ вашей милости.

Тони. Отдай его мамѣ. Она первая читаетъ всѣ мои письма.

Диггори. Мнѣ приказано отдать его вамъ въ собственныя руки.

Тони. Отъ кого оно?

Диггори. Ваша милость пусть это спросить у письма.

Тони. Но я могу же желать знать! (*Вертитъ письмо, разглядывая. Диггори уходитъ*).

Миссъ Невиль (*въ сторону*): Пропали, пропали! Письмо отъ Гастингса... Я знаю его руку. Если моя тетка увидитъ его, мы навѣки несчастны. Я отвлеку ея вниманіе, если могу. (*Обращается къ м-рсу Гарджестль*). Я не говорила вамъ о забавномъ отвѣтѣ моего кузена мистеру Марлову. Мы такъ смѣялись! Вы должны узнать... отойдемте немножко подальше, сюда, потому что онъ не долженъ слышать насъ. (*Отходятъ и разговариваютъ*).

Тони (*разглядывая письмо*): Настоящія каракули матроса, какія я только когда нибудь видѣлъ въ жизни. Печатное я могу вамъ довольно хорошо прочесть, но тутъ такія ковычки, стебельки, черточки, что съ трудомъ отличишь голову отъ хвоста. «Антони Лемпкину, эсквайру...» Странно, право, очень, я всегда могу прочесть письмо снаружи, гдѣ выставлено мое имя, но чуть только я открою его—тарабарщина. Это печально, потому что внутренность письма и составляетъ сливки корреспонденціи.

М-рсъ Гарджестль. Ха, ха, ха! Очень хорошо, очень хорошо! И такъ мой сынъ втупикъ поставилъ философа?

Миссъ Невиль. Да, но вы должны выслушать дальше. Подвинемся немножко сюда, а то онъ услышитъ насъ. Вы узнаете, какъ онъ опять озадачилъ его.

М-рсъ Гарджестль. Думается мнѣ, что онъ самъ теперь чрезвычайно озадаченъ.

Тони (*разглядывая письмо*). Чертовская рука, словно подъ хмѣлькомъ писала. (*Читаетъ*). «Дорогой сэръ...» это такъ. А потомъ идетъ М, и Т, и С, но слѣдующая буква, ящерица это или Р, чортъ меня побори, не могу разобрать.

М-рсъ Гарджестль. Что такое, голубчикъ? Могу я въ чемъ нибудь помочь тебѣ?

Миссъ Невиль. Пожалуйста, тетя, позвольте мнѣ прочесть. Никто лучше меня не справляется съ неразборчивымъ почеркомъ. (*Выдергиваетъ письмо изъ ея рукъ*). Вы знаете, отъ кого оно?

Тони. Не знаю, если только оно не отъ Дика Ингера.

Миссъ Невиль. Именно отъ него. (*Дѣлаетъ видъ, что читаетъ*): «Любезный сквайръ, надѣюсь, что вы здоровы, какъ и я въ настоящее время. Джентльмены изъ клуба Тряси—Мѣшокъ порядкомъ пощипали джентльменовъ Зеленой Гусыни. Ссора... битва... продолжительная драка...» Здѣсь говорится о пѣтухахъ и дракѣ; это не важно, возьмите, спрячьте его, спрячьте. (*Суетъ ему измятое письмо*).

Тони. А я скажу вамъ, миссъ, что все на свѣтѣ важно. Я бы и за гиню не согласился пропустить ни слова. Вотъ, мамаша, не прочтаете ли? Не важно!

М-ръ Гардкестль, (*читаетъ*). «Любезный сквайръ, я ожидаю теперь миссъ Невиль за садомъ, съ почтовой каретой и парой лошадей; но я думаю, что мои лошади не въ состояннн будутъ сдѣлать всю дорогу. Я ожидаю, что вы станете намъ пару свѣжихъ лошадей, какъ вы обѣщали. Нужно дѣйствовать быстро, а то вѣдьма... а-а... вѣдьма, ваща мать, будетъ подозрѣвать насъ. Вашъ Гастингсъ». Дайте мнѣ терпѣннн! Я съ ума сойду, меня задушитъ бѣщенство!

Миссъ Невиль. Я надѣюсь, что вы удержите вашъ гнѣвъ на нѣсколько минутъ и не припишете мнѣ дерзости и коварныхъ намѣреннн другаго.

М-ръ Гардкестль (*низко присѣдаетъ*). Превосходно сказано, сударыня; вы удивительно какъ вѣжливы и любезны, настоящнн образецъ вѣжливости и осторожности, сударыня. (*Перемѣняетъ тонъ*). А ты, ты большой, неотесанный дуракъ; имѣющнн едва настолько смыслу, чтобы умѣть закрыть ротъ, и ты также пошелъ противъ матери? Я въ одну минуту разстрою ваши планы. Что касается до васъ, сударыня, такъ какъ свѣжнн лошади приготовлены для васъ, то было бы жестоко обмануть ихъ; потому, не угодно ли вамъ, вмѣсто того, чтобы отправляться съ вашимъ любовникомъ, сню же минуту ѣхать со мной? Ваша старая тетка Педигри сумѣетъ укарау-

лить васъ, я въ томъ ручаюсь. А вы, сэръ, можете сѣсть на вашу лошадь и охранять насъ въ дорогѣ. Сюда, Томасъ, Роджеръ, Диггори! Я покажу вамъ, что желаю вамъ, больше добра, нежели вы сами себѣ желаете. (*Уходитъ*).

Миссъ Невиль. И такъ, теперь я вполне несчастна.

Тони. Это ужь вѣрно.

Миссъ Невиль. Чего лучше можно было ожидать отъ такого дурака, и послѣ всѣхъ кивковъ и знаковъ, которые я ему дѣлала!

Тони. Клянусь законами, миссъ, это ваша собственная изобрѣтательность, а не моя глупость, надѣлала вамъ дѣлъ.

Входитъ Гастингсъ.

Гастингсъ. Сэръ, я узналъ отъ моего слуги, что вы показали мое письмо и выдали насъ. Хорошо развѣ было такъ поступать, молодой джентльменъ?

Тони. Вотъ и другой. Допрашивайте миссъ, которая выдала васъ. Она это сдѣлала, а не я. (*Садится на столъ*).

Входитъ Марловъ.

Марловъ. Прекрасно вы поступили со мной! По вашей милости я былъ дерзокъ, невѣжливъ, и теперь я оскорбленъ, осмѣянъ!

Тони. Вотъ и другой! Скоро, кажется, сбѣжится весь Бедламъ.

Миссъ Невиль. А вотъ, сэръ, джентльменъ, которому мы всѣмъ обязаны.

Марловъ. Что мнѣ говорить ему, мальчишкѣ, идиоту, котораго извиняють невѣжество и возрастъ!

Гастингсъ. Олухъ, съ которымъ не стоитъ связываться!

Миссъ Невиль. Однако у него оказалось достаточно хитрости и лукавства, чтобы посмѣяться надъ нашимъ затруднительнымъ положеніемъ.

Гастингсъ. Безчувственный щенокъ!

Марловъ. Начиненный шалостями и глупостями.

Тони. Цыцъ! (*Вскакиваетъ*). Чортъ возьми, я отвалю васъ обоихъ корзинками... одного за другимъ.

Марловъ. Что касается до него, то онъ не стоитъ гнѣва; но ваше поведеніе, мистеръ Гастингсъ, требуетъ объясненія. Вы знали о моей ошибкѣ и не объяснили мнѣ.

Гастингсъ. Время ли теперь объясняться, когда я такъ страдаю отъ своего собственнаго разочарованія? Это не по дружески, мистеръ Марловъ.

Марловъ. Но, сэръ...

Миссъ Невиль. Мистеръ Марловъ, мы тогда узнали о вашемъ заблужденіи, когда уже было поздно объяснять вамъ.

Входитъ Диггори.

Диггори. Моя госпожа желаетъ, чтобы вы немедленно собирались. Лошадей уже закладываютъ. Ваша шляпка и вещи въ сосѣдней комнатѣ. Намъ нужно проѣхать тридцать миль до утра. (*Уходитъ*).

Миссъ Невиль. Я иду. Мистеръ Марловъ, если бъ вы знали, какая неволя, какія неприятности предстоятъ мнѣ, я увѣрена, что вашъ гнѣвъ смѣнился бы на жалость.

М-ръ Гардкестль (*за сценой*). Миссъ Невиль! Констанція! Что же, Констанція, я зову!..

Миссъ Невиль. Я иду. (*Гастингсу*). И такъ постоянство — нашъ девизъ. (*Уходитъ*).

Гастингсъ. Мое сердце, какъ я перенесу это! Быть такъ близко къ счастью, и къ какому еще счастью!..

Марловъ (*Тони*). Вы видите теперь, молодой джентльменъ, послѣдствія вашей глупой выходки. Что могло быть забавой для васъ, составляетъ разочарованіе и даже несчастіе.

Тони (*выходитъ изъ задумчивости*). Вотъ, придумалъ!.. Вотъ оно! Ваши руки: вашу и вашу, мой бѣдный угрюмецъ! Ждите меня черезъ два часа въ серединѣ сада; и если вы не найдете, что Тони лучше и добрѣе, чѣмъ вы думаете о

немъ, тогда я позволю взять мою лучшую лошадь и Беть Бонсеръ въ придачу. Идемъ. (*Уходятъ*).

ДѢЙСТВІЕ III.

СЦЕНА I.

Комната та же.

Входятъ Гарджестль и сэръ Чарльсъ Марловъ.

Гарджестль. Ха, ха, ха!.. Дерзкій тонъ, какимъ онъ отдавалъ мнѣ свои величественныя приказанія!

Сэръ Чарльсъ. И вѣжливость, съ какою, воображаю я, онъ отвѣчалъ на твою предупредительность!

Гарджестль. Однако онъ могъ видѣть во мнѣ кое-что повыше обыкновеннаго содержателя гостиницы.

Сэръ Чарльсъ. Да, Дикъ, но онъ принялъ тебя за не-обыкновеннаго содержателя гостиницы, ха, ха, ха!

Гарджестль. Я слишкомъ счастливъ, чтобы думать о чемъ нибудь, кромѣ веселья. Да, мой милый другъ, этотъ бракъ въ нашихъ семьяхъ сдѣлаетъ нашу личную дружбу наследственной; и хотя состояніе моей дочери невелико...

Сэръ Чарльсъ. Къ чему ты говоришь мнѣ о состояніи? У моего сына болѣе чѣмъ достаточныя средства, и ему нужна только хорошая, добродѣтельная дѣвушка, чтобы раздѣлить съ нимъ счастье и увеличить его. Если они любятъ другъ друга, какъ ты говоришь...

Гарджестль. Если, пріятель! Я говорю тебѣ, что они любятъ другъ друга... такъ говорила мнѣ моя дочь.

Сэръ Чарльсъ. До, но ты знаешь, дѣвушки соособны самообольщаться.

Гарджестль. Я самъ видѣлъ, какъ онъ пожималъ ей

руку наинѣжнѣйшимъ образомъ... Встѣ онъ самъ положить конецъ твоимъ «если», рѣшаюсь за него.

Входитъ Марловъ.

Марловъ. Я пришелъ, сэръ, еще разъ просить васъ простить мнѣ мое странное поведеніе. Я не могу вспомнить безъ стыда о своемъ нахальствѣ.

Гардкестль. Пустяки, братецъ. (*Жметъ ему руку*). Вы слишкомъ серьезно отнеслись къ этому. Часокъ или два болтовни съ моей дочкой поправятъ все дѣло; не будетъ же она меньше васъ любить изъ-за этого!

Марловъ. Сэръ, я всегда буду гордиться ея одобреніемъ.

Гардкестль. Одобреніе—холодное слово, мистеръ Марловъ; если я не обманываюсь, вы можете похвастать кое-чѣмъ получше одобренія. Вы понимаете меня.

Марловъ. Истинно, сэръ, не имѣю этого счастья.

Гардкестль. Полно, братецъ, я старый человекъ, но понимаю кое-что также хорошо, какъ и вы, который будете помоложе. Я знаю, что произошло между вами, но помалчиваю.

Марловъ. Сэръ, ничего не произошло между нами; одно только глубокое уваженіе съ моей стороны и величайшая скромность съ ея стороны. Неужели вы думаете, сэръ, что мое нахальство выразилось и въ отношеніи остальныхъ членовъ семейства?

Гардкестль. Нахальство?.. я не говорилъ этого. Не совсѣмъ нахальство. Дѣвушки любятъ, чтобы съ ними заигрывали и шутили. Моя дочь не станетъ врать, увѣряю васъ.

Марловъ. Пусть я умру, сэръ, если я когда нибудь...

Гардкестль. Говорю же вамъ, что вы ей не противны! И такъ какъ я увѣренъ, что она также нравится вамъ...

Марловъ. Дорогой сэръ, я протестую, сэръ...

Гардкестль. Я не вижу причины, почему бы вамъ не соединиться такъ прочно, какъ только можетъ прочно соединить пасторъ.

Марловъ. Но отчего вы не хотите выслушать меня? Клянусь всѣмъ, что справедливо; я никогда не обнаруживалъ любви передъ миссъ Гардкестль, не давалъ малѣйшаго повода подозрѣвать меня въ любви. Мы имѣли одно только свиданіе, и оно было церемонное, скромное и неинтересное.

Гардкестль. (*въ сторону*). Церемонное, скромное безстыдство этого человѣка невыносимо.

Сэръ Чарльзъ. И ты не пожималъ ей рукъ, не имѣлъ никакихъ объясненій?

Марловъ. Небо мнѣ свидѣтель, что я пріѣхалъ сюда по вашему приказанію. Я встрѣтился съ леди безъ волненія и разстался съ ней безъ грусти, Надѣюсь, вы не потребуете большихъ доказательствъ моей готовности исполнять свой долгъ и не воспрепятствуете мнѣ покинуть этотъ домъ, въ которомъ я испыталъ столько неприятностей. (*Уходитъ*).

Сэръ Чарльзъ. Меня удивляетъ искренній видъ, съ которымъ онъ сказалъ послѣднія слова.

Гардкестль. А меня удивляетъ обдуманная смѣлость его поведенія.

Сэръ Чарльзъ. Я готовъ отвѣчать своею жизнью и честью, что онъ говоритъ правду.

Гардкестль. Вотъ пришла моя дочь; за ея правдивость я отвѣчаю своимъ счастьемъ.

Входитъ миссъ Гардкестль.

Гардкестль. Кетъ, поди-ка сюда, дитя. Отвѣчай намъ искренно, безъ всякой скрытности; признавался тебѣ мистеръ Марловъ въ любви?

Миссъ Гардкестль. Вопросъ очень неожиданный, сэръ, но такъ какъ вы требуете полнѣйшей искренности — я полагаю, признавался.

Гардкестль. (*сэру Чарльзу*) Вотъ видишь.

Сэръ Чарльзъ. Скажите, сударыня, имѣли вы съ моимъ сыномъ одно свиданіе или больше?

Миссъ Гардкестль. Да, сэръ, нѣсколько свиданій.

Гарджестль (*сэру Чарльзу*). Вот видишь.

Сэръ Чарльзь. Выказаль ли онъ хоть малѣйшую привязанность.

Миссъ Гарджестль. Серьезную привязанность.

Сэръ Чарльзь. Говориль онъ о любви?

Миссъ Гарджестль. Много, сэръ.

Сэръ Чарльзь. Удивительно! И все это формально?

Миссъ Гарджестль. Формально.

Сэръ Чарльзь. А какъ онъ велъ себя вообще, сударыня?

Миссъ Гарджестль. Какъ вообще ведутъ себя всѣ открытые поклонники. Говориль комплименты на счетъ моего лица; много говорилъ объ отсутствіи своихъ достоинствъ и величій моихъ; о сердцѣ упомянулъ, произнесъ коротенькій трагическій спичъ и кончилъ восхищеніемъ.

Сэръ Чарльзь. Теперь я вполне убѣдился. Я знаю, что егоразговоръ съ женщинами бываетъ скромный, чинный. Эта же вызывающая, лицемѣрная, высокопарная манера отнюдь не его манера, и я увѣренъ, что портретъ вы писали не съ него.

Миссъ Гарджестль. А если, сэръ, я заставлю васъ лично убѣдиться въ моей искренности? Если вы и папа спрячетесь черезъ полчаса за этотъ экранъ, то услышите сами, какъ онъ будетъ признаваться мнѣ въ любви.

Сэръ Чарльзь. Согласенъ. Но если я найду его такимъ, какимъ вы описали его, все счастье, которое онъ доставляетъ мнѣ, окончится.

(*Гарджестль и сэръ Чарльзь уходятъ.*)

Миссъ Гарджестль. А если я не найду его такимъ, какимъ я описала его, боюсь, что мое счастье никогда не начнется. (*Уходитъ.*)

СЦЕНА II.

Садъ.

Входитъ Гастингсъ.

Гастингсъ. Какой я идиотъ, что ожидаю человѣка, которому вѣроятно весело мучить меня! Онъ и не намѣренъ

быть точнымъ, и я не стану больше ждать его. Что я вижу? Это онъ, и можетъ быть, съ извѣстіемъ о моей Констанціи.

Входитъ Тони, въ сапогахъ, выпачканный.

Гастингсъ. Мой честный сквайръ! Теперь я вижу, что вы человекъ своего слова. Это по дружески.

Тони. Да, я вашъ другъ, и самый лучший другъ на свѣтѣ! Если бъ вы только все знали! Такая ѣзда ночью чертовски утомительна. Меня растрясло хуже, чѣмъ корзинку въ дилижансѣ.

Гастингсъ. Ну, какъ... гдѣ оставили вы вашихъ путешественницъ? Въ безопасности онѣ? Подъ кровлей онѣ?

Тони. Проѣхать двадцать пять миль въ два съ половиной часа—недурная ѣзда! Отъ бѣдныхъ животныхъ паръ пошелъ. Чортъ возьми, по мнѣ такъ лучше сорокъ миль проскакать за лисицей, нежели ѣхать десять миль, но съ такой обузой.

Гастингсъ. Хорошо, хорошо; но гдѣ вы оставили дамъ? Я умираю отъ нетерпѣнія.

Тони. Гдѣ оставилъ ихъ? Гдѣ же мнѣ было оставить ихъ какъ не тамъ, откуда и взять?

Гастингсъ. Это загадка.

Тони. Разгадайте мнѣ эту загадку. Что это такое, что ходить кругомъ да около дома, а въ домъ не попадаетъ?

Гастингсъ. Я все еще въ недоумѣніи.

Тони. Оно это и есть. Я ввелъ ихъ въ заблужденіе! Да на пять миль кругомъ не найдется ни одного пруда, ни одной лужицы, которыхъ бы онѣ не знали.

Гастингсъ. Ха, ха, ха! Я понимаю: вы возили ихъ вокругъ, между тѣмъ какъ онѣ думали, что ѣдутъ впередъ. И вы наконецъ привезли ихъ снова домой.

Тони. Вы послушайте. Сперра я ихъ повезъ въ Пуховый переулокъ, гдѣ мы скорехонько завязли въ грязи. Потомъ я заставилъ ихъ трястись по камнямъ вверхъ и внизъ съ горы. Потомъ а познакомилъ ихъ съ висѣлицей подъ пе-

чальнымъ деревомъ; и оттуда сдѣлавъ кругъ, прекрасно помѣстилъ ихъ около пруда для лошадей, въ серединѣ сада.

Г а с т и н г с ь. Ничего неприятнаго, надѣюсь, не случилось?

Т о н и. Нѣтъ, нѣтъ; только мамаша чертовски напугана. Она страхъ устала съ дороги, а бѣдныя лошаденки еле плетутся. Если ваши лошади готовы, можете увезти мою кузину, и я обѣщаю вамъ, что ни одна душа здѣсь не шевельнетъ ногой, чтобы преслѣдовать васъ.

Г а с т и н г с ь. Мой милый другъ, какъ мнѣ васъ отблагодарить!

Т о н и. А, Теперь милый другъ, благородный сквайръ, а то былъ идиотъ, щенокъ, заколотъ меня нужно было! Къ чорту вашу манеру биться, скажу я. Мы въ этомъ мѣстѣ послѣ потасовки пожимаемъ другъ другу руки и расстаемся друзьями; ну, а если бъ вы закололи меня и я бы умеръ, вамъ бы пришлось пожимать руку палача.

Г а с т и н г с ь. Выговоръ справедливъ. Но мнѣ надо спѣшить къ миссъ Невиль; если вы займете старую леди, я обѣщаю позаботиться о молодой.

Входитъ мистриссъ Гардкестль.

Т о н и. Не опасайтесь за меня. Она идетъ. Исчезайте! Она упала въ прудъ, и по поясъ мокрая, точно русалка. (*Гастингсъ уходитъ*).

М-р с ь Г а р д к е с т л ь. О, Тони, я убита!... разбита до смерти... Я никогда на переживу этого. Послѣднее паденіе наше въ заборъ боярышника доканало меня.

Т о н и. Увы, мама, это ваша собственная вина. Вы захотѣли ѣхать ночью, не зная ни на вершокъ дороги.

М-р с ь Г а р д к е с т л ь. Я бы желала, чтобы мы были опять дома. Никогда со мной не было столько неприятностей въ такое короткое путешествіе. Мокли въ грязи, свалились въ канаву, завяли въ болотѣ, и наконецъ потеряли дорогу! Гдѣ, какъ ты думаешь, мы теперь, Тони?

Тони. Мнѣ думается, что мы недалеко отъ Кренскельскаго выгона, миль сорокъ отъ дому.

М-ръс Гардкестль. Ой! Самое опасное мѣсто въ краю! Не доставало только нападенія, къ довершенію всего.

Тони. Не бойтесь, мама, не бойтесь. Двое изъ пятерыхъ, что прятались здѣсь, повѣшены, а другіе три могутъ и не найти насъ. Не бойтесь. Никакъ это человѣкъ идетъ позади насъ? Нѣтъ, это только дерево. Не бойтесь.

М-ръс Гардкестль. Страхъ навѣрно убьетъ меня.

Тони. Видите вы, что-то похожее на черную шляпу движается за кустарникомъ?

М-ръс Гардкестль. О, Боже!

Тони. Нѣтъ, это только корова. Не бойтесь, мама, не бойтесь.

М-ръс Гардкестль. Тони, я вижу человѣка, направляющагося къ намъ. Ахъ, я увѣрена въ этомъ! Если онъ увидитъ насъ, мы погибли.

Тони (*въ сторону*). Клянусь неудачей, это вотчимъ совершаетъ прогулку. (*Громко*). Ахъ, это разбойникъ съ пистолетами, длинными какъ моя рука! Громадный, зловѣщаго вида человѣкъ!

М-ръс Гардкестль. Боже, спаси насъ! Онъ приближается.

Тони. Вы спрячьтесь за этотъ кустарникъ и предоставьте мнѣ расправиться съ нимъ. Если будетъ опасность, я стану кашлять и скажу «гм». Когда я буду кашлять, вы, смотрите, не показывайтесь. (*М-ръс Гардкестль прячется за дерево, въ глубинѣ сцены*).

Входитъ Гардкестль.

Гардкестль. Я ошибся, но я слышалъ голоса людей, зовущіе на помощь. О, Тони! Это ты? Благополучно доѣхала твоя мать со своей обузой?

Тони. Благополучно, сэръ, до тетушки Педигри. Гм!

М-рсь Гардкестль (*за деревомъ*). Ахъ, вижу, есть опасность!

Гардкестль. Сорокъ миль въ три часа—это ужъ слишкомъ много, молодець!

Тони. Сильныя лошади, крѣпкая воля, говорятъ, дѣлають дорогу короче. Гм!.. (*Кашляетъ*).

М-рсь Гардкестль (*за деревомъ*). Онъ навѣрно не обидитъ моего мальчика.

Гардкестль. Но я слышалъ здѣсь голоса, и я желалъ бы знать, откуда они выходили.

Тони. Это я, сэръ, самъ съ собой разговаривалъ. Я говорилъ, что сорокъ миль въ три часа—это хорошая ѣзда. Конечно хорошая. Гм! Я немножко простудился на воздухъ. Мы отправимся домой, если вамъ угодно. (*Кашляетъ*).

Гардкестль. Но если ты разговаривалъ самъ съ собой, ты не отвѣчалъ же себѣ. Я увѣренъ, что слышалъ два голоса, и я намѣренъ (*возвышаетъ голосъ*) отыскать другой.

М-рсь Гардкестль (*выскакиваетъ*). О, онъ убьетъ моего бѣднаго мальчика, моего голубчика! Вотъ, добрый джентльменъ, излейте вапу ярость на мнѣ! Возьмите мои деньги, мою жизнь, но пощадите этого молодаго джентльмена, пощадите мое дитя, если у васъ есть состраданіе!

Гардкестль. Моя жена! Это также вѣрно какъ и то, что я христіанинъ! И что она городить?

М-рсь Гардкестль (*на колыняхъ*). Сжальтесь надъ нами, добрый мистеръ разбойникъ; берите наши деньги, наши часы, все, что у насъ есть, но пощадите нашу жизнь. Мы не потащимъ васъ въ судъ, въ самомъ дѣлѣ не потащимъ, добрый мистеръ разбойникъ!

Гардкестль. Мнѣ кажется, что она съ ума сошла. Доротея, неужели ты не узнаешь меня?

М-рсь Гардкестль. Мистеръ Гардкестль!.. Мой страхъ ослѣпилъ меня. Но кто же, мой милый, могъ ожидать встрѣ-

тить тебя здѣсь, въ такомъ опасномъ мѣстѣ, такъ далеко отъ дому? И зачѣмъ ты поѣхалъ за нами?

Гардкестль. Доротея, ты не потеряла же умъ?... «Такъ далеко отъ дому» — когда ты находишься въ сорока ярдахъ отъ собственной твоей двери! (*Тони*). Это одна изъ старыхъ твоихъ штукъ, плутъ ты безсовѣстный! (*М-рсъ Гардкестль*). Ты не узнаешь воротъ и грушеваго дерева; не припоминаешь пруда для лошадей?

М-рсъ Гардкестль. Я буду вѣчно помнить, пока жива, этотъ прудъ; въ немъ я схватила смерть. (*Тони*). И всѣмъ этимъ тебѣ я обязана, негодяй ты безсовѣстный? Я покажу тебѣ, какъ обманывать мать.

Тони. Ну, мамаша, весь приходъ говорить, что вы избаловали меня, теперь можете пожинать плоды.

М-рсъ Гардкестль. Я побалую тебя, побалую!... (*Бьетъ его и оба уходятъ*).

Гардкестль. Ха, ха, ха! (*Уходитъ*).

СЦЕНА III.

Гостинная.

Входятъ сэръ Чарльзъ Марловъ и миссъ Гардкестль.

Сэръ Чарльзъ. Въ какомъ я положеніи! Если случится то, что вы говорите, то сынъ мой окажется виновнымъ. Если окажется справедливымъ то, что онъ говоритъ, то я теряю ту, которую... изъ всѣхъ дѣвушекъ я желалъ бы себѣ въ дочери.

Миссъ Гардкестль. Я горжусь вашимъ одобрениемъ, и чтобы доказать вамъ, что заслуживаю его, вы услышите его открытое признаніе, если станете тамъ, гдѣ я указала вамъ. Но онъ идетъ.

Сэръ Чарльзъ. Я схожу за вашимъ отцемъ и приведу его въ назначенное мѣсто. (*Уходитъ*).

Входитъ Марловъ.

Марловъ. Хотя совсѣмъ-готовый ѣхать, я пришелъ еще разъ проститься съ вами; я не зналъ до настоящей минуты, какъ тяжело мнѣ будетъ разставаться!

Миссъ Гардкестль (*своимъ настоящимъ голосомъ*). Я думаю, что тѣ страданія не велики, сэръ, которыя вы такъ легко можете устранить. День или два дня, можетъ быть, успокоютъ ваше разстройство, показавъ вамъ малую цѣну того, о чемъ вы теперь сожалеете.

Марловъ (*въ сторону*). Эта дѣвушка каждую минуту исправляетъ меня (*Громко*). Этого быть не можетъ, сударыня. Я слишкомъ долго уже обманывалъ свое сердце; даже моя гордость начинаетъ смиряться передъ моею страстью и ничто, кромѣ этого труднаго шага, не излечитъ меня.

Миссъ Гардкестль. Тогда уѣзжайте, сэръ. Я не стану больше стараться удерживать васъ. Хотя моя семья такая же хорошая, какъ и та, которую вы пріѣхали навѣстить, и мое воспитаніе, надѣюсь, не хуже, но что значать эти преимущества безъ равносильнаго придатка? Я должна довольствоваться легкимъ одобреніемъ признаннаго достоинства. На мою долю выпало только ваше пустое ухаживаніе, тогда какъ ваши серьезные намѣренія имѣютъ цѣлью богатство.

Входятъ Гардкестль и сэръ Чарльзъ.

Марловъ. Клянусь небомъ, сударыня, я мало думалъ о богатствѣ. Ваша красота съ самаго начала плѣнила меня, да и кто бы могъ видѣть ее безъ волненія! Но каждая минута, въ которую я говорю съ вами, открываетъ новую прелесть, возвышаетъ картину, дѣлаетъ ее выразительнѣе. Что сперва казалось деревенской грубостью, то теперь кажется утонченной простотой. Что казалось вызывающей самоувѣренностью, то теперь поражаетъ меня, какъ послѣдствіе смѣлой невинности и сознательной добродѣтели. Теперь я рѣшился остаться, сударыня, и я слишкомъ высокаго мнѣнія о благоразуміи моего

отца, чтобы сомнѣваться въ его одобреніи, когда онъ увидитъ васъ.

Миссъ Гардкестль. Сэръ, я должна умолять васъ оставить это намѣреніе. Чѣмъ началось наше знакомство, тѣмъ пусть и кончится—равнодушіемъ. Я могла подарить часъ-два легкомыслію, но серьезно, мистеръ Марловъ, неужели вы думаете, что я когда нибудь могла согласиться на союзъ, въ которомъ я должна казаться корыстолюбивой, а вы неосторожнымъ? Неужели вы думаете, что я когда нибудь могла поддаться смѣлому ухаживанію развязнаго поклонника?

Марловъ (*на колѣняхъ*). Развѣ это похоже на развязность? Развѣ это похоже на смѣлость? Нѣтъ, сударыня, каждая минута, которая открываетъ мнѣ ваши достоинства, только увеличиваетъ мою робость и мое смущеніе. Позвольте мнѣ продолжать...

Сэръ Чарльзъ (*выходитъ*). Я не могу болѣе выносить! Чарльзъ, Чарльзъ, какъ ты обманулъ меня! И это твое равнодушіе, твой неинтересный разговоръ?

Гардкестль. Ваше холодное презрѣніе! Ваше церемонное свиданіе!.. Что вы теперь имѣете сказать?

Марловъ. Что я весь удивленіе! Чтò бы это значило?

Гардкестль. Это значить, что вы можете отлично говорить разныя вещи и отпираться отъ нихъ; что вы можете ухаживать за леди наединѣ, и отрицать это публично; что для насъ у васъ одна исторія, а для моей дочери—другая.

Марловъ. Дочери!.. Эта леди ваша дочь?

Гардкестль. Да, сэръ, моя единственная дочь, моя Кетъ. Чьей же еще ей быть?

Марловъ. О, чортъ!

Миссъ Гардкестль. Да, сэръ, та самая высокая, кося леди, за которую вамъ угодно было принять меня (*пристѣдаетъ*); за которой вы ухаживали, какъ тихій, скромный, сентиментальный и солидный человѣкъ, и какъ смѣлая, отважная, пріятная Сорока изъ клуба леди! Ха, ха, ха!

Марловъ. Черти! Этого не вынести!

Миссъ Гардкестль. Въ какой роли, сэръ разрѣшаете вы намъ обратиться къ вамъ? Какъ къ робкому молодому человѣку, съ опущеннымъ въ землю взоромъ, который говоритъ елесьшино и ненавидитъ лицемѣріе; или какъ къ шумливому, смѣлому созданію, который просиживаетъ съ м-рсь Мантрэпъ и старой миссъ Бидди Бекскинь до трехъ часовъ утра. Ха, ха, ха!

Марловъ. О, будь проклята моя пустая башка! Никогда не удавалось мнѣ быть нахальнымъ безъ того, чтобы не по-
пасться въ просякъ. Мнѣ нужно было уѣхать.

Гардкестль. Чортъ возьми, но вы не уѣдете. Я вижу, что это все недоразумѣніе, и я радъ этому. Вы не уѣдете, сэръ, говорю вамъ... я знаю, что она проститъ васъ. Ты развѣ не простишь его, Кетъ? Мы все простимъ васъ. Ободритесь, пріятель. *(Отходятъ въ глубину сцены; она дразнитъ его).*

Входятъ мистриссъ Гардкестль и Тони.

М-рсь Гардкестль. Такъ, такъ, они уѣхали. И пусть уѣхали... мнѣ все равно.

Гардкестль. Кто уѣхалъ?

М-рсь Гардкестль. Моя почтительная племянница и ея джентльмень, мистеръ Гастингсъ, изъ Лондона, который пріѣхалъ сюда съ нашимъ скромнымъ гостемъ.

Сэръ Чарльзъ. Кто! Мой славный Джоржъ Гастингсъ? Самый достойный человѣкъ на свѣтѣ, и дѣвушка не могла бы сдѣлать болѣе благоразумный выборъ.

Гардкестль. Чортъ возьми, я горжусь такимъ родственникомъ.

Входятъ Гастингсъ и миссъ Невиль.

М-рсь Гардкестль *(въ сторону)*. Какъ, такъ скоро вернулись! Мнѣ это начинаетъ не нравиться.

Гастингсъ *(Гардкестлю)*. Пусть мое теперешнее смущеніе послужитъ мнѣ наказаніемъ за мое намѣреніе увезти вашу племянницу. Мы теперь вернулись, чтобы прибѣгнуть не къ справедливости вашей, а къ вашему великодушію. Я

началь ухаживать за ней съ согласія ея отца, и наша любовь основана на послушаніи.

Миссъ Невиль. Послѣ его смерти я должна была притвориться, чтобы избѣгнуть преслѣдованія, и въ минуту малодушія готова была отказаться отъ своего состоянія, чтобы сохранить себѣ предметъ моего выбора. Но теперь я вышла изъ заблужденія, и ожидаю получить отъ вашей нѣжности то, въ чемъ отказывается мнѣ ближайшая родственница.

Гардкестль. Будь что будетъ, но я доволенъ, что они вернулись и требуютъ должнаго. Поди-ка сюда, Тони. Отказываешься ты отъ руки этой леди, которую я теперь предлагаю тебѣ?

Тони. Что толку въ моемъ отказѣ? Вы знаете, что я не могу отказаться отъ нея, пока я несовершеннолѣтній, папаша.

Гардкестль. Пока я думалъ, мальчикъ, что скрываете твоихъ лѣтъ могло служить къ твоему исправленію, я содѣйствовалъ желанію твоей матери держать ихъ въ тайнѣ; но такъ какъ я нахожу, что она злоупотребляетъ этимъ, то я долженъ объявить теперь, что ты уже три мѣсяца какъ совершеннолѣтній.

Тони. Совершеннолѣтній! Я совершеннолѣтній, папаша?

Гардкестль. Больше трехъ мѣсяцевъ.

Тони. Такъ вы увидите, что я прежде всего сдѣлаю, воспользовавшись своей свободой. (*Беретъ за руку миссъ Невиль*). Будьте свидѣтелями, всѣ вы здѣсь присутствующіе, что я, Антони Лемпкинъ, эсквайръ, такой-то мѣстности, отказываюсь имѣть васъ, Констанція Невиль, дѣвица, ни какой мѣстности, своей вѣрной и законной женой. И Констанція Невиль можетъ выйти замужъ за кого ей угодно, и Тони Лемпкинъ снова принадлежитъ самому себѣ.

Сэръ Чарльзъ. О, славный сквайръ!

Гастингсъ. Мой достойный другъ!

М-рсъ Гардкестль. Мой непослушный отпрыскъ! (*Бьетъ и гонитъ вонъ Тони*).

Марловъ. Поздравляю, мой милый Джоржъ, искренно поздравляю тебя. И если бъ я могъ уговорить моего маленькаго тирана быть менѣе упрямымъ... Я былъ бы счастливѣйшій человекъ на свѣтѣ, если бы вы вернули мнѣ благосклонность.

Гастингсъ (*миссъ Гардкестль*). Ну, сударыня, вы привели теперь къ концу ваши планы. Я знаю, что онъ нравится вамъ, я увѣренъ, что онъ любитъ васъ, и вы должны выйти и выйдете за него.

Гардкестль (*соединяя ихъ руки*). И я тоже самое скажу. Мистеръ Марловъ! Если она будетъ такой же хорошей женой, какою была дочерью, вамъ не придется раскаяться въ своемъ выборѣ. Теперь пойдете ужинать. А завтра мы созовемъ всѣхъ бѣдныхъ прихода, и недоразумѣнія ночи увѣняются веселымъ утромъ; юноша, бери ее, и я желаю, чтобы ты никогда не обманулся въ женѣ такъ, какъ обманулся въ любезной.

Миссъ Гардкестль (*къ зрителямъ*).

Съ успѣхомъ я теперь побѣду одержала
И мужа добыла; безъ помощи прикрасъ,
Простой конторщицей, я очень бы желала—
Какъ онъ мной побѣжденъ, такъ побѣдите и васъ.
